Об ораторском *искусстве*

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 19[illegible]

ОБ ОРАТОРСКОМ *искусстве*

Составил А. Толмачев

Москва
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1958

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

Редактор *В. Беляков*

Оформление художника *Н. Пешкова*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственные корректоры *А. Левина* и *Л. Маслова*

Сдано в набор 9 октября 1957 г. Подписано в печать 25 января 1958 г. Формат 60 × 92[1]/16. Физ. печ. л. 17. Условн. печ. л. 17. Учетно-изд. л. 14,1. Тираж 50 тыс. экз. А 00833. Заказ № 2953. Цена 5 руб.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из года в год все более возрастает интерес пропагандистов, агитаторов, лекторов к вопросам ораторского искусства. Это и понятно. Каждый оратор стремится построить свое выступление интересно, ярко, образно, подобрать такие слова, которые бы наиболее ясно выражали мысль, применить такие приемы, которые бы делали речь доходчивой. Чем лучше умеет человек это сделать, тем с большим основанием он может именоваться оратором. «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит,— говорил В. И. Ленин,— чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» *.

Надо сказать, что среди некоторой части пропагандистов, агитаторов, лекторов укоренилось мнение, что ораторские приемы — это непременно что-то искусственное, деланное, напыщенное. Некоторые связывают их с фразерством, политической трескотней и всяческими «красивостями» речи. Все это, конечно, досадное недоразумение.

Сила красноречия всегда высоко ценилась передовыми людьми всех времен и народов. Они уважали ораторов, речи которых были глубоко содержательны, которые умели о близких народу вещах говорить ярко, образно и доступно. Но никогда не пользовались любовью ораторы, которые в угоду красивой фразе жертвовали смыслом речи, а подчас и своими убеждениями. Характеризуя, например, одно из выступлений Р. Блюма на заседании Франкфуртского национального собрания, Маркс и Энгельс писали: «...если снять со всех этих прекрасных рассуждений декламаторскую мишуру, то не останется ничего, кроме самой тривиальной болтовни, пусть даже — охотно допускаем это — болтовни широкого размаха и высокого мастерства» **.

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 304.

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 5, изд. 2, стр. 361.

Каким же требованиям должна отвечать речь политического оратора?

Пропагандистам и агитаторам, работающим над совершенствованием культуры речи, полезно помнить указание В. И. Ленина, сделанное им на этот счет: «...с-д должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» *.

Неверно было бы думать, что стоит лишь усвоить некоторые советы, как станешь хорошим оратором. Понимать вопрос таким образом — слишком примитивно. Говорить грамотно — обязанность каждого. Здесь требования ко всем одинаковы. Но когда речь идет о конкретном ораторе, то, несомненно, нельзя не иметь в виду его особенностей и склонностей. «Агитация среди низших слоев рабочих,— писал В. И. Ленин,— должна предоставлять, конечно, наибольший простор личным особенностям агитатора и особенностям места, профессии и проч.» Далее Ленин приводит слова К. Каутского: «В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление благодаря своему одушевлению, другой — благодаря своему едкому сарказму, третий — благодаря уменью приводить массу примеров и пр.» **

Таким образом, важно, чтобы оратор говорил *своим* языком, искал *свой* стиль речи, *свои* средства убеждения, *свои* приемы ораторского мастерства.

* * *

Ораторское искусство всегда являлось частью культуры того или иного народа. Оно могло развиваться только в обществе, где человек, выступающий с речью, был уверен, что его слово может оказать какое-то влияние на ход тех или иных событий. Именно поэтому в Афинах — самом демократическом государстве древнего рабовладельческого мира — оно достигло большого совершенства. Особенно бурный расцвет ораторского искусства в Афинах наблюдается в конце V века и в IV веке до н. э. Это время характеризуется широким подъемом политической и экономической жизни Греции, развитием науки.

---

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 262.

** *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 259—260.

Непосредственный толчок развитию ораторского искусства дали знаменитые законы Солона. Законы, в частности, предусматривали, что каждый афинянин должен лично охранять свои интересы на суде. Естественно, что далеко не каждый мог это сделать. Тогда-то и появились так называемые логографы, т. е. люди, составлявшие речи по судебным делам. Именно таким логографом был вначале известный политический деятель древней Греции Демосфен. С его именем связано развитие ораторского искусства в Афинах.

В этот период в древней Греции возникают школы ораторского мастерства. Изучение красноречия становится не только модой, но и необходимостью для каждого культурного человека. Зарождается и наука о красноречии — риторика. Появляются теоретики этой науки, такие, как Горгий, Исократ, Трасимах. Но как исследователь впервые к этой науке подошел Аристотель — величайший мыслитель древности, как его называл Маркс. Написанная в 335 г. до н. э. «Риторика» Аристотеля представляет собой анализ языка, стиля и построения речи ораторов того времени, чье мастерство до сих пор может быть признано образцовым. Основным достоинством речи Аристотель считает ясность. «...Раз речь не ясна,— говорил он,— она не достигает своей цели». Его рассуждения о средствах обогащения речи, о тоне и ритме в основе своей также не вызывают возражений.

Большого расцвета ораторское искусство достигло и в другом государстве древнего мира — Римской республике. Истории известны блестящие речи таких ораторов Рима, как Катон Старший, братья Гракхи, Марк Антоний и др. Но, конечно, все эти имена затмевает имя выдающегося политического деятеля того времени Марка Туллия Цицерона. Его речи, направленные в защиту республики, против заговорщической деятельности Катилины,— образец страстности и убедительности. Правда, по свидетельствам биографов Цицерона и из знакомства с его речами видно, что он иногда чрезмерно увлекался приемами красноречия.

Нельзя не учитывать, что обязанностью оратора в Греции и Риме считалось не только ярко и образно произнести речь, но и доставить своей речью эстетическое наслаждение слушателям, подобно тому как доставляет наслаждение музыка или художественное чтение. Отсюда и большое внимание античных авторов к слогу и размеру речи.

Красноречие процветало в Риме до той поры, пока сохраняли свое значение республиканские институты. Империя, писал знаменитый римский историк того времени Тацит, смирила красноречие, как и все другое.

С падением Рима надолго приостановилось развитие ораторского искусства. Эпоха средневековья — эпоха мракобесия и схоластики,— естественно, не породила и не могла породить ораторов, подобных Демосфену и Цицерону. Эта эпоха не требовала убеждения и доказательств. Вера в догматы церкви, слепое преклонение перед авторитетами — вот все, что требовалось от образованного человека того времени. Красноречие становится достоянием богословских проповедников. Причудливая конструкция словесных выражений при отсутствии глубокого содержания, связи с жизнью — вот чем стала риторика в это время.

Примерно такое же положение наблюдалось в XVII—XVIII веках и в России. Искусство красноречия сосредоточилось в руках духовенства. Для русского литературного языка того времени характерно множество стилистических и лексических противоречий. В ученой среде господствует мертвая латынь. Книги, в том числе и методические пособия по красноречию, пишутся по-церковнославянски, речь засорена иностранными словами, непонятными народу.

Первые реформы русского языка, первые научные книги на русском языке по теории красноречия связаны с именем М. В. Ломоносова. Великий русский ученый отлично понимал огромное значение русского литературного языка, красноречия для развития речевой культуры народа. Сам отличный оратор, Ломоносов умел ценить это искусство и в других. Поставив своей целью очистить русский литературный язык от «старых и неупотребительных речений, которых народ не разумеет», Ломоносов пишет «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Однако вследствие резко отрицательного отношения членов академической конференции труд Ломоносова в эти годы опубликован не был.

В 1748 г. выходит в свет написанная Ломоносовым на русском языке книга «Краткое руководство к красноречию», которая сыграла огромную роль в развитии русского литературного языка и красноречия, легла в основу дальнейшей разработки учебных пособий по этим вопросам. Заслуживают внимания рассуждения Ломоносова о чистоте стиля, где он говорит, что стиль вырабатывается в процессе изучения русского языка, общения с людьми, «которые красоту языка знают и наблюдают...» И все же в XVIII и в начале XIX века в России было очень мало ораторов. Причина такого положения понятна. Д. И. Фонвизин писал по этому поводу: «Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная

причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться».

Только середина XIX века принесла России некоторый подъем ораторского искусства. Вопросы красноречия обсуждаются в кружках Герцена, Станкевича, Хомякова. В печати появляется немало статей и трактатов по различным вопросам ораторского искусства. Разговор ведется о содержании и назначении риторики. Все чаще раздаются голоса и о том, что существующая система преподавания риторики не годится, так как она ведет к воспитанию краснобаев и фразеров. Действительно, ставшие мертвыми правила красноречия, установленные греками и римлянами, преподаватели вбивали в головы учеников, ничуть не заботясь о содержании. Ученики на основании зазубренных риторических правил могли написать напыщенное рассуждение, но не были подчас в состоянии связно изложить письмо другу. «Это похоже на человека,— писал В. Г. Белинский,— который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, а не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе».

Белинский, как это видно из приведенных в сборнике его высказываний, отнюдь не выступал против преподавания риторики. Он считал только, что ее необходимо ввести в «ее собственные пределы», исключив из нее все ей не свойственное. «Стилистика,— писал он,— вот настоящее содержание риторики...»

Борьба передовых людей против формальной стороны риторики привела к тому, что слово «риторика» потеряло свое прежнее значение, оно стало олицетворением пустой болтовни и краснобайства.

Но нельзя представлять дело таким образом, что красноречие в России развивалось одинаково в различных слоях русского общества. В среде прогрессивных людей России (декабристы, петрашевцы и др.) ораторское искусство развивалось и обогащалось. Речи их отличались глубоким содержанием, страстностью и яркой формой изложения.

Со второй половины XIX века больших успехов достигло русское судебное красноречие. К речам многих судебных деятелей было приковано внимание передовых людей того времени. Салтыков-Щедрин, Достоевский, Чехов и другие часто посещали судебные заседания, живо интересовались ораторскими приемами адвокатов и обвинителей, давали в своих статьях и письмах оценку тем или иным выступлениям, носившим нередко и политический характер.

Некоторые судебные деятели оставили печатные труды, в которых они высказывают свои суждения об искусстве речи оратора.

Судебная речь, несомненно, отличается от речи политической. Она обычно более строга, значительное место в ней занимают доказательства подчас мелких деталей уголовного или гражданского дела. Но судебная и политическая речи имеют и много общего. Возьмем такие основные требования, которые предъявляются ко всякой речи, как ясность и доступность, такие приемы, как приемы возбуждения внимания слушателей,— все это, несомненно, имеет прямое отношение как к тому, так и к другому видам речей. Вот почему советы судебных деятелей по вопросам красноречия должны быть восприняты со вниманием и политическими ораторами.

В сборник включены отрывки из произведений русского судебного деятеля А. Ф. Кони. Его мысли об искусстве оратора интересны не только для судебных деятелей. С ними полезно познакомиться каждому, кто вдумчиво и серьезно работает над повышением своего ораторского мастерства.

В XIX веке широкого развития ораторское искусство достигает в ряде государств Западной Европы. Буржуазно-демократические и буржуазные революции, охватившие Францию и Италию, Германию и Австрийскую империю, породили выдающихся вождей и организаторов, умевших своими речами производить на людей сильнейшее впечатление. Из среды вождей и руководителей рабочего класса выделяются свои замечательные ораторы, силу слова которых вынуждены были признавать и враги.

Несокрушимой силой логики своих речей покорял слушателей К. Маркс.

Как вспоминает В. Либкнехт, «...никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обусловливает ясную форму».

Маркс был яростным врагом пустословия. Каждая фраза его выступлений была деловой и глубоко содержательной. Требовательный к себе, он требовал и от своих товарищей по работе прежде всего глубокого идейного содержания речей, ясной формы изложения мыслей. «К краснобаям,— пишет В. Либкнехт,— он испытывал омерзение — и горе тому, кто в его присутствии отделывался фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. «Надо мыслить, логически и ясно выражать свою мысль»,— внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться».

Блестящими ораторами были также современники Маркса и Энгельса — Ф. Лассаль и А. Бебель. «Речь Бебеля прево-

сходна,— пишет Ф. Энгельс в письме В. Бракке,— ясная, дельная и меткая». Высказывая эту мысль не только от своего имени, но и от имени Маркса, Энгельс тем самым сформулировал основные требования, предъявляемые к политической речи. Некоторое представление о рабочих и других ораторах того времени дают публикуемые в сборнике высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. Читатель сможет представить себе, как понимали ораторское искусство великие учители рабочего класса.

В России конца XIX века выделяется как выдающийся пропагандист идей марксизма и талантливый оратор Г. В. Плеханов. В первый период своей деятельности он произнес немало речей, направленных против самодержавия, а позже — против народничества, идейный разгром которого был завершен В. И. Лениным.

Последняя четверть XIX и начало XX века характеризуются гигантскими классовыми сдвигами, которые происходят в России. На арену политической борьбы выходит рабочий класс. Россия покрывается сетью кружков, в которых рабочие знакомятся с учением Маркса и Энгельса. Живое слово пропагандистов и агитаторов приобретает огромное значение для политического просвещения трудящихся. Ни одна стачка, ни одна маевка не проходит без произнесения страстных агитационных речей. Зарождается новое, пролетарское революционное красноречие, по форме и содержанию отличное от красноречия либералов. Пролетарские ораторы в наиболее простой и доступной форме несут людям правду, обнажают пороки капитализма, поднимают массы на борьбу за свои права. Ораторское искусство в их руках служит классовым интересам народа, становится мощным оружием борьбы против всех и всяких подпевал и прихвостней господствующих классов, которые используют ораторские приемы в своих корыстных целях.

Революционное движение в России побудило к политической деятельности широчайшие массы трудящихся. Эти массы нуждались в руководстве, организовать и повести их могли только люди, пользующиеся доверием народа, обладающие качествами революционных организаторов, пламенных ораторов.

В первом ряду ораторов революции стоял Владимир Ильич Ленин. Об ораторском мастерстве Ленина написано немало. Но все эти труды не могут исчерпать того богатства, которое вложил Ленин в развитие новой, пролетарской культуры речи. Читая его замечательные выступления, пропагандист и агитатор вновь и вновь убеждается, как велика сила ленинского слова.

Понятен интерес к тем советам, которые Владимир Ильич оставил агитаторам и пропагандистам. В настоящем предисловии нет необходимости подробно останавливаться на разборе этих советов. Читатель, безусловно, уделит им самое пристальное внимание.

Признанными организаторами и ораторами рабочего класса становятся такие выходцы из народа, как П. А. Алексеев, С. Н. Халтурин, И. В. Бабушкин, П. А. Заломов и др. В их речах, конечно, далеко не все совершенно, но они покоряют массы страстностью, убежденностью, горячей верой в светлое будущее, неукротимой ненавистью ко всякого рода угнетению. В ряде случаев их речи поднимаются до уровня высочайшего политического пафоса. Вспомним хотя бы слова, которыми Петр Алексеев заканчивает свою знаменитую речь на заседании особого присутствия правительствующего сената: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..»

К числу пролетарских ораторов, первых пропагандистов и агитаторов большевистской партии относится и Петр Андреевич Заломов — рабочий Сормовского завода (прототип Павла в романе М. Горького «Мать»). Его страстные речи, призывавшие к свержению самодержавия, вдохновляли людей, поднимали их на борьбу с угнетателями. Бесстрашный революционер и пламенный оратор, Петр Заломов решил использовать трибуну суда для пропаганды марксистских идей. Вот как Заломов вспоминает о своей речи: «Я сам волновался от своего рассказа. Сказалось перенапряжение последних недель. Мне даже стало жаль себя, жаль сотен тысяч таких же, как я, и из моих глаз неудержимо полились слезы. Временами мое горло сжималось, и я на момент умолкал, чтобы сейчас же с новой силой и страстью говорить о той правде, от которой судьи хотели отмахнуться. Худой и нервный защитник Маклаков плакал. Я видел, как нервничает председатель суда Попов. И когда я рассказал о безотрадной жизни стариков-рабочих, о жизни своего деда, подвергавшегося глумлению со стороны своих же собственных детей, он уже не в силах был сдерживать себя, его нижняя губа начала прыгать» *.

В. И. Ленин высоко оценил поведение Заломова и его товарищей на суде. Приговоренный к пожизненной ссылке за организацию первомайской политической демонстрации в Сормове, Заломов продолжал вести и там активную пропагандистскую работу среди населения.

---

* *П. А. Заломов,* Воспоминания, Горьковское областное издательство, 1947, стр. 103.

Таких, как Заломов, в рядах большевистской партии и рабочего класса было в те времена немало. Ораторы пролетариата стремились использовать все возможности для того, чтобы обратиться к народу с правдивым словом.

Колоссальным подъемом красноречия характеризуется период, предшествующий Октябрьской революции. Политические речи звучат всюду: с трибуны Думы и на городских площадях, на заводских митингах бастующих рабочих и на тайных маевках. Они отличаются полемическим характером, страстностью, непримиримой резкостью. Именно в эти годы развивается ораторский талант Свердлова и Дзержинского, Кирова и Орджоникидзе, Сталина и Калинина, Луначарского и Фрунзе.

Огромным ораторским талантом обладал Яков Михайлович Свердлов. Многие из тех, которые слышали речи Якова Михайловича, отмечают его уменье пользоваться своим великолепным голосом, говорить горячо, страстно, убедительно. «Простые, доходчивые слова «Андрея» (партийная кличка Свердлова.— *А. Т.*),— вспоминает К. Т. Свердлова,— были понятны массе. С первых же слов он умел устанавливать тесный контакт между трибуной и залой» *.

В жаркие дни 1917 г. страстно звучат речи пролетарских вождей, поднимавших народ на решительный бой за социализм. Огромную агитационную работу ведет в Самаре Валериан Владимирович Куйбышев. Его выступления проникнуты глубокой верой в правоту ленинского дела. Речь Куйбышева на объединенном совещании исполнительных комитетов Совета рабочих и солдатских депутатов с участием партийных и профессиональных организаций была встречена присутствующими восторженно. Подавляющим большинством голосов участники совещания, прослушавшие речь Куйбышева, принимают решение, одобряющее Апрельские тезисы В. И. Ленина.

Подобные события происходят повсюду: в Петрограде и Москве, на Урале и в Закавказье.

В чем заключается сила большевистских выступлений, большевистской агитации? Дело не в том, говорил В. И. Ленин, что наша агитация была более искусна, чем агитация наших противников. Нет. Дело в том, что наша агитация была правдива.

Ленинские принципы правдивости агитации и пропаганды, ясности и доступности изложения являются важнейшими для речи большевистского политического оратора.

---

* *К. Т. Свердлова,* Яков Михайлович Свердлов, Воспоминания, «Молодая гвардия», 1939, стр. 30.

После Великой Октябрьской социалистической революции наша партия располагала многочисленными кадрами пропагандистов и агитаторов. Их задачи не только не сузились, но с каждым днем приобретали все большее значение. Трудности, которые переживала молодая Советская республика в первые годы своего существования, были огромны. Разруха и голод, военная интервенция империалистов и гражданская война требовали от партии колоссального напряжения сил. Агитаторы и пропагандисты всюду были на передовых участках.

В Красной Армии и во Флоте в 1920 г. насчитывалось до 300 тысяч коммунистов, большинство которых было агитаторами. Многие из них, естественно, не имели достаточного опыта агитационной работы. Партийные организации стремились всячески помочь им овладеть искусством говорить с массами. Например, в «Бюллетене бюро печати Политуправления РВСР» от 27 апреля 1920 г. была помещена такая «Памятка агитатора»:

«Агитатор!

1) Помни, ты отдал себя великому делу — сеять в души трудящихся семя коммунизма. Ты его выполнишь, только отдав ему все свои силы и время.

2) Помни, ты хочешь учить других,— учись же не покладая рук сам. Мы живем в дни мировой революции, когда события проносятся друг за другом с быстротой молнии,— следи же за ними и разбирайся в них.

3) Только практика и работа над собой научат тебя хорошо говорить и передавать свои познания другим. Начни с кучки, кончи тысячной толпой.

4) Никогда не выступай, не подготовившись к теме. Посмотри материалы по данному вопросу в газете, брошюре, книге. Выступай всегда с конспектом в руках.

5) Выступай, продумавши тему, а не только нахватавшись фраз в газете или брошюре. Говори живо и только о том, что сам хорошо понял и в чем убежден. Только тогда тебе поверят.

6) Когда говоришь, помни твердо свою тему и не отходи от нее далеко. Имей при себе конспект и, если забыл мысль, не стесняясь, посмотри в него и продолжай. Это лучше, чем ты, забыв свой план, будешь говорить то, что попадется на язык.

7) Говори простыми, народными словами, забыв об иностранных, которые ты выучил из книги.

8) Приводи в своей речи побольше примеров, фактов; поменьше употребляй общих, ничего не говорящих и всем надоевших митинговых фраз *.

---

* Старайся делать так, чтобы приводимые тобой примеры и факты сами собой агитировали, чтобы они лучше всяких призывов увлекали слушателей на революционную и трудовую борьбу. Приводи побольше примеров, которые вызывали бы желание соревноваться, достичь больше. Указывай героев борьбы, труда, указывай и тех, кто достоин порицания.

9) Внимательно прислушивайся и присматривайся к слушателям. Если тебя перестают слушать, это значит надо изменить свою речь, привести яркий пример, сообщить факт.

10) Никогда не говори слишком долго: это утомляет.

11) Не кричи. Соразмеряй свой голос с количеством слушателей Крикливый голос быстро утомляет и неприятно действует на слух. Привыкай владеть своим голосом.

12) Лозунги бросай только тогда, когда слушатели захвачены.

13) Окончив доклад, после маленького перерыва заведи на тему доклада беседу. Предложи слушателям задавать вопросы, сам спроси их о чем-нибудь на тему. Пусть задают вопросы по очереди, не допускай, чтобы беседа превращалась в галдеж. Будь спокоен.

14) Не прерывай спрашивающего, дай ему высказаться, внимательно следи за ним, обдумай и дай исчерпывающий ответ. Если не знаешь, что ответить, скажи, что ответишь завтра; никогда не отговаривайся пустыми фразами.

15) Уходи тогда, когда слушатели удовлетворены беседой. Если они чем-либо взволнованы, успокой их и уйди их другом.

16) Учись управлять массой. Не давай ей увлечь себя. Это можно достигнуть самодисциплиной и хладнокровием. Владей всегда собой, будь тверд и спокоен, тогда ты будешь держать слушателей в своих руках.

17) Всюду находи себе друзей и завербовывай их в ряды коммунистов.

18) Помни. Ты не начальство, не власть, а лишь более сознательный из своих товарищей. Помни, что ты вышел из их же рядов.

19) Агитатор! Тебе Коммунистическая партия и русская революция поручили великое дело — строить революционную трудовую республику. Ты обязан быть созидателем, творцом.

Помни это» *.

Живое слово пропагандистов, агитаторов, лекторов сыграло огромную роль в укреплении Советской республики, упрочении народной власти.

До последнего вздоха весь свой пламенный организаторский талант отдавал народу Ф. Э. Дзержинский. Его выступления — это образцы действительно коммунистического отношения к себе, к своим обязанностям, ко всей работе и к борьбе за коммунизм. В день своей смерти, 20 июня 1926 г., Дзержинский произнес свою последнюю речь, направленную против троцкистско-зиновьевских контрреволюционеров. Эта страстная речь пламенного борца за коммунизм проникнута горячими призывами к борьбе с трудностями и недочетами, непреклонной верой в торжество дела партии.

Замечательным мастером слова был И. В. Сталин. Речи Сталина, направленные против правых оппортунистов, против троцкистов и бухаринцев, отличались твердой логикой, убежденностью, страстной непримиримостью ко всякого рода «уклонам». Он умел доступно и в то же время ярко и образно донести до широких масс идеи Коммунистической партии.

* *А. Ф. Горленко,* Памятка агитатора, журнал «Исторический архив» № 6, 1956 г., стр. 169—170.

Среди выдающихся большевистских деятелей особенно выделялся как пропагандист и агитатор Михаил Иванович Калинин. Отдав всю свою жизнь беззаветному служению народу, делу коммунистического воспитания масс, он огромное внимание уделял вопросам культуры речи и ораторского мастерства. Его советы ораторам проникнуты глубокой мудростью, большим знанием жизни.

За годы Советской власти ораторское искусство стало достоянием самых широких масс. Ежедневно перед народом выступают тысячи лекторов и докладчиков, пропагандистов и агитаторов. Они несут народу знания, пропагандируют всепобеждающее учение марксизма-ленинизма, агитируют трудящихся работать еще лучше, еще упорнее на благо коммунизма.

На партийных съездах, конференциях и собраниях, на сессиях Верховного Совета и местных Советов депутатов трудящихся, на собраниях рабочих и служащих звучат речи представителей самых разнообразных слоев народа. Руководители Коммунистической партии и Советского правительства выступают перед народом с яркими политическими речами, зовущими массы к новым победам.

* *
*

Настоящая книга является попыткой объединить некоторые ценные высказывания выдающихся политических деятелей, ученых и писателей об ораторском искусстве.

Сборник не претендует на исчерпывающее собрание всех методических советов и высказываний. В него включены главным образом отрывки из трудов русских и советских авторов. Раздел «Античные авторы об искусстве оратора» приведен в качестве образца риторических советов древних. Раздел «К. Маркс и Ф. Энгельс об ораторах» позволит читателю познакомиться с мыслями Маркса и Энгельса об ораторском мастерстве, понять, в каком состоянии это искусство находилось в Западной Европе в середине прошлого века.

Было бы неверно думать, однако, что сборник содержит готовые рецепты на все случаи жизни. Таких универсальных рецептов не существует. Но материалы сборника помогут пропагандистам и агитаторам найти ответы на некоторые волнующие их вопросы, критически оценить свою деятельность, избежать возможных ошибок.

А. Толмачев

I.

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ ОРАТОРА

В разделе приводятся отрывки из произведений Аристотеля и Цицерона. Каждому отрывку предпослан заголовок, раскрывающий его содержание.

Отрывок, озаглавленный «О стиле ораторской речи», представляет собой избранные места из III книги «Риторики» Аристотеля — «О стиле». На русском языке «Риторика» вышла в 1894 г. в переводе Надежды Платоновой. В настоящем сборнике отрывки из этой книги печатаются с редакционными поправками составителей книги «Античные теории языка и стиля» (Соцэкгиз, 1936).

«Виды красноречия», «Чистота и ясность речи», «Выбор слов» — отрывки из работы Цицерона «Об ораторе». Перевод текста сделан А. Н. Зограф для той же книги — «Античные теории языка и стиля». При чтении этих отрывков важно иметь в виду, что работа «Об ораторе» написана в форме диалога, якобы имевшего место между виднейшими ораторами — предшественниками Цицерона.

Под заголовком «О наилучшем роде ораторов» приводится несколько сокращенный вариант предисловия Цицерона к сделанному им переводу речей Эсхина и Демосфена по делу Ктесифонта. Русский текст предисловия впервые опубликован в журнале «Гимназия» (июнь 1895 г.).

Раздел заканчивается отрывком из произведения Цицерона «Оратор» — «О ритме ораторской речи». Печатается по тексту книги «Античные теории языка и стиля».

Аристотель

О СТИЛЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

1. Так как все дело риторики[1] направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует заботиться о стиле[2] не как о чем-то, заключающем в себе истину, а как о чем-то неизбежном. Всего правильнее было бы стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни неприятного ощущения, ни наслаждения; справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы все находящееся вне области доказательства становилось излишним. Однако стиль приобретает весьма важное значение вследствие испорченности слушателя. Стиль имеет некоторое небольшое значение при всяком обучении, так как для выяснения чего-либо есть разница в том, выразишься ли так или иначе, но значение это не так велико, как обыкновенно думают: все это внешность и рассчитано на слушателя. Поэтому никто не пользуется этими приемами при обучении геометрии.

2. Достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигает своей цели. Стиль не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок, но должен соответствовать предмету речи; из имен и глаголов ясной делают речь те, которые вошли во всеобщее употребление. Другие имена, которые мы перечислили в сочинении, касающемся поэтического искусства[3], делают речь не низкой, но изукрашенной, так как отступление от речи обыденной способствует тому, что речь кажется более торжественной: ведь люди так же относятся к стилю, как к иноземцам и своим согражданам. Поэтому-то следует придавать языку характер иноземного, ибо люди склонны удивляться тому, что приходит издалека, а то, что возбуждает удивление, приятно. В стихах многое производит такое действие и годится там (т. е. в поэзии), потому что предметы и лица, о которых там идет речь, более удалены от повседневной жизни. Но в прозаической речи таких средств гораздо меньше, потому что предмет ее менее возвышен; здесь было бы еще неприличнее, если бы раб, или человек слишком молодой, или кто-нибудь говорящий о слишком ничтожных предметах выражался возвышенным слогом. Но и здесь прилично говорить, то прини-

жая, то возвышая слог, сообразно с трактуемым предметом, и это следует делать незаметно, чтобы казалось, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убеждать, а искусственное — напротив. Как к смешанным винам, люди недоверчиво относятся к такому оратору, как будто он замышляет что-нибудь против них. Хорошо скрывает свое искусство тот, кто составляет свою речь из выражений, взятых из обыденной речи.

Речь составляется из имен и глаголов; есть столько видов имен, сколько мы рассмотрели в сочинении, касающемся поэтического искусства; из числа их следует в редких случаях и в немногих местах употреблять необычные выражения, слова сложные и вновь сочиненные; где именно следует их употреблять, об этом мы скажем потом, а почему — об этом мы уже сказали, а именно: потому что употребление этих слов делает речь отличной от обыденной речи в большей, чем следует, степени. Слова общеупотребительные, точные и метафоры [4] — вот единственный материал, пригодный для стиля прозаической речи. Доказывается это тем, что все пользуются только такого рода выражениями: все обходятся с помощью метафор и слов точных и общеупотребительных. Но, очевидно, у того, кто сумеет это легко сделать, иноземное слово проскользнет в речи незаметно и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи...

Метафора в высокой степени обладает ясностью, приятностью и прелестью новизны, и перенять ее от другого нельзя. Эпитеты [5] и метафоры должны быть подходящими, а этого можно достигнуть с помощью пропорции; в противном случае метафора и эпитет покажутся неподходящими вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом. И если желаешь представить что-нибудь в хорошем свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в этом самом роде вещей; если же хочешь выставить что-нибудь в дурном свете, то следует заимствовать ее от худших вещей. Так, если противоположные понятия являются понятиями одного и того же порядка, то, например, о просящем милостыню можно сказать, что он просто обращается с просьбой, а об обращающемся с просьбой сказать, что он просит милостыню; на том основании, что оба выражения обозначают просьбу, можно применить упомянутый нами прием. Точно так же и грабители называют себя теперь пористами, сборщиками чрезвычайных податей. С таким же основанием можно сказать про человека, поступившего несправедливо, что он ошибся, а про человека, впавшего в ошибку,— что он поступил несправедливо, и про человека, совершившего кражу,— или, что он взял, или, что он ограбил.

Ошибка может заключаться в самых слогах, когда они не заключают в себе признаков приятного звука, так например Дионисий, прозванный Медным, называет в своих элегиях поэзию криком Каллиопы на том основании, что и то и другое — звуки. Эта метафора нехороша вследствие своей звуковой невыразительности. Кроме того, на предметы, не имеющие имени, следует переносить названия не издалека, а от предметов родственных и однородных, так, чтобы при произнесении названия было ясно, что оба предмета родственны.

Из хорошо составленных загадок можно заимствовать прекрасные метафоры; метафоры заключают в себе загадку, так что ясно, что загадки — хорошо составленные метафоры. Следует еще переносить названия от предметов прекрасных; красота слова, как говорит Ликимний, заключается в самом звуке или в его значении, точно так же и безобразие. Есть еще третье условие, которым опровергается софистическое правило: неверно утверждение Брисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово более употребительно, более подходит, скорей может наглядно представить предмет, чем другое. Кроме того, разные слова представляют предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует считать, что одно слово прекраснее или безобразнее другого. Оба слова означают прекрасное или оба означают безобразное, но не говорят, чем предмет прекрасен или чем безобразен, или говорят об этом, но одно в большей, другое в меньшей степени. Метафоры следует заимствовать от слов, прекрасных по звуку или по значению или заключающих в себе нечто приятное для зрения или для какого-либо другого чувства. Например, выражение «розоперстая заря» лучше, чем «пурпуроперстая», еще хуже «красноперстая».

То же и в области эпитетов: можно создавать эпитеты на основании дурного или постыдного, например эпитет «матереубийца»; но можно также создавать их на основании хорошего, например «мститель за отца». С той же целью можно прибегать к уменьшительным выражениям. Уменьшительным называется выражение, представляющее зло и добро меньшим, чем они есть на самом деле; так, Аристофан в шутку говорил в своих «Вавилонянах» [6] вместо золота золотце, вместо платье — платьице, вместо поношение — поношеньице и нездоровьице. Но здесь следует быть осторожным и соблюдать меру в том и другом.

3. Ходульность стиля может происходить от четырех причин: во-первых, от употребления сложных слов; эти выражения поэтичны, потому что они составлены из двух слов. Вот в чем заключается одна причина. Другая состоит в употреб-

лении необычных выражений. Третья причина заключается в употреблении эпитетов или длинных, или неуместных, или в слишком большом числе; в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же подобные эпитеты совершенно неуместны; если их слишком много, они выдают себя, показывая, что раз нужно ими пользоваться, то это уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого. В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что неумеренность здесь есть большее зло, чем речь простая (т. е. лишенная вовсе эпитетов): в последнем случае речь не имеет достоинства, а в первом она заключает в себе недостаток. Вследствие неуместного употребления поэтических оборотов стиль делается смешным и ходульным, а от многословия — неясным, потому что когда кто-нибудь излагает с прикрасами дело лицу, знающему это дело, то он уничтожает ясность темнотою изложения. Люди употребляют сложные слова, когда у данного понятия нет названия или когда легко составить сложное слово; таково, например, слово «времяпрепровождение»; но если таких слов много, то слог делается совершенно поэтическим. Наконец, четвертая причина, от которой может происходить ходульность стиля, заключается в метафорах. Есть метафоры, которых не следует употреблять, одни потому, что они неприличны (метафоры употребляют и комики), другие из-за их чрезмерной торжественности и трагичности; кроме того, метафоры имеют неясный смысл, если они далеки.

4. Сравнение есть также метафора, так как между ним и метафорой существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [7] говорит об Ахилле: «Он ринулся, как лев»,— это есть сравнение. Когда же он говорит: «Лев ринулся»,— это есть метафора: так как оба — Ахилл и лев — обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом. Сравнение бывает полезно и в прозе, но в немногих случаях, так как вообще оно свойственно поэзии. Сравнения следует допускать так же, как метафоры, потому что они — те же метафоры и отличаются от последних только вышеуказанным, и очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, наоборот, будут метафорами, раз отсутствует слово сравнения («как»). Метафору, заимствованную от сходства, всегда возможно приложить к обоим из двух предметов, принадлежащих к одному и тому же роду; так, например, если фиал есть щит Диониса, то возможно также щит назвать фиалом Ареса [8].

5. Итак, вот из чего слагается речь. Стиль основывается прежде всего на уменье говорить правильно по-гречески, а это зависит от пяти условий: от употребления частиц, от того, раз-

мещены ли они так, как они по своей природе должны следовать друг за другом, сначала одни, потом другие, как некоторые из них этого определенно требуют. Притом следует ставить их одну за другой, пока еще о требуемом соотношении помнишь, не размещая их на слишком большом расстоянии, и не употреблять одну частицу раньше другой необходимой, потому что подобное употребление частиц лишь в редких случаях бывает удачно. Итак, первое условие заключается в правильном употреблении частиц. Второе заключается в употреблении точных обозначений предметов, а не описательных выражений. В-третьих, не следует употреблять двусмысленных выражений, кроме тех случаев, когда это делается умышленно, как поступают, например, люди, которым нечего сказать, но которые тем не менее делают вид, что говорят нечто. В-четвертых, следует правильно употреблять роды имен, как их разделял Протагор,— мужской, женский и средний. В-пятых, следует соблюдать согласование в числе, идет ли речь о многих или о немногих, или об одном.

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопроизносимо, что одно и то же. Этими свойствами не обладает речь со многими частицами, а также речь, в которой трудно расставить знаки препинания...

6. Пространности стиля способствует употребление определения понятия вместо имени; например, если сказать не «круг», а «плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра». Сжатости же стиля способствует противоположное, т. е. употребление имени вместо определения понятия. Эта замена уместна также тогда, когда в том, о чем идет речь, есть что-нибудь позорное или неприличное; если что-нибудь позорное заключается в понятии, можно употреблять имя, если же в имени — то понятие. Можно также в пространном стиле пояснять мысль с помощью метафор и эпитетов, остерегаясь при этом того, что носит поэтический характер, а также употреблять множественное число вместо единственного, как это делают поэты.

Можно также ради пространности не соединять двух слов вместе, но к каждому из них присоединять все относящиеся к нему слова, например: «от жены от моей», а ради сжатости, напротив: «от моей жены». Выражаясь пространно, следует также употреблять союзы, а если выражаться сжато, то не следует их употреблять, но не следует также при этом делать речь бессвязной; например, можно сказать: «отправившись и переговорив», а также: «отправившись, переговорил»...

7. Соответственным стиль будет в том случае, если он будет выражать чувства и характер и если он будет соответствовать излагаемым предметам. Последнее бывает в том слу-

чае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простым словам не прибавляется украшающих эпитетов, в противном случае стиль кажется комическим. Стиль полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных, если о вещах похвальных говорится с восхищением, а о вещах, возбуждающих сострадание,— скромно; подобно этому и в других случаях. Стиль, соответствующий данному случаю, придает делу вид вероятного: здесь человек ошибочно заключает, что оратор говорит искренно, на том основании, что при подобных обстоятельствах он сам испытывает то же самое, так что он принимает, что положение дел таково, каким его представляет оратор, даже если это на самом деле и не так. Слушатель всегда сочувствует оратору, говорящему с чувством, если даже он не говорит ничего основательного; вот таким-то способом многие ораторы с помощью только шума производят сильное впечатление на слушателей.

Это показ характера на основании его признаков, потому что для каждого положения и у каждого состояния есть свой подходящий ему показ; положение я различаю по возрасту (например, мальчик, муж и старик), по полу (например, женщина или мужчина), по национальности (например, лаконец или фессалиец). Состоянием я называю то, сообразно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого состояния; и если оратор употребляет выражения, присущие какому-нибудь состоянию, он изображает соответствующий характер, потому что человек неотесанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях.

Все эти приемы одинаково могут быть употреблены кстати или некстати. При всяком несоблюдении меры лекарством должно служить известное правило[9], что говорящий должен предупреждать упрек слушателей, сам себя исправляя, потому что, раз оратор отдает себе отчет в том, что делает, его слова кажутся истиной. Другая аналогичная ошибка — не пользоваться разом всеми средствами уловления слушателя, например жесткие слова произносить не жестким голосом, не делать жесткого выражения лица и других соответствующих действий. В таком случае каждое из этих действий выдает себя. Ту же ошибку незаметно для себя допускает и тот, кто использует некоторые средства, а других не использует. Итак, если оратор говорит жестким тоном нежные вещи или нежным тоном жесткие вещи, он становится неубедительным. Слож-

ные слова, обилие эпитетов и слова малоупотребительные всего пригоднее для говорящего в состоянии аффекта. В самом деле, человеку разгневанному простительно назвать несчастье «необозримым как небо» или «чудовищным». Простительно это также в том случае, когда оратор уже завладел своими слушателями и воодушевил их похвалами или порицаниями, гневом или дружбой.

Такие вещи люди говорят в состоянии увлечения, и выслушивают их люди очевидно под влиянием такого же настроения. Поэтому-то такие выражения свойственны поэзии, так как поэзия есть вдохновение. Употреблять их следует или так, или иронически.

8. Что касается формы речи, то она не должна быть ни метрической, ни лишенной ритма. В первом случае речь не имеет убедительности, так как кажется искусственной и вместе с тем отвлекает внимание слушателей, заставляя их следить за возвращением сходных повышений и понижений. Стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности, но не с помощью метра, потому что все незаконченное неприятно и невразумительно [10]. Все измеряется числом, а по отношению к форме речи числом служит ритм, метры [11] же — его подразделения, поэтому-то речь должна обладать ритмом [12], но не метром, так как в последнем случае получатся стихи. Ритм не должен быть строго определенным, это будет в том случае, если он будет простираться лишь до известного предела...

9. Речь бывает или нанизанной, скрепленной только союзами... или же закругленной...

Речь нанизанная — древнейшая. Прежде этот стиль употребляли все, а теперь его употребляют немногие. Я называю нанизанным такой стиль, который сам по себе не имеет конца, пока не оканчивается предмет, о котором идет речь; он неприятен по своей незаконченности, потому что всякому хочется видеть конец; по этой же причине состязающиеся в беге задыхаются и обессиливают на повороте, между тем как раньше они не чувствовали утомления, видя перед собой предмет бега. Вот в чем заключается нанизанный стиль; стилем же закругленным называется стиль, составленный из периодов (кругов). Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен потому, что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю каждый раз кажется благодаря этой законченности, что он что-то схватывает; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходить — неприятно. Понятна такая речь потому, что она легко запоминается, а это происходит от того, что перио-

дическая речь имеет число, число же всего легче запоминается. Поэтому-то все запоминают стихи лучше, чем прозу, так как у стихов есть число, которым они измеряются. Период должен заключать в себе и мысль законченную, а не разрубаться.

Период может состоять из нескольких колонов [13] или быть простым. Период, состоящий из нескольких колонов, есть период законченный, имеющий деления и удобный для дыхания весь целиком, а не по частям... Ни колоны, ни сами периоды не должны быть ни укороченными, ни слишком длинными, потому что краткая фраза часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, еще стремясь вперед к тому пределу, о котором он носит в себе представление, вдруг должен остановиться вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается [14], встретив препятствие. А длинные периоды заставляют слушателей отставать, подобно тому как бывает с людьми, которые, гуляя, заходят за назначенные пределы: они таким образом оставляют позади себя тех, кто с ними вместе гуляет. Подобным же образом и периоды, если они длинны, превращаются в целые речи и становятся похожими на прелюдии.

Периоды со слишком короткими колонами — не периоды, они влекут слушателя вперед слишком стремительно.

Период, состоящий из нескольких колонов, бывает или разделительный, или антитетический. Пример разделительного периода: «Я часто удивлялся тем, кто установил торжественные собрания и учредил гимнастические состязания». Антитетический период — такой, в котором в каждом из двух членов одна противоположность стоит рядом с другой или один и тот же член присоединяется к двум противоположностям, например: «Они оказали услугу и тем и другим — и тем, кто остался, и тем, кто последовал за ними; вторым они предоставили во владение больше земли, чем они имели дома, первым оставили достаточно земли дома». Противоположности здесь: оставаться — последовать, достаточно — больше. Точно так же и в другой фразе: «И для тех, кто нуждается в деньгах, и для тех, кто желает ими пользоваться»,— пользование противополагается приобретению. Такой способ изложения приятен, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они еще понятнее, а также потому, что этот способ изложения походит на силлогизм [15], так как доказательство есть сопоставление противоположностей...

10. Разобрав этот вопрос, следует сказать о том, откуда берутся изящные и удачные выражения. Их создает даровитый или искусный человек, а показать, в чем их сущность, есть дело нашей науки. Итак, поговорим о них и перечислим

их. Начнем вот с чего. Естественно, что всякому приятно легко научиться чему-нибудь, а всякое слово имеет некоторый определенный смысл; поэтому всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание. Слова необычные нам непонятны, а слова общеупотребительные мы понимаем. Наиболее достигает этой цели метафора; например, если поэт называет старость стеблем, остающимся после жатвы, то он научает и сообщает сведения с помощью родового понятия, ибо то и другое — нечто отцветшее. То же самое действие производят сравнения, употребляемые поэтами, и потому они кажутся изящными, если только они хорошо выбраны. Сравнение, как было сказано раньше, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением слова сравнения; она меньше нравится, так как она длиннее, она не утверждает, что «это — то», а потому и наш ум этого от нее не требует.

Итак, тот стиль и те суждения, естественно, будут изящны, которые сразу сообщают нам знания, поэтому-то поверхностные суждения не в чести (мы называем поверхностными те суждения, которые для всякого очевидны и в которых ничего не нужно исследовать); не в чести также суждения, которые, когда их произнесут, представляются непонятными. Но наибольшим почетом пользуются те суждения, произнесение которых сопровождается появлением некоторого познания, когда такого познания раньше не было, или те, которые несколько выше понимания, потому что в этих последних случаях как бы приобретается некоторое познание, а в первых двух нет. Подобные суждения пользуются почетом ради смысла того, что в них говорится; что же касается внешней формы речи, то наибольшее значение придается суждениям, в которых употребляются противоположения. Суждение может производить впечатление и отдельными словами, если в нем заключается метафора, и притом метафора не слишком далекая, потому что смысл такой метафоры трудно понять, и не слишком поверхностная, потому что такая метафора не производит никакого впечатления. Имеет также значение то суждение, которое изображает вещь как бы находящейся перед нашими глазами, ибо нужно больше обращать внимание на то, что есть, чем на то, что будет.

Итак, нужно стремиться к этим трем вещам: 1) метафоре, 2) противоположению, 3) наглядности.

Из четырех родов метафор наиболее заслуживают внимания метафоры, основанные на пропорции: так, Перикл говорил, что юношество, погибшее на войне, точно так же исчезло из государства, как если бы кто-нибудь изгнал из года весну. Или, как сказано в Эпитафии: [16] «Достойно было бы, чтобы над могилой воинов, павших при Саламине [17], Греция остригла

себе волосы, как похоронившая свою свободу вместе с их доблестью». Если бы было сказано, что грекам стоит пролить слезы, так как их доблесть погребена, это была бы метафора, и сказано было бы это наглядно, но слова «свою свободу вместе с их доблестью» заключают в себе некое противоположение.

11. Итак, мы сказали, что изящество получается из метафоры, заключающей в себе пропорцию, и из оборотов, изображающих вещь наглядно; теперь следует сказать о том, что мы называем «наглядным» и результатом чего является наглядность. Я говорю, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают ее в действии: например выражение, что нравственно хороший человек четырехуголен [18], есть метафора, потому что оба эти понятия обозначают нечто совершенное, не обозначая однако действия. Выражение же «он находится во цвете сил» означает проявление деятельности. И Гомер часто пользовался этим приемом, с помощью метафоры представляя неодушевленное одушевленным. Во всех этих случаях вследствие одушевления изображаемое кажется действующим. Поэт изображает здесь все движущимся и живущим, а действие и есть движение.

Метафоры нужно заимствовать, как мы это сказали и раньше, из области родственного, но не очевидного. Подобно этому, и в философии меткий ум усматривает сходство в вещах, даже очень различных. Архит, например, говорил, что одно и то же — судья и жертвенник, ведь и у того и у другого ищет защиты то, что обижено.

Большая часть изящных оборотов получается с помощью метафор и посредством обмана слушателя: человеку становится яснее, что он узнал что-нибудь новое, раз это последнее противоположно тому, что он думал, и разум тогда как бы говорит ему: «Как это верно! а я ошибался». И изящество изречений является следствием именно того, что они значат не то, что в них говорится. По той же самой причине приятны хорошо составленные загадки: они сообщают некоторое знание и притом в форме метафоры. Сюда же относится то, что Теодор называет «говорить новое»; это бывает в том случае, когда мысль неожиданна и когда она, как говорит Теодор, не согласуется с ранее установившимся мнением, подобно тому как в шутках употребляются искаженные слова; то же действие могут производить и шутки, основанные на перестановке букв в словах, потому что и тут слушатель впадает в заблуждение. То же самое бывает и в стихах, когда они заканчиваются не так, как предполагал слушатель, например: «Он шел, имея на ногах отмороженные места». Слушатель полагал, что будет сказано «сандалии», а не отмороженные места. Такие обороты

должны становиться понятными немедленно после того, как они произнесены. Когда же в словах изменяются буквы, то говорящий говорит не то, что говорит, а то, что̀ значит получившееся искажение слова. То же самое можно сказать и об игре словами. В этих случаях говорится то, чего не ожидали и что̀ признается верным. Одно и то же слово употребляется здесь не в одном значении, а в разных, и сказанное в начале повторяется не в том же самом смысле, а в другом. Во всех этих случаях выходит хорошо, если слово надлежащим образом употреблено для омонимии или метафоры. Чем больше фраза отвечает вышеуказанным требованиям, тем она изящнее, например если имена употреблены как метафоры и если во фразе есть подобного рода метафоры — и противоположение, и равенство, и действие.

И сравнения, как мы сказали это выше, суть некоторым образом прославившиеся метафоры. Как метафора, основанная на пропорции, они всегда составляются из двух понятий: например, мы говорим, что щит — фиал Ареса, а лук — бесструнная лира. Говоря таким образом, употребляют метафору непростую, назвать же лук лирой или щит фиалом — значит употребить метафору простую. Таким-то образом делаются сравнения, например, игрока на флейте с обезьяной и человека близорукого со светильником, на который капает вода, потому что и тот и другой мигают. Сравнение удачно, когда в нем есть метафора. Так, например, можно сравнить щит с фиалом Ареса, развалины — с лохмотьями дома. На этом-то, когда сравнение неудачно, и проваливаются всего чаще поэты и получают славу, когда сравнения у них бывают удачны.

И пословицы — метафоры от вида к виду.

Таким образом, мы до некоторой степени выяснили, из чего и почему образуются изящные обороты речи.

И удачные гиперболы[19] — метафоры; например, об избитом лице можно сказать: «Его можно принять за корзину тутовых ягод», так под глазами сине. На это сильно преувеличено. Оборот «подобно тому как то-то и то-то» — гипербола, отличающаяся только формой речи. Гиперболы бывают наивны: они указывают на стремительность речи, поэтому их чаще всего употребляют под влиянием гнева. Человеку пожилому не подобает употреблять их.

12. Не должно ускользать от нашего внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же стиль у речи письменной и у речи во время спора, у речи политической и у речи судебной. Необходимо знать оба стиля, потому что первый заключается в уменье говорить по-гречески, а зная второй, не бываешь принужден молчать, если хочешь передать что-нибудь другим, как это бывает с теми, кто не

умеет писать. Стиль речи письменной — наиболее точный, а речи во время прений — наиболее актерский. Есть два вида последнего стиля: один передает характер, другой — аффекты. Если сравнивать речи между собой, то речи, написанные при устных состязаниях, кажутся сухими, а речи ораторов, даже если они имели успех, в чтении кажутся неискусными: причина этого та, что они пригодны только для устного состязания. По той же причине и их сценические приемы, не будучи воспроизводимы, не вызывают свойственного им впечатления и кажутся наивными: например, фразы, не соединенные союзами, и частое повторение одного и того же в речи письменной по справедливости отвергаются, а в устных состязаниях эти приемы употребляют и ораторы, потому что они сценичны. При повторении одного и того же необходимо менять интонацию, что как бы предшествует декламации. То же можно сказать о фразах, не соединенных союзами, например: «Пришел, встретил, просил». Эти предложения нужно произнести с декламацией, а не говорить их с одинаковым выражением и одинаковым голосом, словно нечто единое. Речь, не соединенная союзами, имеет следующую особенность: кажется, что в один и тот же промежуток времени сказано многое, потому что соединение посредством союзов объединяет многое в одно целое; отсюда ясно, что при устранении союзов единое сделается, напротив, многим. Следовательно, такая речь заключает в себе амплификацию [20]: «Пришел, говорил, просил». Слушателю кажется, что он обозревает все то, что сказал оратор.

Того же впечатления хочет достигнуть и Гомер в стихах:

Три корабля соразмерных приплыли...
Вслед за Ниреем...
Вслед за Ниреем... (Ил. II. 671 сл.)

О ком говорится многое, о том конечно говорится часто, поэтому, если о ком-нибудь говорится несколько раз, кажется, что о нем сказано многое.

Стиль речи, произносимой в народном собрании, во всех отношениях похож на силуэтную живопись, ибо, чем больше толпа, тем отдаленнее перспектива, поэтому-то и там и здесь всякая точность кажется неуместной и производит худшее впечатление; точнее стиль речи судебной, а еще более точна речь, произносимая перед одним судьей: такая речь всего менее заключает в себе риторики, потому что здесь виднее то, что идет к делу и что ему чуждо, здесь нет состязания и решение ясно. Поэтому-то не одни и те же ораторы имеют успех во всех перечисленных родах речей, но где всего больше декламации, там всего меньше точности; это бывает там, где нужен голос, и особенно, где нужен большой голос...

Излишне продолжать анализ стиля и доказывать, что он должен быть приятен и величествен; действительно, почему бы ему обладать этими свойствами в большей степени, чем умеренностью, благородством или какой-нибудь иной этической добродетелью? А что перечисленные свойства стиля помогут ему сделаться приятным, это очевидно, если мы правильно определили достоинство стиля, потому что для чего же другого, как не для того, чтобы быть приятным, стиль должен быть ясен, не низок, но соответствовать своему предмету? Если стиль многословен или слишком сжат, он не ясен; очевидно, что требуется середина. Перечисленные качества сделают стиль приятным, если будут в нем удачно перемешаны выражения общеупотребительные и редкие и если он будет обладать ритмом и убедительностью, основанной на соответствии.

335 г. до н. э., «Риторика», книга III «О стиле». «Античные теории языка и стиля», стр. 176—188

Марк Туллий Цицерон

ВИДЫ КРАСНОРЕЧИЯ

5(19) *. Существуют вообще три рода красноречия; (20) в каждом из них в отдельности некоторые достигали мастерства, но лишь очень немногие достигали его в одинаковой мере во всех, как мы этого хотели бы. Так, были, если так можно выразиться, ораторы велеречивые, с возвышенной силой мысли и торжественностью выражений, решительные, разнообразные, неистощимые, могучие, во всеоружии готовые трогать и обращать сердца — и этого одни достигали с помощью речи резкой, строгой, суровой, не отделанной и не закругленной, а иные, напротив,— речью гладкой, стройной, законченной. С другой стороны, были ораторы сдержанные и проницательные, всему поучающие, все разъясняющие, а не возвеличивающие, отточенные в своей прозрачной, так сказать, и сжатой речи. 6. Притом в пределах этого же рода одни, несмотря на свой ум, безыскусственные, намеренно подражающие неумелой простоте речи, а другие при той же сухости более складные, т. е. остроумные, даже расцвеченные и слегка прикрашенные. Но есть (21) и некий промежуточный между обоими упомянутыми, средний и как бы умеренный род, не применяющий ни тонкой предусмотрительности последних, ни бурного натиска первых: он соприкасается с обоими, но не выдается ни в ту, ни в другую сторону, близок им обоим, или, вернее говоря, скорее не причастен ни тому, ни другому. Слова текут в нем как бы непрерывным потоком, не приносящим с собою ничего, кроме легкости и уравновешенности; разве только, как в венок вплетаются один-два цветка, так и у них речь изредка разнообразится красотами слов и мысли.

21 (69). Красноречивым будет тот, кто на форуме[21] и в гражданских процессах будет говорить так, что убедит, доставит наслаждение, подчинит себе слушателя. Убеждение вызы-

---

* Цифра без скобок обозначает порядковый номер главы, цифра в скобках — номер параграфа этой главы.— *Ред.*

вается необходимостью, наслаждение зависит от приятности речи, в подчинении слушателя — победа. Сколько задач стоит перед оратором, столько и родов красноречия: тонкий род в доказательстве, средний в услаждении, бурный в подчинении слушателя. В последнем проявляется вся сила оратора.

(70). Как в жизни, так и в речи нет ничего труднее, как видеть, что уместно. Греки называют это πρέπον, мы — тактом. Об этом существует много прекрасных наставлений, и тема эта заслуживает изучения. Из-за незнания этого делается много ошибок не только в жизни, но особенно часто в поэзии и в ораторской речи. (71). А между тем оратор должен соблюдать такт не только в содержании, но также и в выражениях. Не для всякого общественного положения, не для всякой должности, не для всякой степени влияния человека, не для всякого возраста, так же как не для всякого места и момента и слушателя, подходит один и тот же стиль, но в каждой части речи, так же как и в жизни, надо всегда иметь в виду, что̀ уместно: это зависит и от существа дела, о котором говорится, и от лиц, и говорящих, и слушающих.

ОРАТОР ПРОСТОГО СТИЛЯ

23(75). Прежде всего необходимо нам нарисовать облик того, за кем некоторыми признается исключительное право именоваться аттическим оратором[22]. (76). Он скромен и прост, подражает обиходному языку и от лишенного дара речи отличается больше по существу дела, чем по производимому впечатлению. Так что, внимая ему, слушатели, хотя сами и не владеют словом, тем не менее пребывают в твердой уверенности, что и они могли бы говорить таким же способом. В самом деле, эту простоту речи, пока о ней судишь со стороны, кажется легко воспроизвести, но, когда испробуешь на деле, оказывается, нет ничего труднее. Дело в том, что, хотя этому роду красноречия и не свойственно особое полнокровие, все же оно должно обладать известной сочностью, чтобы несмотря на отсутствие исключительно больших сил, иметь возможность производить, позволю себе так выразиться, впечатление крепкого здоровья. Итак, первым делом освободим нашего оратора (77) как бы от оков ритма. Ведь, как ты знаешь, оратору приходится соблюдать известный ритм — о нем у нас скоро будет речь — согласно определенному правилу, касающемуся однако другого рода красноречия; в данном же случае ритм вообще следует оставить. Речь должна представлять нечто несвязанное, однако не беспорядочное, чтобы получалось впечатление свободного движения, а не разнузданного

блуждания. Как бы прилаживанием слова к слову он также может пренебречь. (78). Но необходимо будет очень тщательно отнестись к остальному, раз в этих двух вещах, периодическом строении и склеивании слов между собой, он может чувствовать себя свободнее. Ведь и с этими произвольно сочетаемыми словами и короткими фразами ему не следует обращаться с полным небрежением, но и самая небрежность здесь известным образом обдуманная. Как про некоторых женщин говорят, что они не наряжены и что это-то именно им и к лицу, так и эта простая речь нравится даже без всяких прикрас; и тут и там происходит, хотя и неуловимое, но такое нечто, от чего и то и другое выигрывают в привлекательности. Далее следует устранить всякое бросающееся в глаза, подобно жемчужинам, украшение; не надо применять и завивок. (79). Наконец, и всякие искусственные средства для наведения белизны и румянца придется отвергнуть; останутся только одно изящество и опрятность. Речь такого оратора будет латинской чистой речью, говорить он будет ясно и удобопонятно, предусмотрительно выбирая приличествующие случаю выражения. 24. Отсутствовать будет только то, что Теофраст при перечислении достоинств речи помещает на четвертом месте,— приятные и обильные украшения. Наш оратор будет бросать остроумные, быстро сменяющиеся мысли, извлекая их из никому неведомых тайников; наконец — и это должно быть господствующим его качеством — он будет осторожен в пользовании, так сказать, арсеналом ораторских средств. (81). Расстановка слов служит к украшению, если она создает известную складность, которая с перемещением слов исчезает, хотя мысль и остается та же. Ибо украшения мысли, остающиеся и при перемещении слов, весьма многочисленны, но таких, которые имели бы выдающееся значение, среди них сравнительно мало. Итак, этому нашему оратору скудного стиля достаточно быть изящным; он не допустит смелости в образовании новых слов, будет осторожен в употреблении метафор, скуп на архаизмы[23] и сдержан в применении остальных украшений слов и мысли; к метафоре, пожалуй, он будет чаще прибегать, поскольку ею чрезвычайно часто пользуются и в разговорном языке не только в городе, но даже в деревне. (82). Этим видом украшения наш оратор спокойного стиля будет пользоваться несколько свободнее, чем остальными, однако не так безудержно, как если бы он применял самый возвышенный вид красноречия. 25. А то и здесь может обнаружиться неуместность (в чем она состоит, должно заключать из понятия уместности) того, когда, например, какое-нибудь слово метафорически заимствуется из области более возвышенного и вводится в речь обыденного содержания, между тем как

в другой обстановке оно было бы уместно. (83). Что касается такого рода складности, которая расстановку слов использует для тех блестящих оборотов, которые у греков называются языковыми жестами или фигурами [24] (выражение, применяемое ими и к украшениям мысли), то эту складность наш простой оратор (которого, в общем, правильно — напрасно только его одного — некоторые называют «аттическим») будет применять, но несколько более умеренно, так же как если бы, находясь на пиршестве, он, отказываясь от роскоши, хотел бы проявить не только скромность, но и изящество и выбирал бы то, чем он смог бы для этого воспользоваться; (84) ведь существует немало оборотов речи, подходящих как раз для бережливого в средствах оратора, о котором я говорю. Вот, например, таких оборотов, как симметрия колонов, сходных окончаний, одинаковых падежных форм и эффектов сопоставления слов, отличающихся только одной буквой, всего этого нашему осторожному оратору придется избегать, чтобы нарочитая складность и погоня за эффектами не обнаружились слишком явно, точно (85) так же всякие повторения слов, требующие напряжения голоса и крика, чужды этому сдержанному характеру речи. Остальные приемы он может от времени до времени применять, лишь бы он не выдерживал строго периодичности, расчленял речь и пользовался словами, наиболее употребительными, и метафорами, наиболее непринужденными.

26(90). Таков, по моему представлению, образ оратора простого стиля, но крупного, истого «аттика», так как все, что может быть в речи острого и здорового, составляет свойство аттического красноречия.

ВЕЛИЧАВЫЙ ТИП ОРАТОРА

28(97). Третий оратор — тот пышный, неистощимый, мощный, красивый, который, конечно, и обладает наибольшей силой. Это и есть как раз тот, восхищаясь красотами речи которого люди дали красноречию играть такую крупную роль в государстве, но именно такому красноречию, которое неслось бы с грохотом, в мощном беге, которое казалось бы парящим выше всех, вызывало бы восхищение, красноречию, до которого подняться они не имели бы надежды. Этому красноречию свойственно увлекать за собой сердца и трогать их всяческим способом. Оно то врывается в мысли, то вкрадывается в них, сеет новое убеждение, исторгает укоренившееся. (98). Но есть большая разница между этим родом красноречия и предшествующими. Кто усовершенствовался в том простом и точном стиле, чтобы говорить умно и убедительно и не задаваться более высокими целями, тот, уже одного этого добившись, стано-

вится крупным, если не величайшим оратором: ему меньше всего грозит опасность очутиться на скользкой почве, и, раз встав на ноги, он никогда уже не упадет. Оратору среднему, которого я называю оратором умеренного и смешанного типа, если только он свой стиль в достаточной мере обеспечил соответствующими средствами выражения, не придется бояться сомнительных и рискованных моментов в ораторском выступлении, даже если у него, как это часто случается, иногда не хватит сил: большой опасности для него в этом не будет, ибо с большой высоты ему не придется падать. (99). А этот наш оратор, которого мы ставим выше всех, мощный, решительный, горячий, если рожден он лишь для этого одного рода красноречия, или, если он упражнялся лишь в нем одном и им одним интересовался, не попытавшись сочетать своего богатства с умеренностью двух предшествующих родов, то он достоин глубокого презрения. Ибо тот простой оратор, говоря проницательно и хитро, кажется уже во всяком случае мудрым, средний кажется приятным, этот же со своим неистощимым пылом, если нет в нем ничего другого, производит впечатление человека не в своем уме. Раз человек ничего не может сказать спокойно, просто, стройно, ясно, отчетливо, шутливо, а в особенности когда сам процесс либо целиком, либо в некоторой своей части должен вестись в таком именно духе, то если он, не подготовив слушателей, начинает зажигательную речь, получается впечатление, будто он безумствует на глазах у здоровых и как бы предается пьяному разгулу среди трезвых. 29(100). Истинно красноречив тот, кто умеет говорить о будничных делах просто, о великих — величаво, о средних — стилем, промежуточным между обоими. Ты скажешь, такого никогда не было; пусть не было, я говорю о том, чего я желал бы, а не о том, что́ видел. 40(139). Но такой оратор будет добиваться также и других достоинств речи: краткости, если того потребует тема, часто также, повествуя, будет развертывать события перед глазами слушателей, часто будет стараться представить их возвышеннее, чем они могли быть на самом деле; значение нередко будет сильнее самих слов, часто будет применяться веселость, часто — подражание жизни и природе. 41. В этом типе красноречия — ведь это же настоящий лес, лес — должно проявиться все величие этого искусства. (140). Но все это может дать приближение к тому совершенству, которого мы добиваемся, не иначе как помещенное на подобающем месте, правильно построенное и связанное словами.

55 г. до н. э., «Об ораторе»[25], книга III. «Античные теории языка и стиля», стр. 274, 281—283, 275—276.

О НАИЛУЧШЕМ РОДЕ ОРАТОРОВ

I

1. Говорят, что ораторы, как и поэты, делятся по родам. Но это несправедливо, потому что во многом различны произведения трагическое, комическое, эпическое, лирическое, а также и дифирамб[26]. У каждого произведения свой вид, и притом отличный от других. Поэтому как в трагедии неуместен комизм, так и трагический элемент не идет к комедии. Также у остальных родов поэтических произведений есть свой, для каждого определенный, характер изложения и какой-то известный лишь знатокам язык.

2. Если же кто, например, насчитывает много разнородных ораторов, как-то: одних возвышенных, или величественных, или богатых мыслями, других низких, или простых, или кратко выражающихся, пусть он примет в расчет и третьих, занимающих как бы середину между ними; ясно, что такой человек говорит только нечто о людях, но мало о сущности их произведений. Ибо по отношению к последним спрашивают, какое произведение лучше; относительно же человека говорят то, что есть. Таким образом, можно сказать, что и Энний — лучший эпический поэт, если кому-нибудь так кажется, и Пакувий — трагический, и, может быть, Цецилий — комический. Что касается меня, то я не различаю оратора по роду, так как ищу совершенного.

3. Род же совершенства только один: те, которые далеки от него, различаются не родом, как Теренций и Акций, но в одном и том же роде не равны.

Ибо наилучший оратор тот, который своим словом и научает слушателей, и доставляет удовольствие, и производит на них сильное впечатление. Учить — обязанность оратора, доставлять удовольствие — честь, оказываемая слушателю, производить же сильное впечатление необходимо.

4. Нельзя не согласиться, что один выполняет это лучше, чем другой, но такое явление зависит не от рода ораторов, а от степени их таланта. Наилучшее во всяком случае только одно, и ближе всего к нему самое сходное с ним. Из этого ясно: что̀ меньше всего походит на лучшее, то и хуже всего.

II

Так как красноречие заключается в словах и мыслях, то нужно стараться, чтобы мы, говоря правильно и верно, разумеется по-латыни, кроме того, делали бы выбор слов как в собственном, так и в переносном значении. Между словами в собственном значении выбирали бы наиболее красивые, а в

выборе метафор умеренно пользовались бы выражениями, заимствованными по сходству.

5. С другой стороны, и мысли — должен я заметить — по своему достоинству так же различны, как и похвалы, стяжаемые ораторами. Бывают мысли остроумно-поучительные, которые как бы дивно чаруют душу, и мысли серьезно-убедительные. Но как известное расположение слов влечет за собой два следствия — благозвучие и плавность речи, так и мысли имеют свое расположение и порядок, приноровленный для доказательства дела, причем рассказ о происшедшем есть как бы основание всего этого, а мимика — пояснение.

6. Следовательно, в ком есть все эти хорошие качества, тот — совершеннейший оратор, в ком число их ограничено, тот — посредственный, а в ком таких качеств меньше всего, тот — наихудший. И как живописцы называются дурными, так могут быть названы дурными и ораторы, но различаться между собой они будут не по роду, а по способностям. Итак, кто не желает быть подобным Демосфену, тот не оратор. Однако Менандр не хотел походить на Гомера (хотя Гомер и был замечательным поэтом): они были поэтами разного рода. Между ораторами этого не бывает, а если и случается, что один в погоне за торжественностью избегает простого стиля, то, напротив, другой предпочитает быть лучше остроумным, чем изящным. Правда, такой оратор оказывается в числе довольно хороших, но не наилучших, так как лучше всего то, что̀ заслуживает похвалы во всех отношениях.

III

7. Конечно, об этом предмете (т. е. об отличительных свойствах совершенного оратора) я сказал короче, чем требовала самая сущность его, но по отношению к тому, о чем мы беседуем, большего говорить и не следовало. Итак, если род ораторов один, то мы и задаем вопрос: каков же он? Здесь, конечно, разумеется тот род ораторов, который пользовался большим уважением в Афинах. Самое влияние этих «аттических» ораторов неизвестно, известна лишь их слава. Многие заметили только, что неудовлетворительного у аттических ораторов ничего нет, а некоторые сверх того видели у них много похвального. Ведь, если в содержании речи есть что-нибудь бессмысленное или неуместное, неостроумное или несколько нелепое, это заслуживает упрека; так и в выражениях: если есть что-нибудь неизящное или неподходящее, небрежное, грубое или малопонятное, то̀ и порицают.

8. Таких порицаний избегли почти все те ораторы, которые или слывут за аттических, или говорят по-аттически. Од-

нако они были лишь настолько сильны, насколько считались здоровыми и могучими, но такими они были подобно «палестритам» [27], посещавшим место гимнастических упражнений с той целью, чтобы им позволено было прогуливаться в крытой галерее, а не затем, чтобы потом искать наград на олимпийских играх.

Поэтому будем по мере возможности подражать именно этим палестритам, которые хотя и не имеют никакого физического недостатка, однако как бы недовольны хорошим состоянием тела и потому стараются развить мышцы и приобрести силы, свежесть и даже некоторую привлекательность форм. Если же это окажется нам не по силам, то станем лучше подражать тем ораторам, которые на самом деле отличаются здравомыслием, что составляет свойство ораторов аттических, чем таким, многословие которых заслуживает порицания и каких в большом количестве произвела Азия.

9. Поступая таким образом (если только нам, как это ни трудно, удастся достигнуть цели), мы будем по мере возможности подражать Лисию и главным образом, конечно, простоте его слога. Правда, во многих местах стиль Лисия слишком высок, но так как он составлял речи преимущественно частного характера, притом для других и по маловажным делам, то слог его в таких речах кажется слишком вялым, хотя сам он нарочно и усовершенствовался сообразно с родами пустячных дел.

IV

Впрочем, пусть считается оратором (но не в числе особенно великих) тот, кто не сможет быть словообильным, если бы и пожелал: в подобных делах часто и великому оратору нужно говорить вышеупомянутым образом.

10. Следовательно, Демосфен, наверно, мог выражаться просто, а Лисий, может быть, не был в состоянии говорить возвышенно. Отсюда понятно: кто полагает, что и нам произнести речь за Милона следовало бы таким образом, как будто мы защищали частное дело перед одним только судьей, не обращая внимания на то, что на форуме и во всех храмах вокруг него были размещены войска [28], тот судит о силе красноречия по своему дару слова, а не по свойству дела.

11. Теперь уже распространилось мнение некоторых о том, что они сами говорят по-аттически, а из нас никто не говорит так. Поэтому мы оставим в стороне других: им самое положение дела достаточно объясняет все, ведь их или не приглашают для ведения процессов, или, обратившись к ним, над ними же издеваются, ибо если бы над ними только смеялись, то это было бы свойственно аттическим ораторам. И те, кото-

рые не желают, чтобы мы говорили по-аттически, сами признаются, что они не ораторы, если только имеют тонкий слух и развитой эстетический вкус. Эти люди похожи на тех, которые приглашены для оценки картины, между тем как они не умеют даже судить с проницательностью, до известной степени необходимой знатоку.

12. Может быть, они высказывают свой вкус, не будучи расположены слушать, и ничто возвышенное и величественное не занимает их? В таком случае пусть они оправдываются тем, что желают чего-то тонкого и изящного и пренебрегают благородным и красивым. Пусть же те, которые выражаются остроумно, не думают, что только они одни говорят по-аттически: будто бы выражаться просто и правильно, по их мнению, значит также возвышенно, красиво и пространно, с соблюдением той же самой свойственной аттикам чистоты; а так как аттические ораторы взяты нами за образец, то выходит, что говорить хорошо — все равно что говорить по-аттически. Что же? Разве может быть теперь какое-нибудь сомнение в том, чего желаем мы: того ли только, чтобы наша речь была сносной или же чтоб она была и достойной удивления? Ведь мы уже спрашиваем не о том, что̀ значит выражаться по-аттически, но о том, что̀ значит говорить самым лучшим образом.

13. Отсюда понятно, что тот будет выражаться и по-аттически и наилучшим образом, кто станет подражать Демосфену, так как он, бесспорно, стоит во главе самых лучших греческих ораторов, прославившихся в Афинах.

V

Так как большое заблуждение в том, каков этот аттический род речи, то я и счел необходимым предпринять труд, полезный для изучающих ораторское искусство, для меня же лично совершенно ненужный.

14. ...Я перевел известнейшие и взаимно противоположные речи весьма красноречивых аттических ораторов — Эсхина и Демосфена [29], и перевел их не как простой переводчик, но как оратор, сохраняя те же мысли, тот же вид и, так сказать, те же обороты речи и слова, только приспособленные к нашему обычному способу выражения. В этих речах я не считал неизбежным переводить слово в слово, но всецело сохранил характер и смысл выражений...

Ок. 44 г. до н. э., «О наилучшем роде ораторов». Журнал «Гимназия», июнь — июль 1895 г.

ЧИСТОТА И ЯСНОСТЬ РЕЧИ

10,37. Какой способ речи может быть лучше, чем говорить чистым латинским языком, говорить ясно, красиво, всегда в согласии и соответствии с предметом обсуждения?

38. Впрочем, что касается тех двух качеств, которые я упомянул на первом месте, именно чистоты и ясности языка, то никто, полагаю, не ждет от меня обоснования их необходимости. Ведь мы не пытаемся обучить ораторской речи того, кто вообще не умеет говорить, и не можем надеяться, чтобы тот, кто не владеет чистым латинским языком, говорил изящно; тем менее, конечно, чтобы тот, кто не умеет выражаться удобопонятно, стал говорить достойным восхищения образом. Итак, оставим эти качества, приобретаемые легко и совершенно необходимые. Первое усваивается при обучении грамоте в детском возрасте, второе имеет своим назначением обеспечить людям понимание друг друга, и при всей своей необходимости — это самое элементарное требование из предъявляемых оратору.

39. Но всякое умение говорить изящно, хотя и вырабатывается путем школьного знакомства с литературными памятниками, однако много выигрывает от самостоятельного чтения ораторов и поэтов. Ибо эти древние мастера, не умевшие еще пользоваться украшениями речи, почти все говорили прекрасным языком; кто усвоил себе их способ выражения, тот не будет в состоянии даже при желании говорить иначе, как настоящим латинским языком. Однако ему не следует пользоваться теми словами, которые уже вышли из употребления в нашем обиходе, разве только изредка и осторожно, ради украшения, что я укажу ниже. Но, пользуясь употребительными словами, тот, кто усердно и много занимался сочинениями древних, сумеет применять самые избранные из них.

11, 40. При этом для чистоты латинской речи следует позаботиться не только о том, чтобы как подбор слов не мог ни с чьей стороны встретить справедливого порицания, так и соблюдение падежей, времен, рода и числа предупреждало извращение смысла, отклонение от обычного словоупотребления или нарушение естественного порядка слов, но необходимо также управлять органами речи, и дыханием, и самым звуком голоса.

41. Не нравится мне, когда буквы выговариваются с изысканным подчеркиванием, также не нравится, когда их произношение затемняется излишней небрежностью; не нравится мне, когда слова произносятся слабым, умирающим голосом, не нравится также, когда они раздаются с шумом и как бы в припадке тяжелой одышки.

Говоря о голосе, я не касаюсь того, что относится к области художественного исполнения, а только того, что мне представляется как бы неразрывно связанным с самой живой речью. Существуют, с одной стороны, такие недостатки, которых все стараются избегать, именно: слабый, женственный звук голоса или как бы немузыкальный, беззвучный и глухой.

42. С другой стороны, есть и такой недостаток, которого иные сознательно добиваются: так, некоторым нравится деревенское, грубое произношение; им кажется, что благодаря такому звучанию их речь произведет впечатление сохраняющей в большей мере оттенок старины.

Что касается меня, то мне нравится такой тон речи и такая тонкость... то благозвучие, которое непосредственно исходит из уст, то самое, которое у греков в наибольшей мере свойственно жителям Аттики, а в латинском языке — говору нашего города.

12, 44. Поэтому раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не может оскорбить наш слух, вызвать чувство неудовольствия или упрек, ничто не может звучать на чуждый лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также и чужеземных особенностей.

45. По крайней мере, когда я слушаю мою тещу Лелию — ведь женщины легче сохраняют нетронутым характер старины, так как, не сталкиваясь с разноречием широкой толпы, всегда остаются верными первым урокам раннего детства,— когда я ее слушаю, мне кажется, что я слышу Плавта или Невия. Самый звук голоса ее так прост и естествен, что, несомненно, в нем нет ничего показного, никакой подражательности; отсюда я заключаю, что так говорил ее отец, так говорили предки: не жестко, не с открытым произношением гласных, не отрывисто, а сжато, ровно, мягко.

13, 48. Итак, оставим в стороне правила чистой латинской речи, которые приобретаются обучением в детстве, развиваются углубленным и сознательным усвоением литературы либо практикой живого языка в обществе и в семье, закрепляются работой над книгами и чтением древних ораторов и поэтов.

«Об ораторе», книга III «Античные теории языка и стиля», стр 192—193.

ВЫБОР СЛОВ

37, 149. Словами мы пользуемся или такими, которые употребляются в собственном значении и представляют как бы точные наименования понятий, почти одновременно с самими понятиями возникшие, или такими, которые употребляются в переносном смысле и становятся, так сказать, на чужое место, или, наконец, такими, которые мы в качестве нововведений создаем сами.

150. В отношении слов, употребляемых в собственном значении, достойная задача оратора заключается в том, чтобы избегать затасканных и приевшихся слов, а пользоваться избранными и яркими, в которых обнаруживаются известная полнота и звучность. Одним словом, в этом разряде слов, употребляемых в собственном значении, должен производиться определенный отбор, и при этом мерилом его должно служить слуховое впечатление; навык хорошо говорить также играет здесь большую роль.

151. Поэтому весьма обычные отзывы об ораторах со стороны людей непосвященных вроде: «у этого хороший подбор слов» или «у такого-то плохой подбор слов», не выводятся на основании каких-либо теоретических соображений, а внушаются известным, как бы врожденным чутьем; при этом невелика еще заслуга избегать промахов (хотя и это большое дело); умение пользоваться словами и большой запас хороших выражений образуют как бы только почву и фундамент красноречия. 152. А то, что на этом основании строит сам оратор и к чему он прилагает свое искусство,— это нам и предстоит исследовать и выяснить.

42, 170. Превосходство и совершенство оратора, поскольку оно может проявиться в употреблении отдельных слов, сводится к трем возможностям: или к употреблению старинного слова, такого, однако, которое приемлемо для живого языка, или созданного вновь либо путем сложения, либо путем словопроизводства; здесь также приходится считаться с требованиями слуха и живой речи, или, наконец,— к метафоре, которая придает наибольшую яркость и блеск речи, усыпая ее как бы звездами.

«Об ораторе», книга III. «Античные теории языка и стиля», стр. 209—210.

О РИТМЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

49(164). Закономерность следует соблюдать не только во взаимном расположении отдельных слов, но также и в конечных членах периода, так как это согласно вышесказанному составляет второе требование слуха. Но закономерность в окончаниях происходит или путем самого расположения слов и как бы непроизвольно, или в силу известной однородности слов, что̀ уже само по себе обусловливает их симметрический характер; имеют ли они одинаковые падежные окончания, сопоставляются ли ими однородные понятия или противопоставляются противоположные — подобные сочетания уже по самой природе оказываются ритмическими, несмотря на полное отсутствие в них искусственности. 50(166). Тем, что греки именуют антитезой, то есть противопоставлением взаимно различных понятий, всегда неизбежно создается ораторский ритм и притом без всякой искусственности. (168). Познакомимся же с этими ритмами и выясним, что̀ из себя представляет этот третий вид размеренной и складной речи. Кто этого не чувствует, у того, не знаю я, что̀ за уши и походит ли вообще такой человек на людей. Мой слух по крайней мере и наслаждается законченным и полным периодом, и чувствует, когда он урезан, и не любит слишком длинных. Но зачем говорить только обо мне. Часто мне приходилось наблюдать, как целые собрания встречали криками одобрения складное заключение фразы. Ведь наш слух ждет, чтобы мысль, облекаясь в слова, превращалась в законченное целое. Этого не было у древних, а в то же время остальное почти все было: так, и слова они умели выбирать, и мысли находить многозначительные и приятные, но мало заботились об их стройной форме и об их развитии до совершенной полноты. «Это-то мне и нравится»,— говорят некоторые. (169). Так что же. Если древнейшая живопись с малым количеством красок больше нравится, чем современная, уже достигшая совершенства, то, очевидно, нам надо вернуться к первой, а вторую отвергнуть. Они ссылаются на имена древних. Конечно, как среди разных возрастов наибольший авторитет принадлежит старости, так точно и в выборе образцов для подражания я сам придаю очень большое значение древности. И я вовсе не хочу требовать от древности отсутствующих в ней качеств, а скорее буду ценить в ней достоинства, ей присущие, именно потому, что то, что̀ в ней есть, я считаю важнее того, чего нет в ней. Больше, в самом деле, хорошего и в словах и в мыслях, которыми они славятся, чем в периодической закругленности мыслей, которой у них нет. 51. Эта периодическая закругленность была изобретена позже, и древние, я уверен, применяли бы ее, если

бы этот прием был им уже известен и введен тогда в употребление; после же его изобретения все великие ораторы им, как мы видим, пользовались. (170). Но враждебное отношение вызывает уже самый термин, когда говорят о ритме в судебной речи или речи на форуме. Это создает представление, будто применяется слишком много хитрости, чтобы завладеть слухом слушателей, если оратор в самом процессе речи выискивает ритмы. Основываясь на этом, эти люди и сами говорят отрывистыми и обрубленными фразами и порицают тех, кто произносит складные и законченные предложения; если последние состоят из пустых слов и скрывают незначащие мысли, то они справедливо их порицают; если же в них заключено достойное содержание и имеются избранные выражения, то какое основание предпочитать, чтобы речь спотыкалась и сопровождалась неожиданными остановками, тому, чтобы она плавно текла вровень с мыслью? Ведь этот «ненавистный» ритм ничего не влечет за собой иного, кроме складного охвата мысли словами; это делали и древние, но большей частью случайно, часто благодаря природному чутью, и те их выражения, которые особенно высоко ценятся, ценятся обычно как раз за свою законченную форму. (171). У греков по крайней мере вот уже почти четыреста лет как этот ораторский прием пользуется общим признанием, а мы лишь недавно его усвоили. (172). На тех же, у кого такой неразвитый и грубый слух, не подействует и авторитет самых ученых мужей. А кто же из всех был более учен, кто более умен, кто более строг как в изобретении, так и в оценке, чем Аристотель? Он стиха в ораторской речи не допускает, ритма же требует. Его слушатель Теодект, один из самых изящных писателей, как часто отмечает Аристотель, и теоретик, держится того же мнения и дает такие же предписания, а Теофраст говорит об этом еще с большей обстоятельностью. Так можно ли мириться с теми, кто не признает этих авторитетных мнений? Разве только они вообще не знают о существовании у этих авторов подобных предписаний. (173). Если же это так — а я и не думаю, чтобы могло быть иначе,— то неужели им не подсказывает того же их собственное чутье? Неужели они не видят у себя никаких пустот, никаких недоделок, ничего незаконченного, ничего хромающего, ничего лишнего? Если в стихах хотя бы один слог окажется короче или длительнее, чем следует, весь театр поднимает крик, а между тем толпа зрителей не знает стоп[30], не владеет стихотворными размерами и, когда ее слух оскорблен, не отдает себе отчета, чем, почему и в чем именно она оскорблена, и, однако, сама природа вложила в наши уши чуткость к долготе и краткости звуков, так же как к высоким и низким тонам.

52(174). Итак, нам предстоит выяснить сначала причину, затем природу и, наконец, самую практику стройной и ритмической речи. 53(177). Займемся вопросом о причине. Она настолько просто вскрывается, что удивительно, как древние не сделали соответствующих выводов, тем более что, как это нередко бывает, и им часто случалось высказывать те или иные изречения закругленно и складно. А раз этим задевались внимание и слух окружающих, так что становилось очевидным, как приятно прозвучал непроизвольно вылившийся оборот речи, то им следовало бы, конечно, отметить его характер и постараться впредь подражать ему. Ведь уши, или, вернее, душа по подсказу ушей, обладают некоей природной способностью измерять все звуки. (178). Таким образом, она отзывается и на долготу и на краткость и всегда требует совершенства и меры, чувствует оборванность и как бы урезку и оскорбляется этим, словно несполна получив должное; в других случаях замечает растянутость и как бы излишек, что̀ еще более неприятно слуху, ибо как в большинстве других областей, так и здесь все чрезмерное оскорбляет сильнее, чем то, что представляется недостаточным. Итак, подобно тому как в поэзии стих был изобретен благодаря размеривающей деятельности слуха и наблюдениям сведущих людей, так и в прозе — правда, гораздо позже, но под руководством той же природы — была замечена наличность определенного течения и закругленного строения речи.

(179). Итак, поскольку мы указали также причину, разъясним, пожалуй, теперь и природу ритма̀, хотя вопрос этот и не относится, впрочем, к начатой нами беседе, а принадлежит скорее предмету специальной теории красноречия. Могут быть поставлены вопросы: что̀ такое ритм прозаической речи, в чем он заключается и откуда происходит, существует ли один его вид, или два, или много, как он слагается и в применении к чему, и когда, и в каком месте, и каким способом его надо применять, чтобы он доставлял какое-то наслаждение?

(180). Но как во многих других вещах, так и здесь возможны два пути рассмотрения, из коих один более длинный, а другой более краткий и к тому же более легкий. 54. На более длинном пути первый вопрос: существует ли вообще ритмическая проза? Некоторые отрицают ее существование, так как в ней нет ничего столь же определенного, как в стихах, и потому что те, кто утверждает существование таких ритмов, не могут отдать себе отчета, чем оно обусловлено. Затем если есть в прозе ритм, то какой или какие и из числа ли применяемых в поэзии или какого-либо иного рода, и если из числа поэтических, то какой или какие именно, ибо одним представляется, что применяется только один ритм, другим — что при-

меняются многие, третьим — что они сплошь те же, что̀ и в поэзии. Далее, каковы бы они ни были, надо решить, один ли то ритм или много их и свойственны ли одни и те же ритмы всякому роду прозы, ибо повествовательный род — один, убеждающий — иной, поучающий же — еще иной, или к каждому роду прозы применяются особые ритмы; если они общи всем видам прозы, то каковы они; если различны, то в чем разница и почему неодинаково проявляется ритм в прозе и в стихах. (181). Далее, то, что называется ритмическим элементом прозы, обусловливается ли оно только размером, или также еще и определенным расположением, или самым характером слов или же все это вносит в речь нечто свое, так что ритм проявляется в правильном чередовании пауз, расположение слов — в звуковых сочетаниях, а самый характер слов — в оформлении и красотах речи, и источником всего является сочетание слов, которым обусловливается и ритм, и эти так называемые оформления и красоты, которые (182) у греков, как я сказал, именуются фигурами. Но то, что приятно звучит, не тожественно с тем, что̀ совершенно в силу размеренности частей и что̀ приобретает блеск благодаря самому характеру слов, хотя именно последнее ближе всего понятию ритма, так как уже само в себе носит законченность; что касается расположения, то оно отлично и от того и от другого, поскольку оно целиком служит многозначительному или ласкающему слух звучанию. Вот приблизительно те элементы, в пределах которых следует искать природу ритма.

55(183). Итак, нетрудно убедиться в наличии известного ритма в прозаической речи. На это указывает непосредственное чувство. Неправильно не признавать чего-либо существующего только потому, что мы не можем отыскать его причины. Ведь и самый стих открыт не теоретическим умствованием, а природой и естественным чутьем, а теория уже впоследствии путем измерений объяснила, что̀ именно здесь происходит. Так, наблюдение и внимательное отношение к естественным явлениям породили искусство.

(185). Существует вообще два элемента, украшающие прозаическую речь: приятность слова и приятность размеров. В словах заключается как бы некий материал, а в ритме — его отделка. Но, как и в других областях, изобретения, вызванные необходимостью, древнее тех, которые вызываются исканием наслаждения, так и здесь: голая и необработанная речь, предназначенная только для выражения мыслей, была изобретена многими веками раньше, чем речь художественная. (186). Ибо все более легкое и более необходимое всегда усваивается раньше. 56. Поэтому метафоры и новообразованные и сложные слова легко усваивались, так как заимствовались из жи-

тейского обихода и из разговорной речи; что касается ритма, то его нельзя было заимствовать из повседневной жизни, а тесного или естественного родства с прозаической речью он не имел. В силу этого, будучи замечен и усвоен несколько позже, он принес прозаической речи как бы известную выправку и последние, завершающие штрихи. (187). Так что если какая-либо речь представляется сжатой или отрывистой, а иная, напротив — пространной или расплывчатой, то это, очевидно, должно зависеть не от свойства букв, но от различия, то более редкого, то более частого чередования пауз, и, поскольку связываемая и перемежающаяся ими речь представляется то устойчивой, то текучей, неизбежно этого рода свойство должно заключаться в ритмах. Ведь и самый период, о котором мы не раз говорили, в зависимости от ритма несется и спадает все стремительнее, пока не дойдет до конца и не остановится. Итак, ясно, что прозаическая речь должна быть подчинена ритму, но должна чуждаться стихов...

(198) ...Ритмической считается всякая речь, движущаяся ровно и устойчиво, без хромания и подобия шатания. Не та ораторская речь признается ритмической, которая целиком основывается на ритмах, а та, которая более всего приближается к ритмам. Поэтому даже труднее говорить прозой, чем писать стихи, так как в стихах есть известный твердый, точно формулированный закон, которому необходимо следовать; в ораторской же речи нет ничего наперед установленного, кроме требования, чтобы она не была бесформенной, или слишком стесненной, или беспорядочной, или, наконец, однообразно текучей. Таким образом, нет в ней, как при игре на флейте, отбивания такта, но весь период в целом и внешняя форма речи закончены и введены в границы, и проверяется это наслаждением, доставляемым слуху. 59(199). Обычно ставится вопрос: во всем ли периоде целиком следует выдерживать размеры или только в начальных и конечных его частях? Большинство полагает, что ритмической должна быть только заключительная часть, только окончание фразы. И верно, что ритмической должна быть преимущественно она, но неверно, будто она одна, ибо период должен быть стройно расположен, а не беспорядочно брошен. В силу этого, поскольку слух всегда напряженно ожидает заключительных слов и на них успокаивается, постольку отсутствие в них ритма недопустимо. К этому, однако, концу должен с самого начала направляться период и на всем своем протяжении от истока протекать так, чтобы, подойдя к концу, он сам собой останавливался. Это, впрочем, для (200) людей, прошедших хорошую школу, которые много писали и все, что̀ говорили без предварительной проработки в письменной форме, отде-

лывали наподобие написанного, не представит непреодолимых трудностей. Ведь сначала мыслью очерчивается определенное положение, а затем тотчас же набегают слова, которые та же мысль, ни с чем не сравнимая по быстроте, немедленно рассылает в разные стороны, чтобы каждое откликалось со своего места, и в зависимости от намеченного их порядка получается здесь одно ритмическое заключение, там — иное. При этом все эти слова, и начальные и находящиеся в середине, должны иметь в виду конечную часть (201) предложения. Иногда речь несется стремительнее, иногда движется умеренной поступью, так что с самого начала следует предусмотреть, каким темпом ты намерен подойти к концу. Но, пользуясь в прозе приемами поэтов, не только размерами, но в такой же мере и остальными украшениями речи, мы должны избежать сходства с поэтическими произведениями. И здесь и там имеются материал и его использование: материал заключается в словах, использование — в их расположении. 60 (202). А в той и в другой группе в свою очередь по три раздела: слова разделяются на метафоры, новообразования и архаизмы (ибо о словах в их собственном значении у нас здесь нет речи); расположение же слов распадается на те элементы, о которых мы говорили: сочетание, симметричность, ритм. Поэты пользуются и тем и другим больше и свободнее, и метафоры они применяют не только чаще, но и смелее, и архаизмами пользуются охотнее, и новые слова образуют свободнее. То же происходит с размерами, в отношении которых они как бы принуждены подчиняться естественной необходимости. Тем не менее легко можно убедиться, что это вещи, не резко отграниченные друг от друга и ни в какой мере не лишенные связи между собой. Отсюда следует, что ритм неодинаково проявляется в прозе и в стихе и что то, что̀ в прозе называется ритмическим, не всегда зависит от размера, но нередко также и от симметрического порядка и построения слов внутри фразы. (203). Итак, если вопрос ставится о том, какие именно размеры свойственны прозе, то мы ответим: все; но одни лучше и более удобны, другие — менее. Если спрашивается о месте их применения, то мы ответим: в любой части фразы. На вопрос о том, откуда возник размер, ответим: из искания наслаждения для слуха. Если спрашивается о способах соединения размеров между собой, то об этом будет сказано в другом месте, так как это относится к практике дела, что̀ в намеченном нами плане изложения составляет четвертый — и последний — раздел. Если спросим себя, с какой целью они применяются, то скажем: для услаждения слушателей. Когда они применяются? — Всегда. В каком месте? — На всем протяжении периода. Наконец: что̀ именно обуслов-

ливает наслаждение? То же, что̀ в стихах, мерное строение которых обнаруживается художественной теорией, но определяется, помимо искусства, бессознательным чутьем самого слуха. 61 (204). Достаточно о природе ритма: очередь за практикой, о которой следует подробнее побеседовать. Производились исследования о том, на всем ли протяжении прозаического периода следует выдерживать размеры, или только в его начальных частях, или, напротив, только в заключительных, или, наконец, и в тех и в других; далее, если размер и ритм не одно и то же, то поскольку размер не тожествен ритму, то в чем тут разница? (205) Затем также: при всех ли размерах следует разбивать фразу на равномерные участки или делать одни короче, а другие — длиннее? И когда надо так поступать и почему? Какие членения следует применять? Несколько ли зараз или каждый раз какое-нибудь одно? Различные или равные? Когда применять последние и когда первые? Далее: какие ритмические члены наиболее сочетаются между собой и каким образом? Или вообще здесь нет никакого различия? Наконец, что важнее всего, каким способом речи придается ритмический характер? (206). Следует та̀кже объяснить, чем обусловлено стройное сочетание слов, сказать о том, какой длины подобает строить периоды, побеседовать о частях и как бы отрезках этих периодов и поставить вопрос: один ли возможен вид и одна ли возможна величина этих отрезков или их может быть несколько и если несколько, то в каких местах, и когда, и каким образом каждый из этих видов следует применять? И последнее: должна быть разъяснена польза всего прозаического рода в целом, что, впрочем, имеет очень широкое значение, ибо применяется этот род не в одном каком-нибудь случае, а в целом ряде таковых. (207). Но ведь можно, не отвечая по отдельным пунктам, обо всем роде в целом говорить так, чтобы получились достаточно ясные ответы и на отдельные вопросы. Таким образом, оставив в стороне прочие виды прозы, займемся в качестве предмета нашей беседы одним только тем, который применяется в судах и на форуме. Что касается других видов, т. е. истории, и того, который мы называем эпидейктическим, торжественным, то они, по моему мнению, целиком могут строиться согласно приемам Исократа и Теопомпа, т. е. с применением вышесказанного очертания мыслей в кругообороте слов, чтобы речь ме́рно двигалась, как бы заключенная в круг, останавливаясь после отдельных, завершенных (208) и законченных мыслей. Таким образом, с тех пор как народилось это очерчивание мыслей в словах или их охват, стройная их последовательность или кругооборот их, если дозволено пользоваться этими обозначениями, ни один сколько-нибудь значительный писатель не пи-

сал этого рода речей, рассчитанных на услаждение слушателей, далеких от судов и политической борьбы, без того чтобы подвергать мысли почти целиком тщательному словесному обрамлению и не подчинять их ритму. Ибо, поскольку слушателю не приходится опасаться покушений на совесть, попыток завлечь ее в засаду с помощью искусно составленной речи, он лишь благодарен оратору, готовому служить очарованию его слуха. 62(209). Что касается судебных процессов, то для них этот род красноречия не следует ни принимать целиком, ни совершенно отвергать. Ибо если им пользоваться постоянно, то он, с одной стороны, вызывает пресыщение, с другой — сущность его распознается даже неискушенными слушателями; кроме того, им уничтожается острота переживания, убивается человеческая жизненность чувства говорящего и в корне устраняется правдивость речи, перестающей внушать доверие. Но если иногда этот род красноречия применим, то следует рассмотреть, во-первых, в каких случаях его применять, далее — как долго и, наконец, сколько существует способов перехода от этого рода к другому. (210). Итак, применяться ритмическая проза должна тогда, когда надо что-нибудь восхвалять в пышных выражениях или когда повествовательная часть речи требует больше торжественности, чем аффекта. Часто также заключительная часть речи принимает ритмически плавное течение при общем одобрении слушателей. Это годится тогда, когда слушатель уже побежден оратором и находится в его власти. Он больше уже не занят подкарауливанием и выслеживанием: он уже расположен к оратору, ждет продолжения речи, восхищаясь ее силой, и не ищет, к чему бы придраться. Но этот характер не следует сохранять долгое время, (211) — я не говорю об эпилоге: для него он как раз подходит,— но в остальных частях речи.

Итак, этот прием — (228) предпочтем ли мы его назвать построением, или отделкой, или ритмом — необходимо применять, если желают говорить красиво, и не только с той целью, чтобы, как говорят Аристотель и Теофраст, речь не неслась безостановочно, как речной поток (ведь остановка в ней должна определяться не тем, что у говорящего не хватило дыхания или что писец поставил черточку), а требованиями ритма, но еще и потому, что стройная речь производит гораздо более сильное действие, чем беспорядочная. Мы наблюдаем, что и атлеты, так же как и гладиаторы, и в осторожных методах защиты и в стремительных способах нападения не делают иных движений, кроме обнаруживающих известную выучку, так что все применяемые в этом деле приемы, полезные для боя, в то же время приятны и для глаза; так и оратор наносит решительный удар лишь в том случае, когда

наступление бывает удобно, а при отражении натиска оказывается достаточно защищенным только тогда, когда он учитывает, как и при отступлении сохранить достоинство. (229). Мне представляется таким образом речь тех, кто не заканчивает мыслей ритмическими концовками, подобной движениям тех атлетов, которых греки называют «невышколенными», и утверждение, будто речь от обдуманной расстановки слов теряет в силе — а говорят так обычно люди, которые не смогли достигнуть этого из-за недостатка школы, или из-за слабых способностей, или из-за уклонения от работы над собой,— настолько далеко от истины, что в действительности, напротив, без этого в ней ни размаха, ни мощности быть не может.

46 г. до н. э., «Оратор». «Античные теории языка и стиля», стр. 245—256.

II.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О КРАСНОРЕЧИИ

В раздел включены высказывания русских писателей об ораторском искусстве и культуре речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, 1952.

Д. И. Фонвизин, Избранные сочинения и письма, ГИХЛ, 1947.

Отрывки из произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и А. И. Герцена печатаются по тексту Сборника «Русские писатели о языке», «Советский писатель», Л. 1954.

В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. III, V, VIII, Академия наук СССР, 1953, 1954, 1955.

М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, т. III, Гихл, 1934.

А П. Чехов, Сочинения, т. VIII, Гихл, 1947.

А М. Горький, Собрание сочинений, т. 27, ГИХЛ, 1953.

М. В. Ломоносов

КРАСНОРЕЧИЕ КАК НАУКА

§ 1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуются пять следующих средствий: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому быть неспособных немедленно назад отсылал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4. Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусть учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третие, удовольствованы примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы

будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5. Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописству, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие, коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов...

§ 6. Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшем степени римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ея смерти обучался в произношении слова. Отсюда воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самый высочайший степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов, ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7. Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуду явствует, что, ежели кто имеет большее познание настоящих и прешедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

РЕЧЬ ДОЛЖНА ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ЧУВСТВА СЛУШАТЕЛЕЙ

§ 94. Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемыя материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95. А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Димосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуду же имел чрезвычайную свою власть над сердцами слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большой части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96. Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97. Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породою или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно

было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать:

Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали.

§ 98. Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстьми склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политикс и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: уметать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99. Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь

страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100. Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонинам, кесарям римским, Аристид представлял:

Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотренна (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). *Сие все ныне покрыто пеплом, затворилась оная пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли преизрядные улицы, училища с учительми и отроками упали, храмы инные рассыпались, инные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают.*

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и черныю в Риме весьма кровопролитно было, Пупиен-кесарь ни словом, ни властию оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана, младенца, бунтующим показал, то немедленно все смятение утолилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сетующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

СЛОВО ОРАТОРА

§ 164. Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оного.

§ 165. Первое зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором — выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц, в третьем — старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают...

§ 168. Сила в украшении риторическом есть такова, каковы суть пристойные движения, взгляды и речи прекрасной особы, дорогим платьем и иными уборами украшенной, ибо хотя она пригожеством и нарядами взор человеческий к себе привлекает, однако без пристойных движений, взглядов и речей вся красота и великолепие как бездушны. Равным образом слово риторическое хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет.

1748. «Краткое руководство к красноречию». Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 91—96, 166—170, 236, 238.

ПОСТРОЕНИЕ РЕЧИ

§ 113. Расположение есть двояко: первое — простых, второе — сложенных идей.

Простые идеи или слова располагаются: 1) по их важности и низкости, то есть когда случится предложить несколько имен разного качества, то приличнее напереди положить важные, а потом и прочие, которые не столь высокие вещи значат, н. п.: *солнце, луна и звезды хвалят своего зиждителя;* 2) по времени, то есть когда слова в рассуждении времени разнствуют, то должно их расположить так, как одно другому последует, н. п.: *он утро, день, вечер и ночь в роскошах препровождает;* 3) по произношению, в котором надлежит остерегаться стеснения подобных литер и непорядочного расположения ударений, к чему служат следующие правила. Первое, тех слов не надлежит друг подле друга ставить, из которых первое на много согласных литер кончится, а другое многими согласными литерами начинается, для того что ими в произношении язык весьма запинается и речь падает негладко, н. п.: *всех чувств взор есть благороднее.* Второе, не надлежит стес-

нять гласных литер одного или подобного звона, н. п.: *слово о обновлении храма.* Третие, избегать должно соединения слов, теми же складами начинающихся или кончающихся, н. п.: *когда суда в пристанище приходят, тогда труда плаватели избегают; мне мнится быть слово ваше важно.* Четвертое, слова по ударению неприлично так располагать, чтобы инде * два или три склада с ударениями вместе стояли, а инде весьма много оных без ударения соединены были, для того что сие препятствует плавному и гладкому течению слова, н. п.: *твое мужественное великодушие дивит всех нас.* Периоды гладко падают, когда ударения, хотя не по строгим стихотворческим правилам расположены, однако друг от друга отстоят несколько пропорционально, а особливо когда начальное слово периода имеет ударение на втором складу, спереди считая, а последнего слова сила стоит на предкончаемом или пропредкончаемом слоге. Вопросы и другие речи, которыми сильные и стремительные страсти изображаются, больше напряжения и важности в себе имеют, когда сила ударяет на кончаемом слоге последнего и на первом начального слова.

§ 114. Многие сложенные идеи об одной материи, в приличный порядок приведенные, составляют слово, которого главные части суть четыре: вступление, истолкование, утверждение и заключение. Некоторые риторы располагают свои слова чрез особливую форму, называемую хрию [31], которая разделяется на осмь частей, однако нет в ней ничего особливого, и все ее части в помянутых четырех частях слова заключаются, для того об ней обстоятельно писать оставляю. Помянутые четыре части могут быть предложены сокращенно и пространно, как ритор о материи своей говорить или писать хочет, и, по рассуждению и свойству оной, можно одну или и две части оставить.

§ 115. Вступление есть часть слова, чрез которую ритор слушателей или читателей приуготовляет к прочему слову, чтобы они склонно, прилежно и понятно оное слушали или читали. Для первого должен ритор вежливо и склонно оным свое предприятие представить, для второго объявить, что он будет представлять о вещи важной, нужной и полезной, для третьего ясно сказать свою тему или самую материю, о которой он говорить или писать хочет.

§ 116. Вступление сочинить может ритор: 1) от места или времени, предлагая, что ему в рассуждении оных говорить должно, прилично, нужно, полезно, трудно и пр.; 2) от характера и свойств, которые слушатели имеют, похваляя их добродетели; 3) от своего лица, объявляя недостаток сил своих

* Где-либо в другом месте.— *Ред.*

к тому слову, извиняя себя нуждою и пользою оного; 4) от самой темы, когда ритор оную пространно предложит; 5) от похвалы автора, то есть ежели тема есть сентенция святого или ученого человека, то можно в самом вступлении оного похвалить; 6) от примеров, девизов и пословиц; 7) от призывания в помощь свою бога или святых его; 8) от внезапного приступления к самой вещи, то есть когда ритор начинает самую предлагаемую материю от какой-нибудь сильной и стремительной фигуры. Так начал Цицерон речь свою против Катилины: *Доколе будешь, Катилина, во зло употреблять терпение наше?* Всякое вступление должно быть украшено тропами и сильными фигурами, для того чтобы слушатели или читатели, оными усладившись, самой материи внимали и прилежно слушали. При сем должно остерегаться, чтобы вступление было не весьма долго, и всегда помнить, что оно, чем короче, тем лучше.

§ 117. По вступлении предлагается тема кратко и ясно. А потом, если она нечто гисторическое или другое что, истолкования требующее, в себе заключает, присовокупляется истолкование, которое составлено бывает из распространенных идей по правилам третьей главы первыя части. В истолковании надлежит наблюдать: 1) краткость речей, и для того должно стараться, чтобы периоды были коротки, однако притом ясны и удобопонятны; 2) ясность, и для того должно больше употреблять слов свойственных, нежели тропов; 3) вероятность, к чему служат свидетельства и самые обстоятельства предлагаемыя вещи. Для сих трех должно опасаться: 1) чтобы не примешать мелких и слову непристойных обстоятельств; 2) чтобы не отступить от слова к другой посторонней материи; 3) чтобы речи не были безмерно закручены и идеи бы, вместе быть должные, не были одна от другой далече разметаны; 4) чтобы много разных вещей не стеснить в кучу и тем бы не отяготить понятие слушателей; 5) чтобы не представить, что слушателям невероятно, смешно и подло показаться могло; 6) чтобы истолкование не весьма просто и низко было и несвязанными речами и весьма много раз повторенными теми же словами не скучно казалось.

§ 118. Истолкованию последует утверждение, в котором предлагаются вины или причины, о справедливости темы уверяющие, которые изобретены быть могут по правилам о изобретении доводов. Утверждение разделяется на две части. Первая есть доказание, которая содержит в себе самые доводы, чем предложенную тему доказать должно. Вторая называется возражение, которая опровергает все противные теме предложения и представляется: 1) презрением, когда предложения противные ритор ни во что почитает; 2) укоризною и грозою, когда противное теме предложение будет скверно и безза-

конно; 3) большим предложением, когда ритор, противного предложения не разрешив, предлагает свое, того сильнейшее; 4) когда ритор покажет, что противные предложения неправдивы тем, что со здравым рассуждением несогласны. В доказании употреблены бывают стремительные фигуры, н. п.: вопрошение, отвращение, восклицание и пр.; в возражении: заятие, уступление, троп, ирония и проч.

§ 119. Доводы предлагаются: 1) силлогизмом, 2) энтимемою, 3) дилеммою. Силлогизм составляют два предыдущие предложения и следствие, н. п.: *от всякого порока надлежит убегать* (первое предложение), *но леность есть порок* (второе предложение), *следовательно, от лености бегать надлежит* (следствие). Сии три части силлогизма располагать можно разным порядком, присовокупляя к ним причины и украшая их тропами и фигурами, для того чтобы они риторический, а не логический вид имели. Когда из предыдущих предложений первое или второе оставлено будет, тогда сей довод называется энтимема, н. п.: *леность есть порок, следовательно, оной убегать должно.* Дилемма есть довод, состоящий из двух противных частей, из которых ту или другую противной стороне принять должно, н. п.: *некоторая женщина советовала своему сыну, чтобы он никакого слова не говорил пред народом, для того, что ежели он неправду говорить хочет, то прогневает бога, а буде правду, то люди ему будут неприятели, на что сын отвещал: Мне еще большая причина есть говорить публичные слова, ибо ежели я стану говорить правду, то буду богу любезен, а ежели неправду, то буду людям приятен.* Из доводов сильные и важные должно положить напереди, те, которые других слабее, в средине, а самые сильные — на конце утверждения, ибо слушатели и читатели больше началу и концу внимают и оных больше помнят.

§ 120. Последняя часть слова есть заключение, в котором доказанная тема представляется в указательном роде с похвалою или хулою, в советовательном — с присоветованием или отсоветованием, причем должно повторить положенные в третьей части доводы, но весьма кратко и замысловато, к чему служат правила, предложенные в пятой главе первыя части.

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ

§ 135. Больше упражнения, нежели теории и предписанных правил, требует произношение, которое имеет великую силу в предложении слова, когда преизрядными замыслами наполненный ум на язык, очи, лице, руки и на весь стан ритора красоту свою изливает и свое великолепие чувствам слу-

шателей ясно представляет. Для того, кто подлинный ритор быть желает, тот в приличном слову произношении должен часто упражняться и наблюдать следующие правила.

§ 136. Слово произносить должно голосом чистым, непрерывным, не грубым, средним, то есть не очень кричным или весьма низким, равным, то есть не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и вдруг книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить однем тоном, без всякого повышения или понижения, но, как произносимый разум требует, умеренно повышать и понижать должно и голос. В вопрошениях, в восклицаниях и в других сильных фигурах надлежит оный возносить с некоторым стремлением и отрывом. В истолковании и в нежных фигурах должно говорить равняе и несколько пониже; радостную материю веселым, печальную плачевным, просительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном. И словом, голос свой управлять должен ритор по состоянию и свойствам предлагаемыя материи.

§ 137. Каждый период должно произносить отдельно от прочих, то есть, окончив оный, несколько остановиться; части его, разделенные двоеточиями и запятыми, отделять малою переменою голоса и едва чувствительною остановкою; каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно и в один дух излишне не захватывать, ибо сие понуждает часто в непристойном месте остановиться или, несколько складов не договоря, пропустить. Ненадобно очень спешить или излишную протяжность употреблять, для того что от первого слова бывает слушателям невнятно, а от другого скучно.

§ 138. Что ж надлежит до положения частей тела, то во время обыкновенного слова, где не изображаются никакие страсти, стоят искусные риторы прямо и почти никаких движений не употребляют, а когда что сильными доводами доказывают и стремительными или нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьми...

§ 140. А чтобы в произношении не запнуться или и совсем не стать, для того должен ритор речь свою твердо изусть выучить, к чему в некоторых риториках правила и способы предлагаются, однако, по моему мнению, не приносят они никакой пользы, кроме того, что по той тетрате, на которой речь сочинена, скорее оную вытвердить можно, нежели по переписанной. Тот скорее и больше изусть выучить может, кто часто свои и чужие слова изусть учит.

1743. «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 64—69, 77—79.

Д. И. Фонвизин

ПИСЬМО ОТ СТАРОДУМА [32]

Москва, февраля 1788 года.

Мне случилось на сих днях быть в здешнем обществе, довольно многочисленном, а особливо дам было великое множество. В одной комнате был разведен камин, около которого стояли человек пять, шесть молодых людей. Они, не взирая на присутствие сидевших в той же комнате знатных и состарившихся в делах государственных особ, разговаривали между собою непристойно громко и со всею невежескою дерзостью. Я поразведал, кто они таковы. Мне сказано было, что они молодые писатели. Я подошел к ним поближе послушать их беседы и нашел, что беседовали они о литературе. Мнения свои сказывали за решения, никакому пересуду не подверженные. Один из них весьма язвительно шпынял над творениями первых наших писателей и изъяснялся, что он сам упражняется в стихотворстве, но во французском, а не в российском; «ибо,— сказал он с насмешкою,— я боюсь войти в соперничество с великими людьми». Молодой человек, с нетерпением насмешки его слушавший, отвечал ему: «Вы напрасно боитесь войти в соперничество с нашими великими людьми; французское ваше красноречие доказывает, какой бы вы писатель были и по-русски. Россия имеет ораторов, над которыми шутить не позволяется».— «Я думаю,— отвечал французский стихотворец,— что Россия красноречия вовсе не имеет; ибо если собрать все русские красноречивые творения, то книга выйдет не весьма огромная». После сих слов разговор стал у них гораздо горячее и показывал, что беседующие молодые писатели знание имели весьма малое, а воспитания никакого.

Возвратясь домой, подумал я о сей беседе, и как нельзя не признаться, что наши витийственные сочинения составили бы весьма маленькую книжку, то размышлял я, отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому вы-

ражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою хвалою, но претурою, архонциями и консульствами[33] награждается. Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны; по крайней мере церковное наше красноречие доказывает, что россияне при равных случаях никакой нации не уступают. Преосвященные наши митрополиты: Гавриил, Самуил, Платон суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разные мнения и голоса Елагина, составленные по долгу звания его, довольно доказывают, какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих.

Но между неисчетными благами, коими Россия облагодетельствована от Екатерины Вторыя, должно считать и установление Российской академии. Сие установление, конечно, много споспешествовать будет к образованию и обогащению российского слова. Слышу я, что Академия упражняется в составлении российского лексикона и грамматики. Без сомнения, сей труд будет весьма полезен; но кажется мне, что между тем, как Академия сим занимается, может она, под покровительством председательствующей в ней толь знаменитой просвещенным своим разумом особы, дать упражнение и тем российским писателям, кои не суть члены Академии. Она может, по примеру подобных в Европе установлений, задавать ежегодно материи к витийственным сочинениям, награждая победителя в красноречии и возбуждая тем соревнование между писателями. Россия имела между государями своими великих благодетелей, кои достойны благодарности. Имела она также и между сынами своими истинных отечестволюбцев, которых дела достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и материи нравоучительные, словом: упражнять писателей во всех родах сочинений и тем возращать российского слова богатство, красоту и силу...

Печатается по тексту избранных сочинений и писем, стр. 161—163.

А. С. Пушкин

О ЯЗЫКЕ РАЗГОВОРНОМ И ПИСЬМЕННОМ

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений *сей, сия, сие, оный, оная, оное* — не что иное, как шутки [34]. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оный* *, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета скачущая по мосту, слуга метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

1836. Письмо к издателю. «Русские писатели о языке», стр. 77.

* Впрочем, мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч.

Н. В. Гоголь

ЗАМЕТКИ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая ученость: его не будут слушать; тогда никакие истины не произведут на слушателей влияния, потому что их возраст есть возраст энтузиазма и сильных потрясений; тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые ими стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут их и дадут им совершенно ложное направление...

Рассказ профессора должен делаться по временам возвышен, должен сыпать и возбуждать высокие мысли, но вместе с тем должен быть прост и понятен для всякого. Истинно высокое одето величественною простотою: где величие, там и простота. Он не должен довольствоваться тем, что его некоторые понимают; его должны понимать все. Чтобы делаться доступнее, он не должен быть скуп на сравнения. Как часто понятное еще более поясняется сравнением! и потому эти сравнения он должен всегда брать из предметов, самых знакомых слушателям. Тогда и идеальное и отвлеченное становится понятным. Он не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многосложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях.

1832. «О преподавании всеобщей истории». «Русские писатели о языке», стр. 184—185.

Ученые рассуждения и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многословны. Нужно помнить, что наука для тех, которые еще не знают ее. В последнее время стали писать рассуждения, начиная с Лединых яиц [35]. Это большая погрешность. Думая через это более раскрыть дело, более темнят. Терминов нужно держаться только тех, которые принадлежат миру той науки, о которой дело, а не общих философских, в которых блуждает, как в лабиринте, и отдаляется от дела. Приступ должен быть невелик и с первого же раза показать, в чем дело. Заключение должно повторить дело трактата и в сокращеньи обнять его снова, чтобы читатель мог повторить самому себе.

1844—1845. «Учебная книга словесности». «Русские писатели о языке», стр. 186.

Профессора у нас заняты только своим собственным краснобайством, а чтобы образовать человека, об этом вовсе не помышляют. Они не знают, кому они говорят, а потому немудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, выбранить кого-нибудь, а потом сами жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодых не соответствующее потребностям направление, позабыв, что если скверен приход, то в этом поп виноват, а не кто другой.

1845. «Письмо к Н. М. Языкову, 2 января». «Русские писатели о языке», стр. 186.

А. И. Герцен

ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФРАЗЕРСТВА

Ламартин явился перед Собранием [36]... Ламартин говорил своим известным напыщенным слогом; его речи похожи на взбитые сливки: кажется, берешь полную ложку в рот, а выйдет несколько капель молока с сахаром; для меня он несносен на трибуне, французы удивляются ему,— стало, он оправдан вполне. Ламартин смирялся перед Собранием, льстил ему, называл его владыкой и самодержцем. Собрание было довольно и предложило вотировать, что временное правительство заслуживает благодарность отечества; оно терпеть не могло временного правительства, особенно трех членов его: Ледрю-Роллена, Луи Блана и Альбера, но хотело заплатить за учтивость учтивостью и на почине сказать спасибо правительству за его смиренный вид.

1850. «Письма из Франции и Италии». Письмо IX. «Русские писатели о языке», стр. 272—273.

ПРОТИВ СХОЛАСТИЧЕСКОГО ЖАРГОНА НАУКИ

Одна из главных потребностей нашего времени — обобщение истинных, дельных сведений об естествознании. Их много в науке, их мало в обществе; надобно втолкнуть их в поток общественного сознания, надобно их сделать доступными, надобно дать им форму живую, как жива природа, надобно дать им язык откровенный, простой, как ее собственный язык, которым она развертывает бесконечное богатство своей сущности в величественной и стройной простоте...

Воспитание образованных сословий во всей Европе мало захватило из естественных наук; оно осталось по-прежнему под влиянием какой-то риторико-филологической (в самом тесном смысле слова) выучки; оно осталось воспитанием памяти более, нежели разума, воспитанием слов, а не понятий, воспитанием слога, а не мысли, воспитанием авторитетами, а не самодеятельностью; риторика и формализм по-прежнему вытесняют природу. Такое развитие ведет почти всегда к надменности ума, к презрению всего естественного, здорового и к

предпочтению всего лихорадочного, натянутого; мысли, суждения по-прежнему прививаются, как оспа, во время духовной неразвитости; приходя в сознание, человек находит след раны на руке, находит сумму готовых истин и, отправляясь с ними в путь, добродушно принимает и то и другое за событие, за дело конченое. Против этого-то ложного и вредного в своей односторонности образования нет средства сильнее всеобщего распространения естествоведения, с той точки зрения, до которой оно выработалось теперь; но, по несчастию, великие истины, великие открытия, следующие быстро друг за другом в естественных науках, не переходят в общий поток кругообращающихся истин, а если доля их и получает гласность, то в такой бедной и в такой неправильной форме, что люди и эти выработанные для них истины принимают такими же втесненными в память событиями, как и все остальное схоластическое достояние. Французы сделали больше всех для популяризации естественных наук, но их усилия постоянно разбивались об толстую кору предрассудков; полного успеха не было, между прочим, потому, что большая часть опытов популярного изложения исполнена уступок, риторики, фраз и дурного языка.

Предрассудки, с которыми мы выросли, образ выражения, образ понимания, самые слова подкладывают нам представления, не токмо неточные, но прямо противоположные делу. Наше воображение так развращено и так напитано метафизикой, что мы утратили возможность бесхитростно и просто выражать события мира физического, не вводя самым выражением и совершенно бессознательно ложных представлений,— принимая метафору за самое дело, разделяя словами то, что соединено действительностью. Этот ложный язык приняла сама наука; оттого так трудно и запутано все, что она рассказывает. Но науке язык этот не так вреден,— весь вред достается обществу; ученый принимает глоссологию * за знак, под которым он, как математик под условной буквой, сжимает целый ряд явлений, вопросов. Общество имеет слепую доверенность к слову, и в этом — свидетельство прекрасного доверия к речи, так что человек и при злоупотреблении слова полон веры к нему и полон веры к науке, принимая высказываемое ею не за косноязычный намек, а за выражение, вполне исчерпывающее событие. Для примера вспомним, что всякий порядок физических явлений, которых причина неизвестна, наука принимает за проявление особой силы и, по схоластической диалектике, олицетворяет ее до такой самобытности, что она совершенно распадается с веществом (такова модная метаболическая ** сила, каталитическая). Математик поставил бы тут

* Здесь — научная терминология.— *Ред.*
** Здесь — изменяющая, преобразующая.— *Ред.*

добросовестно *x*, и всякий знал бы, что это — искомое, а новая сила дает подозревать, что оно *сыскано,* и для полного смешения понятий к этим ложным выражениям присоединяются еще ложные сентенции, повторяемые из века в век без анализа, без критики и которые представляют все предметы под совершенно неправильным освещением.

1845 «Публичные чтения г-на профессора Рулье». «Русские писатели о языке», стр. 283—284.

Фогт обладает огромным талантом преподавания. Он, полушутя, читал у нас несколько лекций физиологии для дам. Все у него выходило так живо, так просто и так пластически выразительно, что дальний путь, которым он достиг этой ясности, не был заметен. В этом-то и состоит вся задача педагогии — сделать науку до того понятной и усвоенной, чтоб заставить ее говорить простым, *обыкновенным* языком.

Трудных наук нет, есть только трудные изложения, т. е. неперевариМые. Ученый язык — язык условный, под титлами, язык стенографированный, временный, пригодный ученикам; содержание спрятано в его алгебраических формулах для того, чтоб, раскрывая закон, не повторять сто раз одного и того же... Переходя рядом схоластических приемов, содержание науки обрастает всей этой школьной дрянью, а доктринеры до того привыкают к уродливому языку, что другого не употребляют, им он кажется понятен,— в старые годы им этот язык был даже дорог, как трудовая копейка, как отличие от языка вульгарного. По мере того как мы из учеников переходим к действительному знанию, стропила и подмостки становятся противны,— мы ищем простоты. Кто не заметил, что учащиеся вообще употребляют гораздо больше трудных терминов, чем выучившиеся.

Вторая причина темноты в науке происходит от недобросовестности преподавателей, старающихся скрыть долю истины, отделаться от опасных вопросов. Наука, имеющая какую-нибудь цель вместо истинного знания,— не наука. Она должна иметь смелость прямой, открытой речи... Христианское воззрение приучило к дуализму и идеальным образам так сильно, что нас неприятно поражает все естественно здоровое; наш ум, свихнутый веками, гнушается голой красотой, дневным светом и требует сумерек и покрывала.

1857. «Былое и думы», ч. 5, гл. XL. «Русские писатели о языке», стр. 290—291.

В. Г. Белинский

СОДЕРЖАНИЕ И ЗАДАЧИ РИТОРИКИ

Странное дело! у нас многие нападают на то, что в учебных заведениях, в числе наук, не только находится русская словесность, но и еще считается одним из главнейших предметов учения. Мы никак не оправдываем этих нападков. Оставляя в стороне теорию красноречия и поэзии, и вообще всякую теорию, в низших учебных заведениях, после основательного и строгого изучения грамматики, полагаем даже полезным занимать учеников *практикою* языка, чтобы они умели ясно, вразумительно, кругло, приятно и *прилично* написать записку о присылке книги, приглашение на вечер, письмо к отцу, матери или другу о своих нуждах, чувствах, препровождении времени и прочих предметах, не выходящих из сферы их понятий и их жизни. Тут главное дело, чтобы приучить их к естественному, простому, но живому и правильному слогу, к легкости изложения мыслей и — главное — к сообразности с предметом сочинения. У нас, напротив, или приучали рассуждать детей о высоких или отвлеченных предметах, чуждых сферы их понятия, и тем заранее настраивали их к напыщенности, высокопарности, вычурности, к книжному, педантическому языку,— или приучали их писать на пошлые темы, состоящие из общих мест, не заключающих в себе никакой мысли. И все это в темных педантических формах хрии (порядковой, превращенной, автонианской), или риторического рассуждения в известных схоластических рамах. И какие же плоды этого учения? — Бездушное резонерство, расплывающееся холодною и пресною водою общих мест или высокопарных риторических украшений. И потому ученик, образованный по старой системе, напишет вам рассуждение о том, что знает, а между тем не умеет написать записки, простого письма. Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, а не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе. О, господа, ужасная эта наука — риторика! Блажен, кто мог стряхнуть с себя ее педантическую гниль и пыль, и горе тому, кто навсегда и по-

неволе остался щеголять в ее мишурной порфире, в ее бумажной короне на голове и с ее деревянным кинжалом! А между тем должно учить детей писать; но только в основу этого учения должно полагать грамматику, в ее *общем* значении, и тесное знакомство с духом родного языка, знакомство, приобретенное теориею и еще больше практикою. Что проще — то и истиннее и труднее... Конечно, талант дается природою; но мы говорим о том, что̀ можно, по силам каждого, приобресть учением; хорошая метода учения развивает талант, а дурная дает ему ложное направление. А куда же девалась наша риторика — мы говорим только о грамматике? Неужели риторику должно исключить из предметов учения? — Нисколько, но должно ввести ее в ее собственные пределы. Чтобы писать хорошо, надо запастись содержанием, а этого никакая риторика не даст,— и та, которой до сих пор у нас учат, дает только губительную способность варьировать отвлеченную мысль общими местами и растягивать пустоту в бесконечность, другими словами — пускать мыльные пузыри. Содержание дается целостностию образования и развития; умение владеть содержанием, т. е. развивать его правильно, дает логика; риторика же не виновата ни в том, ни в другом. Обыкновенно у нас риторики начинаются изложением теории и периодов; вот первое незаконное присвоение риторики чужого: теория периодов относится к синтаксису, что уже многие понимают. За теориею периодов следует теория *украшенного языка* — троп, метафор, фигур: вот это действительно относится к содержанию риторики. Но и тут риторика совсем не должна учить *красно писать,* или сочинять, на заданные темы, тропы и фигуры, а только должна показать значение того и другого, как выражение известного состояния, или известной настроенности духа пишущего. За теориею языка украшенного, обыкновенно следует учение о хриях и рассуждениях — это вон, как педантическую гниль и пыль, как гибель всего естественного, простого, как ферулу, о которой воспоминание должно сохраняться, подобно факту старины, вместе с школьными преданиями о па̀лях, суботках и прочем, о чем так забавно рассказывает «Пан Халявский»[37]. Стилистика — вот настоящее содержание риторики; но это не теория, а систематический, по возможности, сбор эмпирических правил, подкрепленных примерами...

1839. «Способ к распространению шелководства Я. Юдицкого». Полное собрание сочинений, т. III, стр. 260—262.

Риторика получила свое начало у древних. Социализм и республиканская форма правления древних обществ сделали красноречие самым важным и необходимым искусством, ибо оно отворяло двери к власти и начальствованию. Удивительно ли, что все и каждый хотели быть ораторами, хотели иметь влияние на толпу посредством искусства красно говорить? Поэтому изучали речи великих ораторов, анализировали их и дошли до открытия тропов и фигур, до источников изобретения; стали искать общих законов в частных случаях. Оратор сильно всколебал толпу могучим чувством, выраженным в фигуре вопрошения,— и вот могучее чувство отбросили в сторону, а фигуру вопрошения приняли к сведению: эффектная-де фигура, и на ней как можно чаще надобно выезжать — всегда вывезет. Это напоминает басню о глупом мужике или глупой обезьяне, которая, увидев, что ученый, принимаясь за чтение, всегда надевал на нос очки, тоже достала себе очки и книгу, хотела читать и с досады, что ей не читается, разбила очки. Но люди бывают иногда глупее обезьян. Из наблюдений и анализа над речами великих ораторов они составили сбор каких-то произвольных правил и назвали этот сбор *риторикою.* Явились риторы, которые к ораторам относились, как диалектики и софисты относились к философам, и начали обучать людей искусству красноречия; завелись школы, но из них выходили все-таки не *ораторы,* а *риторы.* Какая разница между оратором и ритором? Такая же, как между философом и софистом, между присяжным судьею... и адвокатом: философ в диалектике видит средство дойти до знания истины,— софист в диалектике видит средство остаться победителем в споре; для философа истина — цель, диалектика — средство; для софиста и истина и ложь — средство, диалектика — цель; присяжный судья видит свою цель в оправдании невинного, в осуждении виновного; адвокат видит свою цель в оправдании своего клиента, прав ли он или виноват — все равно. Оратор убеждает толпу в мысли, великость которой измеряется его одушевлением, его страстию, его пафосом и, следовательно, жаром, блеском, силою, красотою его слова; ритору нет нужды до мысли, в которой он хочет убедить толпу: ритор — человек маленький, и мысль его может быть подленькою, даже у него может не быть вовсе никакой мысли, а только гаденькая цель,— и лишь бы ее удалось ему достигнуть, а до прочего ему нет дела. И там, где оратор берет вдохновением, бурею страстей, громом и молниею слова, там ритор хочет взять тропами и фигурами, общими местами, выточенными фразами, округленными периодами. Но в древности риторика еще имела какой-нибудь смысл. Когда в какой-нибудь республике переводились на время великие люди,

тогда народом управляли крикуны и краснобаи, т. е. риторы. А много ли людей, которые для такой цели не стали бы учиться риторике? — Но скажите, бога ради, зачем нужна риторика в новом мире? Зачем она даже в Англии и во Франции? Ведь Питт и Фокс были не только ораторы, но и государственные люди? Ведь в наше время, когда вся общественная машина так многосложна, так искусственна, даже и великий по таланту оратор недалеко уйдет, если в то же время он не будет государственным человеком? И каким образом риторика сделает кого-нибудь красноречивым в Англии и во Франции, и кто из английских и французских парламентских ораторов образовался по риторике? Разве риторика дает кому-нибудь смелость говорить перед многочисленным собранием? Разве она дает присутствие духа, способность не теряться при возражениях, умение отразить возражение, снова обратиться к прерванной нити речи, находчивость, талант всемогущего слова «кстати»? Приведем известный пример из древнего мира. Демосфен говорил о Филиппе, а ветреные афиняне толковали между собою о новостях дня; раздраженный оратор начинает им рассказывать пустую побасенку,— и афиняне слушают его внимательно. «Боги! — воскликнул великий оратор,— достоин вашего покровительства народ, который не хочет слушать, когда ему говорят об опасности, угрожающей его отечеству, и внимательно слушает глупую сказку!» Разумеется, эта неожиданная выходка устыдила и образумила народ. Скажите: какая риторика научит такой находчивости? Ведь подобная находчивость — вдохновение! Вздумай кто-нибудь повторить эту выходку — толпа расхохочется, потому что толпа не любит людей, которые велики или находчивы задним числом. Какая риторика даст человеку бурный огонь одушевления, страсть, пафос? Нам возразят: конечно, не даст, но разовьет эти счастливые дары природы. Неправда! их может развить практика, трибуна, а не риторика. Гений полководца нуждается в хороших книгах о военном искусстве, но развивается он на полях брани. И чем бы могла риторика развить гений оратора: неужели тропами, метафорами и фигурами? Но что такое тропы, метафоры и фигуры, если выражение страсти — не произведение вдохновения? Истинный оратор употребляет тропы и фигуры, не думая о них. То энергическое выражение, которым он всколебал толпу, иногда срывается с его уст нечаянно, и он сам не предвидел, не находил его в своей голове, будучи отделен от него только двумя словами предшествовавшей фразы. Ученикам задают писать тропы и фигуры: не значит ли это задавать им *работу* — быть вдохновенными, страстными? Это напоминает соловья в когтях у кошки, которая заставляет его петь. Да чего не бывает на белом свете! В ста-

рину, в семинариях, в классе поэзии, задавали ученикам описывать в стихах разные назидательные предметы...

Итак, какую же пользу может приносить риторика? Не только риторика,— даже теории красноречия (как науки красноречия) не может быть. Красноречие есть искусство,— не целое и полное, как поэзия: в красноречии есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами. Поэзия входит в красноречие как элемент, является в нем не целью, а средством. Часто самые увлекательные, самые патетические места ораторской речи вдруг сменяются статистическими цифрами, сухими рассуждениями, потому что толпа убеждается не одною красотою живой изустной речи, но вместе с тем и делом, и фактами. Один оратор могущественно властвует над толпой силою своего бурного вдохновения; другой — вкрадчивою грацией изложения; третий — преимущественно иронией, насмешкой, остроумием; четвертый — последовательностью и ясностью изложения, и т. д. Каждый из них говорит, сообразуясь с предметом своей речи, с характером слушающей его толпы, с обстоятельствами настоящей минуты. Если б Демосфен вдруг воскрес теперь и заговорил в английской нижней палате самым чистым английским языком,— английские джентльмены и Джон Буль ошикали бы его; а наши современные ораторы плохо были бы приняты в древней Греции и Риме. Мало того: французский оратор в Англии, английский во Франции не имели бы успеха, хотя бы они каждый в своем отечестве привыкли владычествовать над толпой силою своего слова. И потому, если вы хотите людям, которые не готовятся быть ораторами, дать понятие о том, что такое красноречие, а людям, которые хотят быть ораторами, дать средство к изучению красноречия,— то не пишите риторики, а переберите речи известных ораторов всех народов и всех веков, снабдите их подробною биографиею каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями,— и вы окажете этою книгою великую услугу и ораторам и не ораторам.

1844. «Общая риторика Н. Кошанского». Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 506—509.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

...Конечно, теперь смешны слова: *виктория, сенсации, ондироваться* (волноваться) и тому подобные; смешно писать *аддиция* вместо *сложение, субстракция* вместо *вычитание, мул-*

типликация вместо *умножение*, *дивизия* вместо *деление*, но ведь эти слова начали употребляться вместе с словами — *гений, энтузиазм, фанатизм, фантазия, поэзия, ода, лирика, эпопея, фигура, фраза, капитель, фронтон, линия, пункт, монотония, меланхолия* и с бесчисленным множеством других иностранных слов, теперь получивших в русском языке полное право гражданства и потому ни мало не смешных, не странных, не непонятных. Люди без разбора вводили новые слова, а время решило, которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке и которым исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. Шишков не понимал, что, кроме духа, постоянных правил, у языка есть еще и прихоти, которым смешно противиться; он не понимал, что употребление имеет права, совершенно равные с грамматикою и нередко побеждает ее, вопреки всякой разумной очевидности. У нас есть слово *торговля*, вполне выражающее свою идею, но найдите хоть одного торговца, который бы не знал и не употреблял слова *коммерция*, хотя это слово во всей очевидности совершенно лишнее? Таким же точно образом можно найти много коренных русских слов, прекрасно выражающих свою идею, но совершенно забытых и диких для употребления. Например, что может быть лучше слова *иже* — оно и коротко и выразительно; а между тем мы заменили его длинным и неуклюжим словом *который*. Почему так? Нет ответа на этот вопрос! Почему можно сказать: *говоря речь, делая вещь*, а неловко сказать *вия шнурок, пия* или *пья воду, тяня веревку?* Первоначальная причина введения новых, взятых из своего или чужих языков слов есть всегда знакомство с новыми понятиями; а разумеется, что нет понятия — нет и слова для его выражения; явилось понятие — нужно и слово, в котором бы оно выразилось. Нам скажут, что явления идеи и слова единовременны, ибо ни слово без идеи, ни идея без слова родиться не могут. Оно так и бывает; но что же делать, если писатель познакомился с идеею чрез иностранное слово? — Приискать в своем языке или составить соответствующее слово? — Так многие и пытались делать, но немногие успевали в этом. Слово *круг* вошло и в геометрию как термин, но для *квадрата* не нашлось русского слова, ибо хотя каждый квадрат есть четвероугольник, но не всякий четвероугольник есть квадрат; а заменить *хорду веревкою* никому, кажется, и в голову не входило. Слово *мокроступы* очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом *галоши;* но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галоши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет! Для русского мужика слово *кучер* — прерусское слово, а *возница* — такое же иностранное, как и *автомедон*. Для идеи *сол-*

дата, квартиры и *квитанции* даже и у мужиков нет более понятных и более русских слов, как *солдат, квартира* и *квитанция.* Что с этим делать? Да и следует ли жалеть об этом? Какое бы ни было слово — свое или чужое — лишь бы выражало заключенную в нем мысль,— и если чужое лучше выражает ее, чем свое,— давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хламу. У нас не было поэзии, как не только непосредственно, но и в сознании народа существующего понятия,— и потому, когда это понятие должно было ввести в сознание народа, то должно было ввести в русский язык и греческое слово *поэзия*; но как живопись существовала у нас, если не непосредственно, то в сознании народа, имевшего в ней нужду для изображения религиозных предметов,— то в наш язык и не вошло иностранного слова для этого искусства, но осталось свое, даже с некоторыми терминами, как то: *черта, чертить, образ, изображение, кисть, краски, подмалевка, тени* и пр. Хотя по-гречески *ода* значит и *песнь*, но тем не менее между *одою* и *песнию* есть разница, и потому слово *ода* необходимо должно было войти в наш язык.

Каждый народ, занимая страну, более или менее отличную от других и, следовательно, непохожую на другие, выражает своим существованием свою идею, которой не выражает уже никакой другой народ. Вследствие этого, каждый народ делает свои, только ему принадлежащие завоевания и приобретения в области духа и знания, и создает язык и терминологию для своих духовных стяжаний. Вот почему каждый народ, в смысле «нации» (ибо не всякий народ есть нация, но только тот, которого история есть развивающаяся идея), владеет известным количеством слов, терминов, даже оборотов, которых нет и не может быть ни у какого другого народа. Но как все народы суть члены одного великого семейства — человечества, и как, следовательно, всё частное каждого народа есть общее человечества, то и необходим между народами размен понятий, а следовательно, и слов. Вот почему греческие слова: *поэзия, поэт, фантазия, эпос, лира, драма, трагедия, комедия, сатира, ода, элегия, метафора, троп, логика, риторика, идея, философия, история, геометрия, физика, математика, герой, аристократия, демократия, олигархия, анархия* и бесчисленное множество других слов вошли во все европейские языки, точно так же, как арабские — *алгебра, альманах* и вообще восточные, означающие названия драгоценных камней; латинские: *республика, юриспруденция, штат* (status), *цивилизация, армия, корпус, легион, рота, император, диктатор, цензор, цензура, консул, префект, префектура* и вообще все термины науки права и судопроизводства. По этому же самому и русское слово *степь,* означающее ровное, безводное и пустое про-

странство земли, вошло в европейские языки. Мысль Шишкова была та, что если уж нельзя обойтись без нового слова (а он питал сильную антипатию к новым словам), то должно не брать его из чужого языка, но составить свое, сообразно с духом языка, или отыскать старинное, обветшавшее, близкое по значению к тому иностранному, в котором предстоит нужда. Мысль прекрасная, но решительно невыполнимая и потому никуда негодная! Правда, иные слова удобно переводятся или заменяются своими, как то было и у нас, но большею частию переведенные или составленные слова уступают место оригинальным, как *землемерие* уступило место *геометрии, любомудрие — философии;* или остаются вместе с оригинальными, как слова: *стихосложение* и *версификация, мореплавание* и *навигация, летосчисление* и *хронология;* или, удерживаясь вместе с оригинальными, заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность* и *национальность, личность* и *индивидуальность, природа* и *натура* *, *нрав* и *характер* и пр. Вообще идее как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается *слитным, сросшимся* (*конкретным,* говоря философским термином) и становится непереводимым. Переведите слово *катехизис — оглашением, монополию — единоторжием, фигуру — извитием, период — кругом, акцию — действием* — и выйдет нелепость. Кроме того, как мы уже и говорили, тут большую роль играет упрямство, капризы употребления. Выражение: *иметь на что или на кого-нибудь влияние* составлено явно против духа и всех правил языка; а между тем оно вполне выражает свою идею, и заменить его *наитием* — значило бы понятное для всех и каждого русского выражение заменить непонятным и бессмысленным.

1841. «Сто русских литераторов». Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 192—194.

---

* Хотя *природа* и *натура* значат и одно и то же, но в употреблении иногда не могут заменять друг друга; можно сказать: *это очень натурально,* но нельзя сказать: *это очень природно;* нельзя сказать: *такова природа этого человека,* но говорится: *такова натура этого человека.*

М. Е. Салтыков-Щедрин

О КРАСНОРЕЧИИ В РОССИИ

Да, и у нас оно выросло, это пресловутое древо красноречия, которым до сих пор мы любовались лишь издали; и у нас, под прохладною тенью его, уже многие приобрели для себя мир душевный и невозмутимость сердечную; и у нас Dieu merci *, болярин Сергий, насытившись вдоволь разъедающими речами раба божия Павла, может в веселии сердца своего воскликнуть: «ах, черт возьми, кто бы мог думать, что у нас явятся такие ядовитые бестии!.. да ведь это Jules Favre pur sang!» ** (только видимый с затылка, прибавлю я от себя),— да, и мы, наконец, с законною гордостью можем сболтнуть изумленной Европе, что в наших

. . . . . parages
Le doux ramage ***

— уже не мечта разгоряченного воображения, а настоящая, истинная истина!.. И если вам, о любители отечественного просвещения, доселе остается неизвестным сей достопримечательный факт, то это происходит оттого, что вы слишком охотно рассуждаете о свойствах буквы ижицы и из-за ижицы не замечаете обновляющейся России.

Что до меня, то я сам его видел, сам убедился в существовании этого милого растения, называемого древом красноречия, и, если хотите, могу даже сообщить вам «краткое» описание его. Почва, в которой лежат его корни, болотиста и злокачественна; ствол его жидок и тонок, но верхушка объемиста и если не густа, то космата; листья бледны и бессочны, но снабжены колючками, которые если не наносят положительного вреда, то производят в субъекте, к ним прикасающемся, чесотку и волдыри. Вообще это дитя хилое, больное, слабосильное и, несмотря на свои колючки, весьма безобидное.

---

* Слава богу.
** Чистейший Жюль Фавр.
*** ...местах сладкое щебетанье.

При малейшем дуновении ветра оно всей своей растрепанной массой приклоняется к земле и рабски-болезненно при том стонет. «Я безвреден! я безвреден! — слышится в этом жалобном стоне: — меня можно бить, и потому незачем убивать!» И ветры все дуют да дуют, а дерево все живет да живет, как будто для того, чтоб доказать нелепую мысль, что и в мраке есть свет и в смерти есть жизнь.

Приятель мой Иван Педагогов, великий охотник до всякого рода словоизвержений, едва лишь издали завидел вершину этого дерева, как уже не в силах был воздержать необузданность своего сердца, преисполненного благими намерениями и бескорыстнейшими побуждениями. Он вдруг, без всякой побудительной причины, уподобился укушенному шакалу, начал соваться и бегать, и в заключение стиснул меня в своих объятиях, в которых, однако ж, я в качестве наблюдателя не мог не заметить сильного присутствия риторики. «Любезный друг! ты делаешь сочинение на тему: «восход солнца»! — думал я, покуда он задыхающимся от искусственного волнения голосом декламировал передо мной: «О, как мы должны радоваться, как мы должны гордиться тем, что дожили до такого момента! Друг мой, если бы да к этому на место Петра Петровича назначили Федора Федоровича, то нет сомнения, что обновление нашего любезного отечества можно было бы считать совершившимся!» После этой речи мы оба заплакали, заплакали гнусными, деланными слезами, и я до сих пор не могу отделаться от тяжести, которая легла на мое сердце от этих неприличных слез.

Появление на нашей почве древа красноречия тем более должно было поразить, что до сих пор мы думали, что ораторское искусство не может быть добродетелью россиян. Предки наши занимались возделыванием земли, утучняли стада свои, были гостеприимны и благодушны, сидели бо́льшею частью «уставя брады»; когда же хотели солгать, то приговаривали только: «да будет мне стыдно», и затем были уже совершенно уверены, что любезный собеседник обязан принимать слова их за чистую монету. Вот свидетельство, оставленное нам историей. Сверх того известно, что россияне с успехом занимались приготовлением многоразличных сортов меда, но во всяком случае в числе этих сортов никогда не значилось меда красноречия.

Очевидно, что при таком земледельческом, скотоутучняющем характере цивилизации страсти к словоизвержениям не могло быть дано много места. «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами», гласит нам мудрость веков; а «Пчелы», да «Измарагды» [38] прибавляют: «человеку даны два уха, чтоб слушать, и один язык, чтоб говорить».

И действительно, отцы наши говорили или чересчур сжато или же хотя по временам и размазисто, но больше наполняли свои речи украшениями и учтивостями вроде: «тово», «таперича», «тово-воно как оно», «с позволения сказать» и т. д. В подкрепление моей мысли позвольте мне представить вам несколько образцов этого древнего, коренного нашего витийства.

Красноречие Марса. «Не рассуждать! руки по швам!» При этом, гласит предание, нередко случалось и так, что Марс вместо слов ограничивался простым рычанием, что́, без сомнения, представляет самую сжатую форму для изъяснения чувств и мыслей.

Красноречие сельское. Но об этом виде красноречия я много распространяться не стану: оно вполне резюмировано г. Тургеневым в звуке: «чюки-чюк! чюки-чюк!»

Красноречие бюрократическое. «Да вы знаете ли, милостивый государь! Да как вы осмелились, государь мой! да известно ли вам, что я вас туда упеку, куда Макар телят не гонял!»

Красноречие торжественное или, так сказать, обеденное. «Очень рад, господа, что имею случай... тово... это таперича доказывает мне, что вы с одной стороны... чувства преданности... ну и прочее... а с другой стороны и я, без сомнения, не премину... от слез не могу говорить... господа! за здоровье Крутогорской губернии!»

Одним словом, пользуясь указаниями опыта и бывшими примерами, мы имели полное право догадываться, что у нас скорее может процветать балет, нежели драматическое искусство.

И вдруг мы задумали отречься от преданий, завещанных благоразумными отцами нашими, и в юношеском восторге забыли даже пословицу: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. Мы, весь свой век твердившие: «а вот поговори ты у меня, так узнаешь, как кузькину мать зовут», мы, проливавшие слезы умиления при одном слове «безмолвие», которым грады и веси цветут,— мы... вдруг почувствовали, что у нас одно ухо, чтобы слушать, и два языка, чтобы говорить, и что пирог, который мешал нам свободно разевать рот, съеден весь без остатка...

Какая же причина столь внезапного явления? Что заставило нас заменить наше прежнее необузданное молчание столь же необузданною болтовнею?.. Хотя отвечать на этот вопрос довольно трудно, однако попытаюсь.

Ближайшие исследования дают повод думать, что первою и главною побудительною причиною было то, что нам *вышло* позволение говорить, подобно тому, как *выходят:* отставка,

определение, отсрочка, новые формы и т. д. Спрашивается: если вышла человеку отставка, может ли он продолжать служить? Если вышла человеку новая форма одежды, может ли он продолжать ходить в старой? Подобно сему, если вышло человеку дозволение говорить, может ли он молчать? И самое нежелание с его стороны воспользоваться предоставленным правом не должно ли быть признано равносильным ослушанию воле начальства?..

Итак, если кем-либо употребляется, например, выражение: «дозволяется быть веселым», то это положительно значит, что веселость есть вещь обязательная, и что всякий, кто отныне осмелится взглянуть исподлобья или быть недовольным погодой и проч., должен подлежать истязанию, как нарушающий общественную симметрию. Подобно сему, слова: «позволяется говорить» положительно означают... не то, что отныне могут пользоваться даром слова желающие, а то, что всякий благонамеренный гражданин должен считать своею обязанностью говорить, и не просто говорить, а без устали, до истощения сил, говорить до тех пор, пока на устах не покажутся клубы пены, а глаза не пропадут бог весть куда... Выходит, что это уж не красноречие, а нечто вроде щекотания под мышками...

Второю причиной, побудившей нас к словесным подвигам, было, кажется, то, что в последнее время развелось на Руси много людей, которые вдруг, ни с того, ни с сего, начали утверждать, что вечно спать невозможно. Сначала одинокие голоса эти нас забавляли; мы даже охотно им вторили, потому что дело касалось нас еще стороною. Но вот мало-помалу они начали раздаваться назойливее и назойливее, и в то самое время, когда, погруженные в волшебный сон, мы ходили по коврам и по бархату, некто взял на себя труд окончательно растолкать нас. «Очнитесь, лежебоки! — услышали мы: — вставать велено!» Можете себе представить, в какой переполох мы пришли от этого приветствия! Спросонья, мы были некоторое время в недоумении, не знали, трусить ли нам или быть храбрыми, уткнуться ли снова в подушку или выставить измятое лицо на свет божий... Вокруг нас все смотрело как-то ново и непривычно; кипела новая жизнь, проходили новые люди, которые глядели на нас хотя без злобы, но с какою-то сдержанной иронией, как будто вот-вот сейчас так и прыснут со смеху... «Что нам делать? что нам делать? — восклицали мы, ощущая все муки предсмертной тоски: — откуда все эти пришельцы? Что значат эти приготовления?» И долго бы колебались мы, если бы время не убедило нас, наконец, что над нами много смеются и очень мало злорадствуют. «Следовательно, надо быть храбрыми!» — воскликнули мы и в то же мгновение разразились целым потоком слов. Мы внезапно почувствовали,

что и мы можем лицом товар показать, тем более что нам предстояло защитить свое право лежания, сладкое право, без боя добытое нашими предками.

Итак, второю причиной нашей болтливости было живое и законное чувство самосохранения.

Об чем же мы говорим и как говорим? — спросите вы. Прежде, нежели отвечать на этот вопрос, позвольте мне рассказать несколько печальных историй.

У меня был знакомый, который вместе с прелестнейшим голосом был одарен от природы и чувствительнейшей душою. По-видимому, нежный тенор и чувствительная душа — две вещи, которые как нельзя более идут друг к другу, однако на деле выходило совершенно противное. Едва, бывало, затянет мой приятель: «oh, per chè non posso odiar ti» *, как голос его внезапно оборвется, и изумленные слушатели, вместо пения, делаются свидетелями самых горьких, а иногда и безобразных рыданий. Таким образом, мы, почитатели вокальных дарований нашего друга, так-таки и не могли добиться случая насладиться звуками его голоса, хотя ни один из нас ни на минуту не усумнился в том, что голос этот должен быть прелестен.

У меня был другой знакомый, который мог бы быть образцовым помещиком, если бы... если бы не та же чувствительность, бедственные последствия которой описаны уже мною выше. Бывало, неделю-другую приятель мой только и дела, что благодетельствует, а потом вдруг, ни с того, ни с сего, взгрустнет... и пошел все в рыло да в рыло. И хотя при этом намеренья его были самые чистые, тем не менее он все-таки попал под опеку!

У меня есть третий знакомый, который мог бы быть весьма приятным публицистом, если бы перо его собственным своим побуждением не производило всякий раз такого клякса, после которого деятельность публициста становится совершенно невозможною.

Примеров таких маленьких несчастий встречается немало. и я рассказал об них для того собственно, что у меня развелось в настоящее время множество знакомых, которые могли бы затмить своим красноречием и Беррье, и лорда Дерби, если бы не препятствовало тому несовместное с ораторскою карьерой косноязычие.

Однако вы можете себе представить, как я должен чувствовать себя несчастливым, проводя жизнь среди таких неудавшихся дарований! Очевидно, я должен их утешать, уверять деликатным образом, что это ничего, что это пройдет, что,

* О, отчего не могу я ненавидеть тебя.

может быть, и их усердие принесет со временем желаемые плоды... Но к делу.

«Об чем мы говорим и как говорим?» Легко вам поставить такой вопрос, но каково тому, кто принял на себя добровольную обязанность отвечать на него! Уловите мне «сию мечту», которая вот-вот сейчас зародилась в голове вашего молчаливого и углубившегося в себя соседа! А между тем «сия мечта» существует — в этом вы не можете сомневаться, потому что сами видите, как она явственно играет на губах и в бровях молчаливого господина! Уловите мне это благоухание, эту раздражающую эманацию любви, которая горит в воздухе, окружающем вашу возлюбленную! А между тем вы ни на минуту не можете усумниться в существовании их, потому что слишком явственно ощущаете, как сердце ваше мучительно раскрывается, чтоб принять в себя эти жгучие испарения! Поймайте мне, наконец, рукой первый палец той же руки, заключенный между вторым и третьим пальцами.

Уверяю вас, что уловить характер и содержание нашего красноречия гораздо труднее, нежели... нежели даже поймать вышеупомянутый первый палец.

Однако попытаюсь.

Во-первых, я должен с прискорбием сознаться, что сжатость, которою преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвозвратно. Увы! мы уже не говорим больше: «цыц, собака!» Мы уже находим, что эти первобытные формы не соответствуют современному состоянию цивилизации, и что никакая речь не может быть, в строгом смысле, названа человеческою, если она не обставлена приличными делу обстоятельствами и не заключает в себе силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль нашу не прямо, а как-нибудь стороною: даем, например, почувствовать, что «на свете становые существуют», что «если они существуют, то надо полагать, что есть какая-нибудь цель этого существования», а следовательно: «так вот видишь ли, мой милый, говорить-то много и нельзя!». Или, например, по поводу искреннего желания содрать кожу с нашего ближнего мы отнюдь не выскажем прямо, что очень бы, дескать, приятно и, так сказать, пользительно, но прежде углубимся в девственные леса Америки, поднимем завесу, скрывающую от нас древний Рим, «с истинным прискорбием» найдем, что везде и всегда обдирание ближнего считалось чуть ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаем слушателя грязью наших исторических и статистических изысканий, осторожненько заключим, что если везде были люди, везде человеки, что если древний Рим, покоривший полвселенной, то почему же бы и нам и т. д.

Признаюсь откровенно, я душевно оплакиваю такое направление нашего красноречия. Во-первых, я всякий раз вспоминаю при этом наше древнее «да будет мне стыдно», а во-вторых, мне истинно жаль, что столько драгоценного времени, которое можно было бы с пользою употребить за зеленым столом, тратится на сомнительное и торопливое ознакомление с «краткой всеобщей историей» Кайданова.

Второе качество, дающее содержание нашему красноречию, заключается в желании нашем доказать, что мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо. Казалось бы, что людям нечего и доказывать, что они люди: ведь так естественно быть человеком! Однако мы усиливаемся, мы заявляем об этом всем и каждому, мы просим верить и даже очень огорчаемся, если бы кому-нибудь вздумалось покачать при этом головою...

Третье качество, в котором мы искренне желаем заверить почтеннейшую публику, нам внимающую, есть современность. Когда все кругом нас говорит и пишет об обветшалости крепостного права, о вреде откупов, о безобразии взяточничества и казнокрадства, можем ли мы оставаться равнодушными? Можем ли мы, спрашиваю я вас, удержать биения сердец наших и не преподнесть нашего собственного изделия букетов на алтарь отечества? Очевидно, что нет,— во-первых, потому, что это не будет à la mode *, а во-вторых, и потому, что кто же бы тогда стал внимать нам? Вымолви-ка мы теперь такое слово, как, например: *откупа́ полезны,* где ж бы нашлась публика для таких речей?! Итак, мы условились единодушно и заранее, что откупа́ — мерзость, взяточничество — мерзость, казнокрадство — мерзость, ябедничество — мерзость, а крестьянское право — une chose sans nom **. Но, господи! что за горечь кипит в наших сердцах, когда мы произносим эти слова! Какое горькое дрожание усматривается на побледневших губах наших, что за соленый вкус ощущается на языке, когда он лепечет заповедное вступление к предстоящей речи: «господа! нет сомнения, что предмет, нас занимающий, заслуживает искреннего нашего сочувствия!» «Черта с два, искреннего!» — думаем мы в это самое время, и поверьте, что для нас было бы во сто крат приятнее, если бы заставили нас проглотить ежа, нежели выдавить из себя эту простую, невинную фразу! Однако ж мы выдавливаем ее, и хотя внутри нас все колышется и как будто хохочет, но слова наши в порядке, носы не буйствуют, языки в порядке и даже физиономии в порядке... да, черт побери... в порррядке!..

---

* По моде.

** Вещь, для которой нет названия.

Из всего сказанного выше вы можете сами легко сделать заключение о том, что́ составляет содержание нашего красноречия. Это, во-первых, старание не войти в слишком явное противоречие с грамматикой и синтаксисом, во-вторых, желание убедить всех и каждого, что ничто человеческое нам не чуждо, и, в-третьих, стремление хоть как-нибудь, хоть боком приобщиться к общему, современному направлению идей. Словом, чтоб определить характер нашего витийства одним термином, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожним.

1860. «Скрежет зубовный», Полное собрание сочинений, т. III, стр. 120—123, 125—128, 129—130.

А. П. Чехов

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ [39]

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т. е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим, или же говорим вяло, беззвучно, тускло, «уткнув брады», не зная, куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект — non multum sed multa *. У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессий должно бы предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанностям службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слыхать. На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крякнул — и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изобра-

* Немного (по количеству), но многое (по содержанию).

жал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому нисколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царят риторика, *ханжество* слова, или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

1893 «Хорошая новость». Сочинения, т. VIII, стр 499—501.

М. Горький

О ЯЗЫКЕ [40]

Известно, что все способности, отличающие человека от животного, развились и продолжают развиваться в процессах труда, способность членораздельной речи зародилась тоже на этой почве. В глубокой древности речь людей была, разумеется, крайне бедна, количество слов — ничтожно. Создавались и действовали только слова глагольных форм, соответствующие современным: рубить, тащить, поднимать и т. д.; слова измерительные: тяжело, коротко, близко, длинно — далеко, горячо — холодно, больно и пр. Даже наименование орудий труда явилось гораздо позднее, уже в ту пору, когда человек нашел возможным командовать кому-то: подай, принеси, положи, отломи...

Речь обогащалась новыми словами в прямой зависимости от расширения трудовых приемов, вызванных возрастающим разнообразием целей труда и сообразно осложнению этих приемов. Легко понять, что эта речь совершенно исключала наличие в ней слов бессмысленных.

Тысячелетия тягчайшего труда привели к тому, что физическая энергия трудовых масс создала условия для роста энергии разума — интеллектуальной энергии. Разум человеческий возгорелся в работе по реорганизации грубо организованной материи и сам по себе является не чем иным, как тонко организованной и все более тончайше организуемой энергией, извлеченной из этой же энергии путем работы с нею и над ней, путем исследования и освоения ее сил и качеств. Классовая организация общества повела к тому, что право на пользование силою разума и на свободное развитие его было, вместе с другими правами, отнято у рабочих масс. Это повело к преступному искусственному замедлению роста культуры, к тому, что она сосредоточилась в обиходе меньшинства людей, и наконец к тому, что в наши дни обнаружилась поверхностность, непрочность этой культуры,— обнаружилась готовность эксплуататоров отказаться от интеллектуальных ценностей и как бы зачеркнуть многовековой труд масс — фундамент «культуры духа», обладанием которой буржуазия еще недавно

гордилась и хвасталась как ее собственностью, ее достижением.

В глубочайших социальных событиях, развивавшихся издревле и до наших дней, не должны бы иметь места слова, лишенные смысла,— все они осмыслены правдой или ложью. Ложь и правда развились из одного источника: из общественных отношений, в основе коих заложена эксплуатация труда большинства меньшинством и борьба трудящихся против эксплуататоров. Наиболее усердными и ловкими творцами лжи всегда были теологи, церковники и философы, которые, идя по путям, указанным всевластной в свое время церковью, употребляли гибкую силу иезуитски растленного разума на борьбу против всех ростков подлинной социальной правды. Но и среди этих людей были редкие случаи, когда порочный разум понимал трагедию трудового человечества, и даже монахи начинали говорить о необходимости изменения тягостных и позорных условий жизни трудового народа.

Теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов разоблачен, и хотя скорлупа некоторых — например слова ад — осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом. Остаются в силе такие церковные словечки, каковы: лицемерие, двоедушие, скудоумие, лихоимство, и множество других словечек, коими, к сожалению, утверждается бытие фактов. Поэтому один из корреспондентов моих, утверждая «необходимость изгнать из языка церковнославянские слова», стреляет мимо цели: изгонять нужно прежде всего постыдные факты из жизни, и тогда сами собою исчезнут из языка слова, определяющие эти факты. В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» [41] его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться.

Откуда и как являются в языке, основанном на прессах труда, на попытках разъяснения или затемнения все растущей сложности общественных отношений, слова паразитивные, лишенные смысла? Есть очень простой ответ: всякий паразитизм порождается паразитами. Но ответить так — слишком просто, а потому — вредно.

Не помню где, когда-то в юности, я прочитал такое объяснение слова «рококо», которым наименован стиль внутреннего убранства жилищ: группа французских дворян, приглашенная буржуазией какого-то города на праздник, была поражена затейливостью и великолепием украшений мэрии — городской

думы; среди этих украшений особенно выделялся галльский петух, сделанный из цветов. Один из вельмож, может быть, заика или же просто глупец, вскричал: «Ро-ро-ро», а спутники его подхватили: «Ко-ко-ко». И этого было достаточно, чтоб «отцы города» приняли бессмысленное слово как наименование стиля украшений. Так как это — глупо, то можно думать: это — верно.

Но уже вполне бесспорно, что засорение языка бессмыслицами является отражением классовой вражды, поскольку она принимала формы презрения, пренебрежения, насмешливости, иронии. Феодальное дворянство Англии, Франции вышучивало и осмеивало речь буржуазии, когда буржуазия начала говорить языком своих — «светских» — философов, своих литераторов и стала более грамотной, более «свободомыслящей», чем дворяне, воспитанные попами. В свою очередь буржуазия издевалась над языком ремесленников, крестьян и обессмысливала его точно так же, как наши крестьяне осмеивали, искажали, обессмысливали слова помещиков, дачников и вообще горожан.

Разумеется, засорение языка паразитивными, обессмысленными словами шло не только по этой линии,— много вреда принесли и приносят в этот процесс бездельники. В поволжских городах засорение языка дрянными выдумками было одной из любимых забав гостинодворских купцов. Зима, жить — скучно, торговля идет тихо, редкие покупатели обслуживаются приказчиками, хозяева устали играть в шашки, устали чай пить, беседовать не о чем. Но дар слова еще не утрачен. И вот нижегородский купец Алябьев — «Торговля пенькой, лубком, рогожей» — развлекает скучающих соседей, именуя игру в шашки «баботия», дамку — «барерина», нужник — «вытри козе», т. е. ватерклозет. Или брал две строки старинной «частушки»:

Мела баба сени,
Потеряла веник —

и прилаживал к ним собственные измышления:

Чорт веник нашел —
В баню париться пошел,
В бане мылась барыня,
Пудовые титьки...

дальнейшее — неописуемо. Но было жутко смотреть, когда этот большой толстый человек, с маленькой головкой подростка, с желтым опухшим личиком скопца, с жиденькими усиками кота, зеленоглазый, мелкозубый, точно щука, впадал в ярость и, притоптывая тяжелыми ногами, дергая руками подол лисьей шубы, жирно всхрапывал и сипел:

Пароходы — моровозы
Гыр-гыр, гар-гар,
Гадят Волгу, портят воду,
Дым-дым, пар-пар.
Возят курв, халд, шлюх,
Возят всякую стерву,
Губят окуня, стерлядь,
Эх, чох, чих, чух...

Хотя купечество за спиною Алябьева посмеивалось над ним,— «паяц, кловун»,— но к «творческим» его припадкам относилось весьма серьезно, чувствуя в них некий смысл, и очень побаивалось игры буйного его языка. «Мужик — вещий, понимает, чего нам не понять»,— говорил о нем Павел Морозов, торговец канатом и веревкой, увлекавшийся «от скуки жизни» тем, что портил слова, переставляя в них слога: вместо «не хочу» он говорил: «не чухо», сахар называл «харса», калач — «лачка» и т. д. Но когда приказчик его Попов, прославленный обжора, назвал праздник «грязник», Морозов дал ему пощечину: «Не передразнивай, дурак, хозяина!»

Новые слова купечество и мещанство по малограмотности своей выдумывало с трудом и незатейливо. Когда уральские заводы Яковлева унаследовал Стенбок-Фермор, гостинодворцы не могли правильно выговорить эту фамилию и произносили: Столбок-морковь. Словесным хламом обильно снабжали купцов и мещан паразиты: странники по святым местам, блаженные дурачки, юроды типа Якова Корейши, «студента холодных вод», который говорил таким языком: «Не цацы, а бенды кололацы». Огромную роль в деле порчи и засорения языка играл и продолжает играть тот факт, что мы стараемся говорить в Тифлисе фонетически применительно к языку грузин, в Казани — татар, во Владивостоке — китайцев и т. д. Это чисто механическое подражание, одинаково вредное для тех, кому подражают, и тех, кто подражает, давно стало чем-то вроде «традиции», а некоторые традиции есть не что иное, как мозоли мозга, уродующие его познавательную работу. Есть у нас «одесский язык», и не так давно раздавались легкомысленные голоса в защиту его «права гражданства», но первый начал защищать право говорить «тудою», «сюдою» — еще до Октябрьской революции — сионист Жаботинский.

В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры пред нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится одна из главнейших задач нашей советской литературы. Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему разви-

тию которого Тургенев умолял Льва Толстого. Не надо забывать, что наша страна разноязычна неизмеримо более, чем любая из стран Европы, и что, разноязычная по языкам, она должна быть идеологически единой...

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, толченный в ступке или протертый сквозь терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; буза — опьяняющий напиток; волынка — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе; ять, как известно,— буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надобно помнить, что в словах заключены понятия, организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слова, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его.

1934 Собрание сочинений, т. 27, стр. 164—170.

III.
РУССКИЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЯТЕЛИ О КРАСНОРЕЧИИ

В разделе помещены советы П. С. Пороховщикова и А. Ф. Кони судебному оратору.

«Искусство судебного оратора» — отрывки из книги Пороховщикова «Искусство речи на суде», вышедшей в 1910 г. под псевдонимом П. Сергеич. Подзаголовки представляют собой названия отдельных глав книги. Печатается по правилам современной орфографии.

«Красноречие судебное и политическое» — отрывок из статьи А. Ф. Кони «Приемы и задачи обвинения». «Советы лекторам» — работа Кони, впервые опубликованная в его «Избранных произведениях» (Госюриздат, 1956). По тексту этой книги печатается также и первый отрывок.

П. С. Пороховщиков

ИСКУССТВО СУДЕБНОГО ОРАТОРА [42]

ЧИСТОТА СЛОГА

В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? В том, чтобы ее поняли те, к кому она обращена. Поэтому можно сказать, что ясность есть первое необходимое условие хорошего слога. Эпикур учил: ...не ищите ничего, кроме ясности. Аристотель говорит: ...ясность — главное достоинство речи, ибо очевидно, что неясные слова не делают своего дела.

Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он. Бывает, что оратор почему-либо находит нужным высказаться неопределенно по тому или иному поводу, но ясность слога необходима в этом случае не менее, чем во всяком другом, чтобы сохранить именно ту степень освещения предмета, которая нужна говорящему, иначе слушатели могут понять больше или меньше того, что он хотел сказать. Красота и живость речи уместны не всегда; можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки? Но быть не вполне понятным в таких случаях — значит говорить на воздух.

Но мало сказать: нужна ясная речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать *без усилий*. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность. Поняв его, они пойдут дальше, но, поняв не вполне, попадут в тупик или забредут в сторону. «Нельзя рассчитывать на непрерывно чуткое внимание судьи,— говорит Квинтилиан,— нельзя надеяться, что он собственными силами рассеет туман речи, внесет свет своего разума в ее темноту; напротив того, оратору часто приходится отвлекать его от множества посторонних мыслей; для этого речь должна быть настолько ясной, чтобы проникать ему в душу помимо его воли, как солнце в глаза». ...Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья.

На пути к такому совершенству стоят два внешних условия: чистота и точность слога, и два внутренних: знание предмета и знание языка.

Точность, опрятность, говорил Пушкин, вот первые достоинства прозы; она требует мыслей и мыслей. Изящество, красота слога есть роскошь, дозволительная для тех, у кого она является сама собою; но в отношении чистоты своей речи оратор должен быть неумолим. К сожалению, надо сказать, что в речах большинства наших обвинителей и защитников больше сору, чем мыслей; о точности выражений они совсем не заботятся, скорее щеголяют их неряшливостью.

Первый недостаток их — это постоянное злоупотребление иностранными словами. Изредка раздаются жалобы и увещания бороться с этим, но их никто не слушает. Огромное большинство этих незваных гостей совсем не нужны нам потому, что есть русские слова того же значения, простые и точные: *фиктивный* — вымышленный, мнимый, *инициатор* — зачинщик, *инспирировать* — внушать, *доминирующий* — преобладающий, господствующий, *симуляция* — притворство и т. д. Мы слышим: *травма, прекарность, базировать, варьировать, интеллигенция, интеллигентность, интеллигентный, интеллигент*. Одно или два из этих четырех последних слов вошли в общее употребление с определенным смыслом, и нам, к сожалению, уже не отделаться от них, но зачем поощрять вторжение других? В течение немногих последних месяцев в петербургском суде вошло в обычай вместо: преступление наказуется, карается, говорить: преступление таксируется. Не знаю почему; мы не торгуем правосудием.

Во многих случаях для известного понятия у нас вместо одного иностранного есть несколько русских слов, и тем не менее все они вытесняются из употребления неуклюжими галлицизмами. Мы встречаем людей, которые по непонятной причине избегают говорить и писать слова: недостаток, пробел, упущение, исправление, поправка, дополнение; они говорят: надо внести *корректив* в этот *дефект;* вместо слов: расследование, опрос, дознание, им почему-то кажется лучше сказать: *анкета,* вместо наука — *дисциплина,* вместо связь, измена, прелюбодеяние — *адюльтер*. Хуже всего то, что эти безобразные иностранные слова приобретают понемногу в нашем представлении какое-то преимущество перед чистыми русскими словами: *детальный анализ и систематическая группировка материала* кажутся более ценной работой, чем подробный разбор и научное изложение предмета.

Можно ли говорить, что «прежняя судимость есть характеристика, так сказать, *досье* подсудимого»? Можно ли говорить: «*абзац* речи», «письменное заявление *адекватно* явке»,

«приговор *аннулирован»* и т. п.? Существуют два глагола, которые ежедневно повторяются в судебных залах,— это *мотивировать* и *фигурировать.* Нам заявляют с трибуны, что в письмах фигурировал яд или что мещанка Авдотья Далашкина мотивировала ревностью пощечину, данную ею Дарье Захрапкиной. Я слыхал, как блестящий обвинитель, говоря о нравственных последствиях растления девушки, сказал: «В ее жизни *встал* известный *ингредиент»*.

В современном языке, преимущественно газетном, встречаются ходячие иностранные слова, которые действительно трудно заменить русскими, напр.: абсентеизм, лояльность, скомпрометировать. Но, конечно, в тысячу раз лучше передать мысль в описательных выражениях, чем мириться с этими нестерпимыми для русского уха созвучиями. Зачем говорить: *инсинуация,* когда можно сказать: недостойный, оскорбительный или трусливый намек?

Не только в уездах, но и среди наших городских присяжных большинство незнакомо с иностранными языками. Я хотел бы знать, что отражается у них в мозгу, когда прокурор объясняет им, что подробности события *инсценизированы* подсудимым, а защитник, чтобы не остаться в долгу, возражает, что преступление *инсценировал* прокурор. Кто поверит, что на уездных сессиях перед мужиками и лавочниками раздается слово alibi? *

Иностранные фразы в судебной речи — такой же сор, как иностранные слова...

Другой обычный недостаток наших судебных речей составляют ненужные вставные слова. Один из наших обвинителей имеет привычку к паузам; в этом еще нет недостатка, но в каждую остановку он вставляет слово «хорошо». Это очень плохо. Молодой шорник обвинялся по 1-й ч. 1455-й ст. улож. В короткой и деловитой речи товарищ прокурора отказался от обвинения в умышленном убийстве и поддерживал обвинение по 2-й ч. 1455-й ст., указав присяжным на возможность признать убийство в драке. Но в речи были три паузы, и присяжные три раза слыхали: «Хорошо!» Невольно думалось: человека убили, что тут хорошего? Другой обвинитель ежеминутно повторяет «так сказать». Отличительная черта этого оратора — ясность мышления и смелая точность, иной раз даже грубость языка, а он кается в неумении определенно выражаться.

* Алиби — доказательство невиновности, основанное на утверждении, что обвиняемый не мог участвовать в приписываемом ему преступлении, так как в момент совершения преступления находился в другом месте.— *Ред.*

Если оратор знает, что выражаемая им мысль должна показаться справедливой, он может с некоторым лицемерием начать словами: я не уверен, не кажется ли вам и т. п. Это хороший риторический прием. Нельзя возражать и против таких оборотов, как: нет сомнения, нам всем ясно, и пр.,— если только не злоупотреблять ими; в них есть доля невинного внушения. Но, если говорящий сам считает свой вывод не совсем твердым, вступительные слова вроде: мне кажется, мне думается, могут только повредить ему. Когда обвинитель или защитник заявляет присяжным: «Я не знаю, какое впечатление произвело на вас заключение эксперта, но вы, вероятно, признаете и т. д.», хочется сказать: не знаешь, так и не говори.

Многие наши ораторы, закончив определенный период, не могут перейти к следующему иначе, как томительными, невыносимыми словами: *и вот*. Прислушайтесь к созвучию гласных в этом выражении, читатель. И это глупое выражение повторяется почти в каждом процессе с обеих сторон: «И вот, поддельный документ пускается в обращение...», «И вот, у следственной власти возникает подозрение...» и т. д.

Неправильное ударение так же оскорбительно для слуха, как неупотребительное или искаженное слово. У нас говорят: возбу́дил, переве́ден, а́лкоголь, астро́ном, злоба́, де́ньгами, уме́ньшить, ходата́йствовать, при́говор вместо пригово́р. Произнесение этого последнего слова подчиняется какому-то непонятному закону: образованные люди в обществе, воспитанницы женских учебных заведений и члены сидячей магистратуры произносят: пригово́р; так же говорят подсудимые, т. е. необразованные люди, знающие звуковые законы языка по чутью; чины прокуратуры, присяжные поверенные и их помощники, секретари судебных мест и кандидаты на судебные должности произносят: при́говор. Я спросил трех воспитанников из старших классов реального училища, и каждый порознь сказал: при́говор. Различие это тем менее понятно, что никаких сомнений о правильном произношении этого слова нет.

БОГАТСТВО СЛОВ

Чтобы хорошо говорить, надо хорошо знать свой язык; богатство слов есть необходимое условие хорошего слога. Строго говоря, образованный человек должен свободно пользоваться всеми современными словами своего языка, за исключением специальных научных или технических терминов. Можно быть образованным человеком, не зная кристаллографии или высшей математики, нельзя — не зная психологии, истории, анатомии и родной литературы.

Проверьте себя: отделите *известные* вам слова от *привычных,* т. е. таких, которые вы не только знаете, но и употребляете в письмах или в разговоре,— вы поразитесь своей бедностью. Мы большей частью слишком небрежны к словам в разговоре и слишком заботимся о них на кафедре. Это коренная ошибка. Старательный подбор слов на трибуне выдает искусственность речи, когда нужна ее непосредственность. Напротив, в обыкновенном разговоре изысканный слог выражает уважение к самому себе и внимание к собеседнику. В своей тонко написанной небольшой книжке «L'Art de Plaider» * бельгийский адвокат De Baets говорит: «Когда вы приучите себя обозначать каждую вещь тем самым словом, которое на вашем языке в точности передает ее сущность, вы увидите, с какою легкостью тысячи слов будут являться в ваше распоряжение, коль скоро в уме вашем возникло соответствующее представление. Тогда в ваших словах не будет тех несообразностей, которые в ежедневных речах наших ораторов так раздражают чуткого слушателя». У великих писателей каждое отдельное слово бывает выбрано сознательно, с определенною целью; каждый отдельный оборот нарочито создан для данной мысли; это подтверждается их черновыми рукописями. Если бы в первоначальном наброске о смерти Ленского Пушкин написал:

Угас огонь на алтаре,

я думаю, что, перечитав рукопись, он заменил бы слово *угас* словом *потух;* а если бы в стихотворении «Я вас любил» было первоначально сказано:

...любовь еще быть может
В душе моей *потухла* не совсем,

Пушкин, несомненно, вычеркнул бы это слово и написал бы: *угасла* не совсем.

У нас многие не прочь похвалиться тем, что не любят стихов. Если бы спросить, много ли стихов они читали, то окажется, что они не равнодушны к поэзии, а просто незнакомы с нею. Спросите собеседника, кто убил Ромео или отчего закололся Гамлет. Если он давно не был в опере, он простодушно ответит: не помню. Откройте наудачу Пушкина и прочтите вслух первый попавшийся стих в кружке знакомых, немногие узнают и скажут все стихотворение. Мы, однако, обязаны знать Пушкина наизусть; любим мы поэзию или нет, это все равно; обязаны для того, чтобы знать родной язык во всем его изобилии.

---

* Эта книга есть в русском переводе [43].— *Прим. авт.*

Если писатель или оратор подбирает несколько прилагательных к одному существительному, если он часто поясняет отдельные слова дополнительными предложениями или ставит рядом несколько синонимов без постепенного усиления мысли — это плохие признаки. А если он «скажет слово — рублем подарит», ему можно позавидовать. В речи по делу Плотициных Спасович сказал: «Не нам, людям XIX века, *пятиться* в средние века». Червонец отдать не жаль за такое слово, как за пушкинский стих.

Старайтесь богатеть ежедневно. Услыхав в разговоре или прочтя непривычное вам русское слово, запишите его себе в память и торопитесь освоиться с ним. Ищите в простонародной речи. Живя в городе, мы не знаем ее; живя в деревне, не прислушиваемся к ней, но мы не можем не чувствовать ее выразительности и красоты. Пьяница и вор нанялся к молодому крестьянину в работники, прослужил месяц и скрылся, украв 140 рублей. Обокраденный хозяин показывает: «Такой был задушевный старичок, такой *трудник;* мы думали, этот старичок умрет, от нас не уйдет». Председатель спрашивает свидетеля крестьянина: «Светло было?» Тот отвечает: «Не шибко светло, *затучивало»*. Вот как можно говорить. Здесь и неверное слово не засоряет, а украшает речь.

Сколько любви к природе в народных названиях месяца: новичок и ветошок! Сколько свежего юмора в слове «завеялся»! Такие выражения оживляют речь и вместе с тем придают ей непринужденный и добродушный оттенок. Вообще говоря, народный язык превосходит наш и простотой и частыми образами; но, черпая в нем, мы, конечно, обязаны руководствоваться чувством изящного. Если вам не приходится говорить с крестьянами, читайте басни Крылова.

Одним из признаков хорошего слога бывает правильное употребление синонимов. Не все равно сказать: *жалость, сострадание* или *милосердие; обмануть, обольстить* или *провести; удивиться, изумиться* или *поразиться.* Кто владеет своим языком, тот бессознательно выбирает в каждом случае наиболее подходящее из слов однородного значения. Девочка 13 лет показала мне свое классное сочинение; она описывала свое первое свидание с незнакомой родственницей. В тексте встречались слова: старуха, старушка, старушонка; тетка, тетушка, тетя. Я похвалил девочку за то, что в каждом отдельном случае она поместила именно то из каждых трех слов, которое соответствовало смыслу фразы. А я этого не замечала, сказала она. Существуют слова: змей, змея — выразительные, звучные слова; казалось бы, их нечего заменять. Однако Андреевский говорит: «Вот когда этот нож, как *змий,* проскользнул в его руку». Необычайная форма слова придает

ему тройную силу. В устах неразвитого или небрежного человека синонимы, напротив того, служат к затемнению его мыслей. Этот недостаток часто встречается у нас наряду с пристрастием к галлицизмам; русское слово употребляется рядом с иностранным синонимом, причем чужестранец получает первое место. Вот два отрывка из речи ученого юриста в Государственной думе: «Наказание, которое *фиксируется, намечается* судом...», «Общество, в отличие от отдельного человека, обладает гораздо большим материальным достатком, а потому и может себе позволить роскошь *гуманности* и *человечности*». В законе разумно сказано: «в запальчивости *или* раздражении»; мы, законники, все, без исключения, далеко не разумно говорим: «в запальчивости *и* раздражении».

ЗНАНИЕ ПРЕДМЕТА

Человеческая речь была бы совершенной, если бы могла передавать мысль с такою же точностью, как зеркало отражает световые лучи. Но это идеальное совершенство, недостижимое и ненужное. Предмет, слабо освещенный, представляется на зеркальной поверхности в таком же неясном виде; вещь, освещенная ярко, и в зеркале отразится в смутных очертаниях. То же можно сказать о человеческом языке: мысль, вполне сложившаяся в мозгу, легко находит себе точное выражение в словах; неопределенность выражений обыкновенно бывает признаком неясного мышления.

Мне попался где-то один из афоризмов Гладстона: старайтесь вполне переварить предмет и освоиться с ним; это подскажет вам нужные выражения во время произнесения речи...

Только точное знание дает точность выражения. Послушайте, как говорит крестьянин о сельских работах, рыбак — о море, ваятель — о мраморе; пусть будут это невежды во всякой другой области, но о своей работе каждый будет говорить определенно и понятно. Наши ораторы постоянно смешивают страховую премию со страховым вознаграждением, кровотечение с кровоизлиянием и не всегда различают зачинщика от подстрекателя или крайнюю необходимость от необходимой обороны. При такой путанице в их словах может ли быть ясно в голове присяжных?

СОРНЫЕ МЫСЛИ

Сорные мысли несравненно хуже сорных слов. Расплывчатые выражения, вставные предложения, ненужные синонимы составляют большой недостаток, но с этим легче примириться, чем с нагромождением ненужных мыслей, с рассуждениями о пустяках или о вещах, для каждого понятных. Подсудимый обвиняется по 9-й и 2-й ч. 1455-й ст. ул. о нак. и признает себя виновным именно в покушении на убийство в состоянии раздражения. Оратор спрашивает: что такое убийство, что такое покушение на убийство, и объясняет это самым подробным образом, перечисляя признаки соответствующих статей закона. Он говорит безупречно, но разве это не пустословие? Ведь при самом блестящем таланте он не в состоянии сказать присяжным ничего нового...

Так называемое remplissage, т. е. заполнение пустых мест ненужными словами, составляет извинительный и иногда неизбежный недостаток в стихосложении, но оно недопустимо в деловой судебной речи. Можно возразить, что слишком сжатое изложение затруднительно для непривычных слушателей и мысли, лишние сами по себе, бывают полезны для того, чтобы дать отдых их вниманию. Но это неверное соображение: во-первых, сознание, что оратор способен говорить ненужные вещи, уменьшает внимание слушателей к другим частям речи, и, во-вторых, отдых вниманию присяжных следует давать не бесцельными рассуждениями, а повторением существенных доводов в новых риторических оборотах.

Речь должна быть коротка и содержательна...

ПРОСТОТА И СИЛА

Высшее изящество слога заключается в простоте... но совершенство простоты дается нелегко. О вещах обыкновенных мы, естественно, говорим обыкновенными словами, но под художественною простотою слога следует разуметь умение говорить легко и просто о вещах возвышенных и сложных...

Послушаем, как говорят у нас.

Талантливый обвинитель негодует против распущенности нравов, когда «кулаку предоставлена свобода разбития физиономий», его товарищ хочет сказать: покойная пила, и говорит: «Она проводила время за тем ужасным напитком, который составляет бич человечества». Защитник хочет объяснить, что подсудимый не успел вывести тележку со двора, а потому нельзя судить о том, хотел ли он украсть ее или имел другие намерения; казалось бы, так и надо сказать, но

он говорит: «Тележка, не вывезенная еще со двора, находилась в такой стадии, что мы не можем составить определенного суждения о характере умысла подсудимого».

Надо говорить просто. Можно сказать: Каин с обдуманным заранее намерением лишил жизни своего родного брата Авеля,— так пишется в наших обвинительных актах; или: Каин обагрил руки неповинною кровью своего брата Авеля,— так говорят у нас многие на трибуне; или: Каин убил Авеля,— это лучше всего, но так у нас на суде почти не говорят. Слушая наших ораторов, можно подумать, что они сознательно изощряются говорить не просто и кратко, а длинно и непонятно. Простое, сильное слово «убил» смущает их. «Он убил из мести»,— говорит оратор и тут же, точно встревоженный ясностью выраженной им мысли, спешит прибавить: «Он присвоил себе функции (это было сказано, читатель!), которых не имел». И это не случайность. На следующий день новый оратор с той же кафедры говорил то же самое: «Сказано: *не убий!* Сказано: нельзя такими *произвольными действиями нарушать порядок* организованного общества».

Полицейский пристав давал суду показание о первоначальных розысках по убийству инженера Федорова; в дознании были некоторые намеки на то, что он был убит за неплатеж денег рабочим. Свидетель не умел выразить этого просто и сказал: «Предполагалось, что убийство произошло на политико-экономической почве». Первый из говоривших ораторов обязан был заменить это нелепое выражение простыми и определенными словами. Но никто об этом не подумал. Прокурор и шестеро защитников один за другим повторяли: «Убийство произошло на политико-экономической почве». Хотелось крикнуть: «На мостовой!»

Но что может быть изящного и выразительного в простых словах? — Судите.

В стихотворении «19 Октября 1836 г.» Пушкин говорил:

Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим.

Что может быть проще этих слов и прекраснее мысли? Или устами Дон-Жуана:

Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже *на жизнь*
Я осужден.

Попробуйте сказать проще — не пытайтесь сказать сильнее.

Оратору надо изобразить в высшей степени бесстрастного человека. Спасович говорит: «Он — как дерево, как лед».

Слова бесцветные, а выражение выходит удивительно яркое. Кр(естьянин) Царицын обвинялся в убийстве с целью ограбления; другие подсудимые утверждали, что он был только укрывателем преступления. Его защитник, молодой человек, сказал: «Обвинитель предполагает, что они делают это по взаимному уговору; я вполне согласен с ним: у них *сговорилась совесть»*. Слова обыкновенные — выражение своеобразное и убедительное.

Слово — великая сила, но надо заметить, что это союзник, всегда готовый стать предателем. Недавно в заседании Государственной думы представитель одной политической партии торжественно заявил: «Фракция нашего союза будет *настойчиво ждать* снятия исключительных положений». Не многого дождется страна от такой настойчивости.

Но как научиться этой изящной простоте? Я заметил у некоторых судебных ораторов один очень выгодный прием: они вставляют отдельные отрывки из будущей речи в свои случайные разговоры. Это дает тройной результат: a) логическую проверку мыслей оратора, b) приспособление их к нравственному сознанию обывателя, следовательно, и присяжных и c) естественную передачу их тоном и словами на трибуне. Последнее объясняется тем, что в обыденной беседе мы без труда и незаметно для себя достигаем того, что так трудно для многих на суде, т. е. говорим искренне и просто. Высказав несколько раз одну и ту же мысль перед собеседником, оратор привыкает к ясному ее выражению простыми словами и усваивает подходящий естественный тон. Нетрудно убедиться, что этот прием полезен не только для слога, но и для содержания будущей речи: оратор может обогатиться замечаниями своего собеседника.

На трибуне нельзя думать о словах, они должны сами являться в нужном порядке... Если сорвалось неудачное выражение, то при спокойном изложении следует прервать себя и просто указать на ошибку: нет, это не то, что я хотел сказать,— это слово неверно передает мою мысль и т. п. Оратор ничего не потеряет от случайной обмолвки, напротив, остановка задержит внимание слушателей. Но при быстрой речи в патетических местах останавливаться и поправляться нельзя. Слушатели должны видеть, что оратор увлечен вихрем своих мыслей и не может следить за отдельными выражениями...

Квинтилиан говорит: «Всякая мысль сама дает те слова, в которых она лучше всего выражается; эти слова имеют свою естественную красоту, а мы ищем их, как будто они скрываются от нас, убегают; мы все не верим, что они уже перед нами, ищем их направо и налево, а найдя, извращаем

их смысл. Красноречие требует большей смелости; сильная речь не нуждается в белилах и румянах. Слишком старательные поиски за словами часто портят всю речь. Лучшие слова — это те, которые являются сами собою; они кажутся подсказанными самою правдою; слова, выдающие старание оратора, представляются неестественными, искусственно подобранными; они не нравятся слушателям и внушают им недоверие — сорная трава, заглушающая добрые семена».

«В своем пристрастии к словам мы всячески обходим то, что можно сказать прямо, повторяем то, что достаточно высказать один раз; то, что ясно выражается одним словом, загромождаем множеством и часто предпочитаем неопределенные намеки открытой речи... Короче сказать, чем труднее слушателям понимать нас, тем более мы восхищаемся своим умом»...

О БЛАГОЗВУЧИИ

Остерегайтесь говорить ручейком: вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа. Чтобы избежать утомительного однообразия, надо составить речь в таком порядке, чтобы каждый переход от одного раздела к другому требовал перемены интонации.

В своей превосходной книге «Hints on Advocacy» английский адвокат Р. Гаррис называет модуляцию голоса... самой прекрасной из всех прелестей красноречия. Это музыка речи, говорит он; о ней мало заботятся в суде, да и где бы то ни было, кроме сцены, но это неоценимое преимущество для оратора, и его следовало бы развивать в себе с величайшим прилежанием.

Неверно взятый тон может погубить целую речь или испортить ее отдельные части. Помните вы этот бесподобный отрывок: «Тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается... Вот уже дыму столько, что его тянет наружу; потянулись струйки через оконные щели на воздух, стали бродить над двором фабрики, потянулись за ветром на соседний двор...» Самые слова указывают и силу голоса, и тон, и меру времени. Как вы прочтете это? Так же, как «Осада! Приступ! злые волны, как воры, лезут в окна...», как «Полтавский бой», или так, как «Простишь ли мне ревнивые мечты»? Не думаю, чтобы это удалось вам. А нашим ораторам удается вполне; сейчас увидите.

Прочитайте следующие слова, подумайте минуту и повторите их вслух:

«Любовь не только верит, любовь верит слепо; любовь будет обманывать себя, когда уже верить нельзя...»

А теперь, догадайтесь, как были произнесены эти слова защитником. Угадать нельзя, и я скажу вам: *громовым голосом.*

Обвинитель напомнил присяжным последние слова раненого юноши: «Что я ему сделал? За что он меня убил?» Он сказал это *скороговоркой.* Надо было сказать так, чтобы присяжные слышали *умирающего.*

По замечанию Гарриса, лучшая обстановка для упражнения голоса — пустая комната. Это, действительно, приучает к громкой и уверенной речи. С своей стороны, я напомню то, о чем уже говорил: повторяйте заранее обдуманные отрывки речи в случайных разговорах, это будет незаметно наводить вас на верную интонацию голоса. А затем — учитесь читать вслух. А. Я. Пассовер говорил мне, что «Евгений Онегин» делается откровением, когда его читает С. А. Андреевский. Подумайте, что это значит, и попытайтесь прочесть несколько строф так, чтобы хоть кому-нибудь они показались откровением...

Истинно художественная речь состоит в совершенной гармонии душевного состояния оратора с внешним выражением этого состояния; в уме и в сердце говорящего есть известные мысли, известные чувства; если они передаются точно и притом не только в словах, но во всей внешности говорящего, в его голосе и движениях, он говорит, как оратор.

О НРАВСТВЕННОЙ СВОБОДЕ ОРАТОРА

Всякий искусственный прием заключает в себе некоторую долю лжи: пользование дополнительными цветами в живописи, несоразмерность частей в архитектуре и скульптуре применительно к расположению здания или статуи, риторические фигуры в словесности, демонстрация на войне, жертва ферзем в шахматах — все это есть до некоторой степени обман. В красноречии, как во всяком практическом искусстве, технические приемы часто переходят в настоящую ложь, еще чаще — в лесть или лицемерие. Здесь нелегко провести границу между безнравственным и дозволенным. Всякий оратор, заведомо преувеличивающий силу известного довода, поступает нечестно — это вне сомнения; столь же ясно, что тот, кто старается риторическими оборотами усилить убедительность приведенного им соображения, делает то, чтó должен делать. Здесь отличие указать нетрудно: первый лжет, второй говорит правду, но первый может быть и вполне добросовестным, а доводы его все-таки преувеличенными...

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА И ИМПРОВИЗАЦИЯ

Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке...

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику.

У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в вашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что крылатый конь может изменить.

Люди знающие и требовательные и в древности и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский — это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого, и эти части соединены между собою в общее *неуязвимое* целое. Вы должны достигнуть этой неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга.

Говорят, дело может совершенно измениться на суде, и написанная речь окажется непригодной от начала до конца; тот, кто все заучил в известном порядке, не сумеет справиться с изменившимися обстоятельствами; чем сильнее казались доводы и ярче образы, тем труднее будет освободиться от них; навязчивая память отвлекает внимание, и работа мозга над новыми фактами становится невозможной; наоборот, тот, кто не связан, не скован в тисках заранее написанной речи, а привык говорить под непосредственным впечатлением судебного следствия,— тот может только выиграть от неожиданностей; каждая из них будет новой искрой в свободной игре его ума и воображения.

Не могу не признать, что мне приходилось слышать такие суждения от людей, имеющих не менее веский голос в нашем искусстве, чем Спасович или Андреевский... Обстоятельства дела, конечно, могут измениться на судебном

следствии, но исключительные случаи не должны служить основанием общих правил...

Из того, что речь должна быть написана в законченной форме, не следует, что она должна быть произнесена наизусть. В Риме, в эпоху цезарей, сами судьи требовали изысканных тонкостей от ораторов, и практик Квинтилиан, как мы видели, предостерегает от увлечения этой искусственностью. У нас же так мало привыкли к изящной речи, что безупречная красота ее была бы скорее недостатком, чем достоинством на трибуне, особенно вначале. Если вступительные фразы не слишком удачны по построению, если в них слышится неуверенность оратора, у слушателей слагается представление, что речь не подготовлена; вследствие этого следующие разделы речи, хотя они написаны и тщательно разработаны заранее, также кажутся созданными под непосредственным впечатлением судебного заседания. Переход от подкупающих неровностей к опасному изяществу слога объясняется благоприятным образом: талант свое взял; понятное и естественное смущение перед слушателями уступило место спокойной уверенности в своей правоте, и речь свободна и красива не потому, что оратор перестал, а потому, что он начал говорить своим обычным языком. Если в средине речи у слушателей и явится смутное сознание уловки, оно не опасно для оратора: они уже в его власти. У нас делается как раз наоборот: оратор заучивает наизусть начало речи и заключительные слова, а остальное вверяет своему таланту. Вступление произносится с торжественною самоуверенностью, почти всегда изложено деланным, книжным языком. Впечатление присяжных: зазубрил. За этим следует существо речи, в нем все недостатки и ни одного достоинства импровизации. Присяжные в недоумении, которое продолжается в течение всей речи, до неожиданно щеголеватого заключения. Дрянные книги обыкновенно продаются в красивых переплетах или ярких обложках; любимых писателей мы переплетаем в темный сафьян...

Живой голос оратора раздается среди *живой аудитории...*

Опытный оратор заранее знает мысли и настроение своих слушателей; он ведет свою речь в осмотрительном соответствии с этим настроением; он крайне сдержан до той минуты, пока не почувствует, что овладел ими и подчинил их себе. Но, как только явилось у него это сознание, он уже распоряжается их чувствами, как хочет, и без труда вызывает вокруг себя то настроение, которое ему в данную минуту нужно. Он то нагревает, то охлаждает воздух; его семена падают на почву не только с искусственным орошением, но и с искусственной теплотой. Мудрено ли, что и посев всхо-

дит с волшебной пышностью и быстротою. Повторяю, вы не случайно затронули здесь одного из многих слушателей ваших, вы с сознательным расчетом увлекаете за собою всю залу; вы заражаете их своим чувством, они заражают друг друга; все они: зрители, судьи, присяжные — сливаются в единую живую лиру, струны которой звенят в ответ на каждый ваш удар...

О ВНИМАНИИ СЛУШАТЕЛЕЙ

Мы уже знаем, что в деловой речи не бывает лишнего. Следовательно, необходимо, чтобы все сказанное обвинителем или защитником было воспринято слушателями, другими словами, необходимо непрерывное их внимание. Во время судебного следствия оно поддерживается постоянною сменою впечатлений, но во время прений, хотя бывают приняты все меры к тому, чтобы ничто не развлекало присяжных, ничто и никто, кроме самого оратора, уже не может способствовать их вниманию. Поэтому оратор должен уметь возбуждать и поддерживать его искусственными приемами. Это одно из важнейших условий успеха, и по своей очевидности оно не требует особых пояснений. Я ограничусь немногими краткими указаниями.

Будьте только внимательны, читатель, и вы скажете, что *первый прием* применен в предыдущей строке; это — прямое требование внимания от слушателей.

Вы также скажете, что *второй прием,* столь же простой и естественный,— это, конечно... пауза.

Третий прием заключается в употреблении — и надо сказать, что это единственный случай, когда вообще может быть допустимо употребление,— вставных предложений.

Четвертый прием, как вы уже догадались, не правда ли, проницательный читатель? — это риторическая фигура apostrophe — обращение к слушателям с неожиданным вопросом.

Перейдем к *пятому приему,* после которого останутся еще только два; из них последний, седьмой,— самый интересный. Пятый прием есть очень завлекательный, но вместе с тем и... Впрочем, в настоящую минуту мне кажется удобнее обратиться к *шестому приему,* не менее полезному и, пожалуй, сходному с ним в своем основании; шестой прием основан на одной из наиболее распространенных и чувствительных слабостей человека; нет сомнения, что, задумавшись, хотя бы на секунду, всякий мало-мальски сообразительный человек сам укажет его; я даже не знаю, стоит ли прямо называть эту уловку, когда читатель уже издалека заметил, что сочи-

нитель просто старается затянуть изложение и поддразнить его любопытство, чтобы обеспечить себе его внимание.

Возвращаясь теперь к пятому приему, мы можем сказать, что внимание слушателей получает толчок, когда оратор неожиданно для них прерывает начатую мысль,— и новый толчок, когда, поговорив о другом, возвращается к недоговоренному ранее.

Седьмой прием, как видели читатели, заключается в том, чтобы заранее намекнуть на то, о чем предстоит говорить впоследствии...

Не торопитесь начинать речь. Получив слово, не застегивайтесь, не расстегивайтесь, не кашляйте, не пейте воды; поднявшись со стула, помолчите в течение нескольких секунд. Последнее необходимо, ибо, как известно, сторож сейчас будет стараться бесшумно пронести стакан воды к столу защитника и ваши слова пропадут в грохоте его сапожищ. Помолчав, начните с нескольких незначительных слов, чтобы взять естественный тон, а затем, избегая общих вступлений, идите прямо к делу. Если вступление необходимо, постарайтесь, чтобы оно было как можно короче и проще...

Прежде чем говорить на суде, скажите вашу речь во вполне законченном виде перед «потешными» присяжными. Нет нужды, чтобы их было непременно двенадцать; довольно трех, даже двух, но важен выбор: посадите перед собою вашу матушку, брата-гимназистика, няню или кухарку, денщика или дворника. Сказать речь перед такими судьями необыкновенно трудно. Если вы этого не испытали, то и представить себе не можете, как это мудрено. Такое упражнение, пожалуй, покажется вам смешным; испытайте и вы оцените его пользу. Если ваша речь окажется хороша, т. е. будет понятна и убедительна, перед «потешными», то и настоящие присяжные будут в вашей власти.

«Искусство речи на суде», стр 11—16, 20—23, 24—25, 26—27, 33—38, 44—46, 293—294, 351—353, 354—355, 360—361 366—367, 369, 389.

А. Ф. Кони

КРАСНОРЕЧИЕ СУДЕБНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ

...Не могу не припомнить беседы с воспитанниками выпускного класса училища правоведения после одной из моих лекций по уголовному процессу в конце семидесятых годов. Они спрашивали меня, что им, готовящимся к судебной деятельности, нужно делать, чтобы стать красноречивыми. Я отвечал им, что если под красноречием разуметь дар слова, волнующий и увлекающий слушателя красотою формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатом воспитательных влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний. Дар красноречия, по мнению Бисмарка, который хотя и не был красноречив сам, но умел ценить и испытывать на себе красноречие других, имеет в себе увлекающую силу, подобно музыке и импровизации. «В каждом ораторе,— говорил он,— который действует красноречием на своих слушателей, заключается поэт, и только тогда, когда он награжден этим даром и когда, подобно импровизатору, он властно повелевает своему языку и своим мыслям, он овладевает теми, кто его слушает». Поэтому невозможно преподать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым, иное дело уметь говорить публично, то есть быть оратором. Это умение достигается выполнением ряда требований, лишь при наличности которых можно его достигнуть. Этих требований или условий, по моим наблюдениям и личному опыту, три: нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами, причем, конечно, к этому знанию относится и знакомство с сокровищами родной литературы. По поводу требования знания языка я ныне должен заметить, что приходилось слышать мнение, разделяемое многими, что это дело таланта: можно знать язык и не уметь владеть им. Но это неверно. Под знанием языка надо разуметь не богатство

Гарпагона или Скупого рыцаря [44], объятое «сном силы и покоя» на дне запертых сундуков, а свободно и широко тратимые, обильные и даже неисчерпаемые средства. «Когда мы прониклись идеею, когда ум хорошо овладел своею мыслью,— говорит Вольтер,— она выходит из головы вполне вооруженною подходящими выражениями, облеченными в подходящие слова, как Минерва, вышедшая вся вооруженная из головы Юпитера». В записках братьев Гонкур приводятся знаменательные слова Теофиля Готье: «Я бросаю мои фразы на воздух, как кошек, и уверен, что они упадут на ноги... Это очень просто, если знать законы своего языка». У нас в последнее время происходит какая-то ожесточенная порча языка, и трогательный завет Тургенева о бережливом отношении к родному языку забывается до очевидности: в язык вносятся новые слова, противоречащие его духу, оскорбляющие слух и вкус и притом по большей части вовсе ненужные, ибо в сокровищнице нашего языка уже есть слова для выражения того, чему дерзостно думают служить эти новшества. Рядом с этим протискиваются в наш язык иностранные слова взамен русских, и, наконец, употребляются такие соединения слов, которые, по образному выражению Гонкура, «hurlent de se trouver ensemble» *. *Неточностью* слога страдают речи большинства судебных ораторов. У нас постоянно говорят, например, «*внешняя* форма» и даже — horribile dictu ** — «для проформы». При привычной небрежности речи нечего и ждать правильного расположения слов, а между тем это было бы невозможно, если бы оценивался вес каждого слова и взаимоотношения с другими. Недавно в газетах было напечатано объявление: «актеры-собаки» вместо «собаки-актеры». Стоит переставить слова в народном выражении «кровь с молоком» и сказать «молоко с кровью», чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного на свое место. Наконец, сказал я, нужно *не лгать*. Человек лжет в жизни вообще часто, а в нашей русской жизни и очень часто, трояким образом: он говорит не то, что думает,— это ложь по отношению к другим; он думает не то, что чувствует,— это ложь самому себе, и, наконец, он впадает в ложь, так сказать, в квадрате: говорит не то, что думает, а думает не то, что чувствует. Присутствие каждого из этих видов лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимает у публичной речи ее силу и убедительность. Поэтому искренность по отношению к чувству и к делаемому выводу или утверждаемому положению должна составлять необходимую принадлежность хорошей,

---

* Рычат, оказавшись вместе.— *Ред.*

** Страшно сказать.— *Ред.*

то есть претендующей на влияние речи. Изустное слово всегда плодотворнее письменного: оно живит слушающего и говорящего. Но этой животворной силы оно лишается, когда оратор сам не верит тому, что говорит, и, утверждая, втайне сомневается или старается призвать себе на помощь вместо зрелой мысли громкие слова, лишенные в данном случае внутреннего содержания. Слушатель почти всегда в этих случаях невольно чувствует то, что говорит Фауст: wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein *. Вот почему лучше ничего не сказать, чем сказать ничего. «Поэтому, господа,— заключил я нашу беседу,— не гонитесь за красноречием. Тот, кому дан дар слова, ощутит его, быть может, внезапно, неожиданно для себя и без всяких приготовлений. Его нельзя приобрести, как нельзя испытать вдохновение, когда душа на него не способна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа — его язык. Пусть не мысль ваша ищет слова и в этих поисках теряет и утомляет слушателей, пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстоят перед вашею мыслью в полном ее распоряжении. Выступайте во всеоружии знания того, что относится к вашей специальности и на служение чему вы призваны, а затем — не лгите, то есть будьте искренни, и вы будете хорошо говорить, или, как гласит французская судебная поговорка: «Vous aurez l'oreille du tribunal» **. Теперь, после долгого житейского опыта, я прибавил бы к этим словам еще и указание на то, что ораторские приемы совсем неодинаковы для всех вообще публичных речей и что, например, судебному оратору и оратору политическому приходится действовать совершенно различно. Речи политического характера не могут служить образцами для судебного оратора, ибо политическое красноречие совсем не то, что красноречие судебное. Уместные и умные цитаты, хорошо продуманные примеры, тонкие и остроумные сравнения, стрелы иронии и даже подъем на высоту общечеловеческих начал далеко не всегда достигают своей цели на суде. В основании судебного красноречия лежит необходимость *доказывать и убеждать,* то есть, иными словами, необходимость склонять слушателей присоединиться к своему мнению. Но политический оратор немного достигнет, убеждая и доказывая. У него та же задача, как и у служителя искусств, хотя и в других формах. Он должен, по выражению Жорж Санд, «montrer et émouvoir» ***, то есть осветить известное явление всею силою

* Где не хватает понятий (идей), там своевременно их заменяют слова.— *Ред.*

** Вам будет принадлежать внимание (слух) суда.— *Ред.*

*** Показывать и волновать.— *Ред.*

своего слова и, умея уловить создающееся у большинства отношение к этому явлению, придать этому отношению действующее на чувство выражение. Число, количество, пространство и время, играющие такую роль в критической оценке улик и доказательств при разборе уголовного дела, только бесплодно отягощают речь политического оратора. Речь последнего должна представлять не мозаику, не тщательно и во всех подробностях выписанную картину, а резкие общие контуры и рембрандтовскую светотень. Ей надлежит связывать воедино чувства, возбуждаемые ярким образом, и давать им воплощение в легком по усвоению, полновесном по содержанию слове.

Искать указаний, *как* надо говорить, в руководствах по части красноречия по большей части совершенно бесполезно. У нас исследования о существе и приемах красноречия сводились, за исключением замечательного для своего времени труда Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. 1744 и 1748 гг.», до конца шестидесятых годов к повторению теоретических положений и примеров, почерпаемых преимущественно у Квинтилиана и Цицерона, причем почему-то забывалось превосходное «Рассуждение об ораторе» Тацита. Попыток к самостоятельной разработке вопроса о красноречии вследствие отсутствия нового, практического материала мы в литературе не встречаем. «Златослов или открытие риторской науки» 1798 года и «Детская риторика или благоразумный Вития» 1787 года не могут идти в сравнение с трудом Ломоносова, а «Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесные науки», изданная в 1797 году Григорием Глинкою, есть в сущности перевод сочинения Гальяра, лишь снабженный довольно ядовитыми замечаниями переводчика. Хотя Академия наук в самом начале девятнадцатого столетия «старалась сочинить логику, риторику и пиитику, яко главная основания словесных наук», но это старание разрешилось одними благими намерениями. Лишь в 1815 году впервые на русском языке появилась составленная Феофилактом Малиновским книга, посвященная «Основаниям красноречия». В следующем году тот же автор издал «Правила красноречия, в систематический порядок науки приведенные и Сократовым способом расположенные». Для знакомства с этим первым опытом теории красноречия достаточно привести следующий ответ автора на вопрос о том, *какое качество должна иметь речь, «удовлетворяющая потребности сердца»*. Вот он: «Сердце желает с готовою истиной войти в храм своего собственного удовольствия, почувствовав к ней какую-либо страсть, ибо единственная его

потребность чувствовать, без сего оно терзается скукою. Из сего следует, что прекрасная речь имеет связь с нашим сердцем; дело оратора открыть путь, которым описываемый предмет входит во внутренность оного. Тогда он, говоря с ним и приводя его в движение, побеждает самовластие и преклоняет волю его без сопротивления на свою сторону». Или вот как определяется *смешное,* как составная часть некоторых видов ораторской речи: «Как скоро душа наша чувствует ничтожное насилие естественного или разумного, состоящее в действиях, не сходных с законами природы или хорошего произвола, то она, будучи уверена внутренно в непременности и в непоколебимости их, предчувствуя, что зла для нее оттого не воспоследует, издевается над слабым усилием, ничтожность коего наполняет его веселостью и растворяет дух радостью, который влечет за собой физическое потрясение почти целого тела». В том же году в Москве в типографии Селивановского напечатана книга неизвестного автора: «Оратор или о трех главных совершенствах красноречия — ясности, важности и приятности», вся построенная на примерах из Цицерона. В ней заслуживает, однако, внимания указание на «выбор литер и слогов» для придания речи «важности», причем рассуждение о том, что литера приличествует материи печальной и страшной (terror, horror, horrendum) *, удивительным образом совпадает с объяснениями Эдгара По к его знаменитому стихотворению «Ворон». Дальнейший шаг был сделан Мерзляковым в его рассуждении 1824 года «Об истинных качествах поэта и оратора» и в речи профессора Петра Победоносцева «О существенных обязанностях Витии и о способах к приобретению успеха в красноречии», произнесенной на годовом акте Московского университета 3 июля 1831 года. Наконец, в 1844 году вышли «Правила высшего красноречия» Сперанского, представляющие систематический обзор теоретических правил о красноречии вообще, изложенных прекрасным языком, но совершенно лишенных практической поучительности за отсутствием примеров. Из всех этих сочинений, не считая даже неудобочитаемых упражнений в элоквенции [45] Малиновского, ничего или во всяком случае очень мало может извлечь судебный оратор.

Правила, оставленные Квинтилианом и Цицероном и выводимые исключительно из их речей, в значительной мере неприемлемы для современного оратора. Древний грек и древний римлянин выросли в общественных условиях, весьма отличных от тех, в которых развиваются современный европейский судебный оратор и его слушатели. И сами они и

* Страх, ужас, ужасное.— *Ред.*

слушатели принадлежали к другому этнографическому типу. Многое из того, что у этих ораторов выходило вполне естественным, показалось бы в настоящее время неискренней декламацией. Притом как судебный оратор Демосфен гораздо ниже Цицерона и в сущности в своих речах судебного характера едва ли стоит выше обыкновенного логографа. Он велик в защите погибавшего государственного строя против внешнего врага и внутреннего разложения. Речи его проникнуты альтруизмом, и слово его постоянно поднимается в область общих начал. Целям судебного красноречия гораздо более удовлетворяют речи Цицерона. Он ближе к делу, глубже в анализе мелочных фактов. Он более на земле, на практической почве, и в нем сильнее сказывается тот «esprit de combativité» *, который составляет необходимую принадлежность судебного оратора, стремящегося к успеху. Одним словом, в его ораторских приемах всегда слышится прежде всего обвинитель или защитник. Чудесный стилист и диалектик, он одинаково искусно впадает в пафос или предается иронии, или, наконец, ошеломляет противника яростными эпитетами. Достаточно вспомнить делаемые им, сыплющиеся как из рога изобилия различные характеристики в речах против Катилины: отравитель, разбойник, отцеубийца, фальсификатор, друг каждой проститутки, соблазнитель и убийца. Несомненно, однако, что большая часть этих приемов неприменима в современном суде.

Первым по времени трудом на русском языке, предназначенным для *судебных* ораторов, явилось «Руководство к судебной защите» знаменитого Миттермайера. Несмотря на общие похвалы, которыми встречено было это сочинение у нас, оно едва ли оказало услугу кому-либо из наших судебных ораторов. Исходя из мысли об учреждении в университетах особых кафедр «для преподавания руководства к словесным прениям», Миттермайер предлагает вниманию лиц, посвящающих себя уголовной защите, свой труд, чрезвычайно кропотливый, в значительной мере чисто теоретический и весьма несвободный от приемов канцелярского производства, несмотря на то что у автора везде предполагается защита перед судом присяжных заседателей. Масса параграфов (сто тридцать шесть), разделяющихся на пункты А, В, С, распадающиеся в свою очередь на отделы, обозначенные греческими буквами, производит при первом взгляде впечатление широкого захвата и глубокой мысли, а в действительности содержит в себе элементарные правила обмена мыслей, изложенные притом в самых общих выражениях. Среди этих

* Боевой дух.— *Ред.*

правил попадаются, впрочем, и практические советы, поражающие своею наивностью. Такова, например, рекомендация защитнику не утаивать от подсудимого (sic!) грозящего ему наказания, как будто обвиняемый и защитник находятся в отношениях больного к врачу, причем последний во избежание осложнения недуга своего пациента иногда скрывает от него его опасное состояние. Условиями судебного красноречия Миттермайер ставит наличность основательных доказательств, ясный способ изложения и очевидную добросовестность «в соединении с тем достоинством выражений, которое наиболее прилично случаю». Поэтому он советует говорить защитительную речь по заранее заготовленной записке, избегая: А) выражений плоских, Б) напыщенных, В) устарелых, Г) иностранных и Д) вообще всяких излишних нововведений, обращая при этом внимание на а) ударение, б) расстановки, в) различные тоны речи и г) телодвижения. Едва ли нужно говорить, что в таком определении красноречия оно, употребляя выражение Тургенева, «и не ночевало». Доказательства могут оказаться весьма основательными (например, alibi, поличное, собственное признание), ясная мысль может быть облечена в «приличные случаю» выражения и не покушаться извращать истину — и тем не менее от речи будет веять скукой. Нужна яркая форма, в которой сверкает пламень мысли и искренность чувства. Наиболее живой отдел труда Миттермайера — это говорящий об отношении защитника к доказательствам, но и он гораздо ниже по содержанию, чем прекрасные, но, к сожалению, составляющие библиографическую редкость книга нашего почтенного криминалиста Жиряева «Теория улик» или богатое опытом и до сих пор не устаревшее сочинение Уильза «Теория косвенных улик».

С тех пор в оценках речей русских судебных ораторов, в заметках самих ораторов и в наставлениях начинающим адвокатам в различных специальных брошюрах появлялись указания на приемы и методы того или другого оратора или на его собственные взгляды на свою профессию. Но, несмотря на ценность отдельных этюдов, все это или отрывочно или главным образом сведено к оценке и выяснению свойств таланта и личных приемов определенной личности. Лишь в самое последнее время появилось прекрасное систематическое по судебному красноречию сочинение П. С. Пороховщикова «Искусство речи на суде» (1910 года).

«Приемы и задачи обвинения». Избранные произведения, стр. 65—72.

СОВЕТЫ ЛЕКТОРАМ[46]

§ 1

Необходимо *готовиться* к лекции; собрать интересное и важное, относящееся к теме — прямо или косвенно, составить сжатый, по возможности полный план и пройти по нему несколько раз.

Еще лучше — написать речь и, тщательно отделав ее в стилистическом отношении, прочитать вслух.

Письменное изложение предстоящей речи очень полезно начинающим лекторам и не обладающим резко выраженной способностью к свободной и спокойной речи.

План должен быть *подвижным,* то есть таким, чтобы его можно было сокращать без нарушения целого.

§ 2

Следует одеться *просто* и *прилично.* В костюме не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это важно помнить, так как *психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появлгния лектора перед публикой.*

§ 3

Перед каждым выступлением следует *мысленно пробегать* план речи, так сказать, всякий раз приводить в порядок имеющийся материал. Когда лектор сознает, что хорошо помнит все то, о чем предстоит сказать, то это придает ему бодрость, внушает уверенность и успокаивает.

§ 4

Лектору, в особенности начинающему, очень мешает *боязнь* слушателей, страх от сознания, что речь окажется неудачной, то *тягостное состояние души,* которое хорошо знакомо каждому выступающему публично: адвокату, певцу, музыканту и т. д. Все это с практикой исчезает в значительной мере, хотя некоторое волнение, конечно, бывает всегда.

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. *Размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду* или, вернее,

результату подготовки. Невидимый ни для кого предварительный труд — основа уверенности лектора. Эта уверенность тотчас же *повысится* во время самой речи, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, производит впечатление и *знает* все, что еще осталось сказать.

Когда спросили Ньютона, как он открыл закон тяготения, великий математик ответил: «Я об этом много думал». Другой великий человек — Томас Альва Эдисон сказал, что в его изобретениях было 98 процентов «потения» и 2 процента «вдохновения».

Многим известно, во что обходился «перл создания» нашему Гоголю: до восьми переделок начальных редакций! Итак, страх лектора уменьшается подготовкой и практикой, то есть тем же трудом.

В уменьшении страха перед слушателями играют большую роль и те *счастливые минуты* успеха, которые нет-нет да и выпадают на долю не совсем плохого или только порядочного лектора.

§ 5

Начинать речь с обращения: «Товарищи». Можно построить начальную фразу и так, чтобы эти слова были в середине: «Сегодня, товарищи, вам предстоит...»

§ 6

Говорить следует громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, сила. Не должно быть учительского тона, противного и ненужного — взрослым, скучного — молодежи.

§ 7

Тон речи может повышаться (то, что в музыке crescendo), но *следует вообще менять тон* — повышать и понижать его в связи со смыслом и значением данной фразы и даже отдельные слова (логическое ударение). *Тон подчеркивает*. Иногда хорошо «упасть» в тоне: с высокого вдруг перейти на низкий, сделав паузу. Это «иногда» определяется местом в речи. Говоришь о Толстом,— и первая фраза об его «уходе» может быть сказана низким тоном; этим сразу подчеркивается величие момента в жизни нашего великого писателя. Точных указаний делать по этому вопросу нельзя: может под-

сказать чутье лектора, вдумчивость. Следует помнить о значении *пауз* между отдельными частями устной речи (то же, что абзац или красная строка в письменной). Речь не должна произноситься одним махом; она должна быть речью, *живым* словом.

§ 8

Жесты оживляют речь, но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т. п.) должны соответствовать смыслу и значению данной фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают.

§ 9

Не расхаживать по сцене, не делать однообразных движений, например покачиваний с ноги на ногу, приседать и т. п.

§ 10

Полезно *всматриваться* в отдельные группы слушателей (особенно в маленьких аудиториях, комнатах): слушатели смотрят на лектора, и им приятно, если лектор посмотрит на них. Этим привлекается внимание и завоевывается расположение к лектору. *У лектора не должно быть одной какой-то точки, к которой привлекается во все время речи его взор.*

§ 11

Лектор должен быть в достаточной мере *освещен:* лицо говорит вместе с языком.

§ 12

От лектора требуется большая *выдержка* и умение владеть собою при всех неблагоприятных обстоятельствах. Никакие отвлекающие причины не должны на него действовать (бинокли, газеты, поворачивания, шорох, плач ребенка, лай случайно забравшейся собаки). Лектор должен делать свое дело. Указанные мелочи (их можно насчитать с десяток), между которыми есть и действующие на самолюбие, с практикой, психически не будут оказывать влияния, к ним лектор привыкает.

§ 13

В случае резкого шума — призвать к тишине и продолжать речь. Если перед началом речи можно предположить, что будет шумно, если видно, что публика нервна, самую речь начать с призыва к тишине, а в этот призыв полезно включить одну-две фразы завлекающего характера.

§ 14

Избегать шаблона речи, он особенно опасен в начале и в конце. Публика подмечает все, и шаблон может быть поводом к какой-нибудь неожиданной выходке, например, шаблонно начатую лектором фразу закончит кто-нибудь в рядах и опередит лектора. Шаблон — совершенно недопустимое зло во всяком творчестве.

§ 15

Не применять в речи одних и тех же выражений, даже одних и тех же слов на близком расстоянии. Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе, чем на 200 строк.

§ 16

Форма речи — *простая, понятная.* Иностранный элемент допустим, но его следует тотчас же объяснить, а объяснение должно быть *кратким, начеканенным;* оно не должно задерживать надолго движение речи. Лучше не допускать трудно понимаемых ироний, аллегорий и т. п.; все это не усваивается неразвитыми умами, пропадает зря, хорошо действует *простое наглядное сравнение, параллель, выразительный эпитет.*

§ 17

Лирика допустима, но ее должно быть мало (тем она ценнее). Лирика должна быть *искренней,* как и вся речь вообще. Все же или почти все должно быть в форме и содержании речи,— вот почему предварительная подготовка и выработка плана так важны и необходимы.

§ 18

Элемент *трогательного, жалостливого* может быть в речи, но чтобы *«трогательное»* действительно «трогало» сердце, надо о трогательном говорить *спокойно, холодно, бесстрастно:*

ни голос не должен дрожать, ни слеза слышаться, не должно быть никакого внешнего притока трогательности, от этого получается *контрастный фон:* черные линии сливаются с черным фоном, а на белом выступают резко, так и с трогательным. Например, читать сцены казни Остапа [47] надо протокольно, сухо, холодно, стальным крепким голосом и изменить его там, где нельзя уже не изменить: описание страданий казаков и Остапа и возглас его: «Батько! Слышишь ли ты все это?!»

§ 19

Чтобы лекция имела успех, надо: 1) завоевать внимание слушателей и 2) удержать внимание до конца речи.

Привлечь (завоевать) внимание слушателей — первый ответственный момент в речи лектора — самое трудное дело. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается *простым, интересным* (интересующим) и *близким* к тому, что, наверно, переживал или испытал каждый. Значит, первые слова лектора должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны (должны отвлечь, *зацепить* внимание). Этих зацепляющих «крючков» — вступлений может быть очень много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, как будто не идущая ни к жесту, ни к делу (но на самом-то деле связанная со всею речью), неожиданный и неглупый вопрос и т. п. Большинство людей занято пустой болтовней или легкими мыслями. Своротить их внимание в свою сторону всегда можно.

Чтобы открыть (найти) такое начало, надо *думать, взвесить всю речь* и *сообразить,* какое из указанных выше начал и однородных с ними, здесь не помеченных, может подходить и быть в тесной связи хоть какой-нибудь стороной с речью. *Эта работа* целиком творческая.

Пример первый. Надо говорить о Калигуле, римском императоре. Если лектор начнет с того, что Калигула был сыном Германика и Агрипины, что родился в таком-то году, унаследовал такие-то черты характера, так-то и там-то жил и воспитывался, то... внимание вряд ли будет зацеплено. Почему? Потому что в этих сведениях нет ничего необычного и, пожалуй, интересного для того, чтобы завоевать внимание. Давать этот материал все равно придется, но *не сразу надо давать его, а только иногда, когда привлечено уже внимание присутствующих, когда оно из рассеянного станет сосредоточенным.* Стоять можно на подготовленной почве, а не на первой попавшейся случайной. Это — закон. Первые слова и имеют эту цель: *привести собравшихся в состояние внима-*

ния. Первые слова должны быть совершенно простыми (полезно избегать в этом моменте сложных предложений, хороши простые предложения). Можно начать так: «В детстве я любил читать сказки. И из всех сказок на меня особенно сильно влияла одна (пауза): сказка о людоеде, пожирателе детей. Мне, маленькому, было крайне жалко тех ребят, которых великан-людоед резал, как поросят, огромным ножом и бросал в большой дымящийся котел. Я боялся этого людоеда и, когда темнело в комнате, думал, как бы не попасться к нему на обед. Когда же я вырос и кое-что узнал, то...» далее следуют *переходные слова* (очень важные) к Калигуле и затем речь по существу. Скажут: причем тут людоед? А при том, что людоед — в сказке и Калигула — в жизни — братья по жестокости.

Разумеется, если лектор не выдвинет в речи о Калигуле его жестокости, то не нужен и людоед. Тогда надо будет взять другое для завоевания внимания. Оригинальность начала интригует, привлекает, располагает ко всему остальному; напротив того, обыкновенное начало принимается вяло́, на него нехотя (значит неполно) реагируют, оно заранее определяет ценность всего последующего.

Пример второй. Надо говорить о Ломоносове. Во вступлении можно нарисовать (кратко — непременно кратко, но сильно!) картину бегства в Москву мальчика-ребенка, а потом: прошло много лет. В Петербурге, в одном из старинных домов времен Петра Великого, в кабинете, уставленном физическими приборами и заваленном книгами, чертежами и рукописями, стоял у стола человек в белом парике и придворном мундире и объяснял Екатерине II новые опыты по электричеству. Человек этот был тот самый мальчик, который когда-то бежал из родного дома темною ночью.

Здесь действует на внимание простое начало, как будто не относящееся к Ломоносову, и резкий контраст двух картин.

Внимание непременно будет завоевано, а дальше можно вести речь о Ломоносове по существу: поэт, физик, химик...

Пример третий. Надо говорить о законе всемирного тяготения. Принимая во внимание все предшествовавшее о вступлении, о первых словах лектора для завоевания внимания, и эту лекцию можно было бы начать так: «В рождественскую ночь 1642 года в Англии в семье фермера средней руки была большая сумятица. Родился мальчик такой маленький, что его можно было выкупать в пивной кружке». Дальше несколько слов о жизни и учении этого мальчика, о студенческих годах, об избрании в члены королевского общества и, наконец, имя самого Ньютона. После этого можно

приступить к изложению сущности закона всемирного тяготения. Роль этой «пивной кружки» — только в привлечении внимания. А откуда о ней узнать? Надо читать, готовиться, взять биографию Ньютона...

Как привлечь внимание и через это подействовать на волю, превосходно пояснено в рассказе А. П. Чехова «Дома» (прием тот же, что и здесь).

Начало должно быть в соответствии с аудиторией, знание ее необходимо. Например, начало лекции о Ломоносове не подошло бы к аудитории интеллигентной, так как с первых же слов все догадались бы, что речь идет именно о Ломоносове, и оригинальность начала превратилась бы в жалкую искусственность.

Вторая задача лектора — удержать внимание аудитории. Раз внимание возбуждено вступлением, надо хранить его, иначе перестанут слушать, начнется движение и, наконец, появится та «смесь» тягостных признаков равнодушия к словам лектора, которая убивает всякое желание продолжать речь.

Удержать и даже увеличить внимание можно:

1) краткостью,

2) быстрым движением речи,

3) краткими освежающими отступлениями.

Краткость речи состоит не только в краткости времени, в течение которого она произносится. Лекция может идти целый час и все-таки быть краткой; она же при 10 минутах может казаться длинной, утомительной.

Краткость — отсутствие всего лишнего, не относящегося к содержанию, всего того водянистого и засоряющего, чем обычно грешат речи. Надо избегать лишнего: оно расхолаживает и ведет к потере внимания слушателей. Чтобы из мрамора сделать лицо, надо удалить из него все то, что не есть лицо (мнение А. П. Чехова). Так и лектор ни под каким видом не должен допускать в своей речи ничего из того, что разжижает речь, что делает ее «предлинновенной», что нарушает второе требование: быстрое движение речи вперед. Речь должна быть *экономной, упругой.* Нельзя рассуждать так: ничего, я оставлю это слово, это предложение, этот образ, хотя они и не особенно-то важны. Все неважное — *выбрасывать,* тогда и получится краткость, о которой тот же Чехов сказал: «Краткость — сестра таланта». Нужно делать так, *чтобы слов было относительно немного, а мыслей, чувств, эмоций — много.* Тогда речь краткая, тогда она уподобляется вкусному вину, которого достаточно рюмки, чтобы почувствовать себя приятно опьяненным, тогда она исполнит завет Майкова: *словам тесно, а мыслям просторно* [48].

Быстрое движение речи обязывает лектора не задерживать внимания в подходах к новым частям (новым вопросам — моментам) речи. Например, часто приходится слышать: «Что же касается до юмора Чехова, юмора крайне своеобразного, то о нем можно сказать следующее...» Вместо этих нестоящих слов надо сказать: «Юмор Чехова отличается удивительной мягкостью и гуманностью». Потом — закрепление примерами. Краткие освежающие отступления нужны в большой (скажем, часовой) речи, когда есть полное основание предполагать, что внимание слушателей могло утомиться. *Утомленное внимание* — невнимание. Отступления должны быть *легкими,* даже комического характера, и в то же время стоять в связи с содержанием данного места речи. В *маленькой речи можно обойтись и без отступлений:* внимание может сохраниться хорошими качествами самой речи.

Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом. Например, в конце речи о Ломоносове (см. выше) можно сказать: «Итак, мы видели Ломоносова мальчиком-рыбаком и академиком. Где причина такой чудесной судьбы? Причина — только в жажде знаний, в богатырском труде и умноженном таланте, отпущенном ему природой. Все это вознесло бедного сына рыбака и прославило его имя».

Разумеется, такой конец не для всех речей обязателен. *Конец — разрешение всей речи* (как в музыке последний аккорд — разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье, тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду, что пьеса кончилась); конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора, это обязательно), *что дальше говорить нечего.*

§ 20

Для успеха речи важно *течение мысли* лектора. Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать. Надо построить план так, чтобы вторая мысль вытекала из первой, третья из второй и т. д., или чтобы был *естественный переход от одного к другому.*

Пример: черты характера Калигулы — жестокость, разврат, самомнение, расточительность. Если в рассказ о жестокости поместить черту расточительности (мысль перескочила!), а в рассказ о разврате — черту самомнения (мысль опять перескочила!), то получится отсутствие логического течения мысли. Это совершенно недопустимо. Средство против такого недостатка — *обдуманный план* и его точное *исполнение.* Естественное течение мысли доставляет, кроме умствен-

ного, глубокое эстетическое наслаждение. Об этом говорил и Пушкин.

Течение мысли подобно синему столбику термометра, а отступления — черточкам, указывающим целое число градусов, но только не в такой равномерной последовательности.

§ 21

Лучшие речи *просты, ясны, понятны и полны глубокого смысла.* При недостатке собственной «глубокой мысли» дозволительно пользоваться мудростью мудрых, соблюдая меру и в этом, чтобы не потерять своего лица между Лермонтовыми, Толстыми, Диккенсами...

Избранные произведения, стр. 107—115.

IV.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ОРАТОРАХ

Среди многотомного литературного наследия основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса встречается немало высказываний об ораторском искусстве. Их статьи в «Новой рейнской газете», отчеты о заседаниях английского парламента, некоторые письма содержат глубокую и всестороннюю оценку ораторского мастерства тех или иных политических деятелей. Обобщив эти замечания, нетрудно представить себе те требования, которые предъявляли Маркс и Энгельс к оратору.

Они восторгались ясностью, деловитостью, меткостью речей ораторов рабочего класса. Хорошая речь, по их мнению,— это та, которая основана на действительном знании дела. Маркс и Энгельс отмечали огромную силу подлинного красноречия, учили ораторов говорить не только ясно, но и живо, образно, увлекательно.

Читатель найдет в публикуемых отрывках уничтожающую критику декламаторской мишуры буржуазных ораторов, фальшивой сущности их речей, напыщенности и пустоты громких фраз.

Для удобства пользования все отрывки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса расположены по следующим разделам: 1) Ораторы рабочего класса. 2) Немецкие буржуазные ораторы. 3) Ораторы английского парламента. 4) Ораторы Национального совета Швейцарии. 5) Другие ораторы.

Материалы приводятся по тексту вышедших томов 2-го издания, остальные — по тексту издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Партиздат — Госполитиздат, 1928—1946).

Следует отметить, что в сборник не включены многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о языке и литературном стиле. Высказывания по этим вопросам можно найти в соответствующих сборниках.

ОРАТОРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА

А. БЕБЕЛЬ

Три стенографических отчета получил, благодарю. Жаль, что у Вас не оказалось лучшей темы; когда приходится то и дело ссылаться на свидетелей, которые скрывают пока свои имена, то положение не из приятных. Тем не менее, цель достигнута, так как благоприятная оценка [речи] общественным мнением не подлежит ведь никакому сомнению [49]. *Речь Бебеля превосходна: ясная, дельная и меткая* [50].

Из письма Ф. Энгельса Вильгельму Бракке, 24 апреля 1877 г. Сочинения, т. XXVI, стр. 463.

...Г-н Гассельман сразу будет обезврежен, если опубликовать *действительно* компрометирующие его факты и в рейхстаге отнять у него козыри, т. е. выступить открыто революционно; это можно сделать в совершенно спокойном тоне, как это прекрасно сделали Вы в своей речи о преследованиях.

Из письма Ф. Энгельса А. Бебелю, май 1880 г. Сочинения, т. XXVII, стр. 85.

...Поздравляем тебя с твоими двумя речами. В особенности понравилась нам (Энгельсу и Марксу.— *Ред.*) речь по закону о страховании. В речи взят правильный тон иронического превосходства — благородного и основанного на действительном знании дела. Критика законопроекта не оставляет желать лучшего и не нуждается ни в каких дополнениях. Должен сказать тебе прямо, также и от имени Маркса: это

лучшая из всех твоих речей, которые нам приходилось читать, и прения производят впечатление, что токарь Бебель — единственный образованный человек во всем рейхстаге.

Из письма Ф. Энгельса А. Бебелю, 28 апреля 1881 г. Сочинения, т. XXVII, стр. 132.

...Ты, вероятно, читал речь Бебеля в *«Gleichheit»*, это шедевр, в котором он превзошел самого себя.

Из письма Ф. Энгельса Фридриху-Альберту Зорге, 22 февраля 1888 г. Сочинения, т. XXVIII, стр. 16.

Твою речь против Штумма в пятницу 12-го я прочел вчера вечером с истинным восхищением. Какая великолепная импровизация! И видно, что удар попал в цель.

Из письма Ф. Энгельса А. Бебелю, 19 февраля 1892 г. Сочинения, т. XXIX, стр. 24.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

Твою речь по поводу первого чтения бюджета мне прислал Бебель из Дрездена. Она была превосходна; меня удивляет только, что тебя так редко прерывали. Но неизбежного призыва к порядку ты все-таки добился.

Из письма Ф. Энгельса В Либкнехту, 1 декабря 1885 г. Сочинения, т. XXVII, стр. 507.

...То, что он сказал о культуркампфе [51], показалось и мне грубо ошибочным, но, как тебе известно, Либкнехт ведь легко поддается настроению, уступает соблазну сыграть на своей публике (и не всегда удачно) и знает на своей палитре только две краски — черную и белую.

Из письма Ф. Энгельса А. Бебелю, 25 октября 1886 г. Сочинения, т. XXVII. стр. 602.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ

...В основанном тогда нами Брюссельском немецком рабочем союзе [52] Вольф скоро стал одним из самых любимых ораторов. Он еженедельно делал там обзоры текущих событий, обзоры, которые всякий раз представляли собою шедевры популярного, юмористического и вместе с тем очень яркого изложения и которые особенно бичевали мелочность и низость как властителей, так и подданных в Германии. Эти политические обзоры стали до такой степени его излюбленной темой, что он проводил их в каждом союзе, в котором принимал участие, и всегда в одинаково мастерском популярном изложений.

...Благодаря всеобщей любви, которой он пользовался, а также благодаря силе и популярности его красноречия, ему удалось, особенно в сельских избирательных округах, провести таких радикальных кандидатов, которые без него не имели бы никаких шансов.

Ф. Энгельс, Вильгельм Вольф. Сочинения, т. XV, стр. 324, 325

ГЕОРГ ЭККАРИУС

Наш Эккариус стал главным лондонским выборным агитатором, и, если бы как раз теперь не был разгар портняжного сезона, он согласился бы поехать в агитационную поездку по стране (с еженедельным окладом в 2 фунта). У него своеобразная сухо-юмористическая манера речи, особенно нравящаяся англичанам.

Из письма К. Маркса Ф. Энгельсу, 24 июня 1865 г. Сочинения, т. XXIII, стр. 289.

...Я присутствовал на митинге, устроенном тред-юнионами... рабочие говорили *превосходно,* без всяких следов буржуазного фразерства и ничуть не скрывая своего антагонизма по отношению к капиталистам...

Из письма К. Маркса Ф. Энгельсу 9 апреля 1863 г. Избранные письма. 1953, стр. 139

НЕМЕЦКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ОРАТОРЫ

РОБЕРТ БЛЮМ

...Он (Р. Блюм.— *Ред.*), по обыкновению, произносит так называемую *солидную* речь, т. е. речь, которая содержит больше чувства, чем аргументов, и больше декламации, чем чувства, и которая, впрочем, как упражнение в декламации, производит, признаться, не больший эффект, чем «современное миросозерцание» г-на Гёдена из Кротошина. Польша — вал против северного варварства... если у поляков есть пороки, то это вина их угнетателей... старый Гагерн называет раздел Польши кошмаром, который тяготеет над нашей эпохой... поляки горячо любят свою родину, и нам не мешало бы брать с них пример... опасности, угрожающие со стороны России... А если бы в Париже победила красная республика и захотела силой оружия освободить Польшу, что было бы тогда, господа?.. Будем беспристрастными и т. д. и т. д.

Нам жаль г-на Блюма, но если снять со всех этих прекрасных рассуждений декламаторскую мишуру, то не останется ничего, кроме самой тривиальной болтовни, пусть даже — охотно допускаем это — болтовни широкого размаха и высокого мастерства.

Ф. Энгельс, Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. Сочинения, изд 2, т. 5, стр. 361.

...Блюм считался одним из красноречивейших ораторов Франкфуртского собрания [53]; он несомненно пользовался наибольшей популярностью. Его красноречие не удовлетворило бы требованиям какого-нибудь искушенного парламента, он слишком любил пустые декламации в духе немецкого проповедника-сектанта и его доводам не хватало ни философской остроты, ни знакомства с практической стороной дела.

Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии. Сочинения, изд. 2, т. 8, стр. 77.

СИГИЗМУНД БОРКГЕЙМ

...Боркгейм говорил (или, вернее, читал по бумажке) больше двадцати минут, между тем как по регламенту время ораторов было ограничено лишь десятью минутами. Естественно, что он считает себя не хуже Гарибальди и Эдгара Кине. Во-вторых, он взошел на трибуну в величайшем волнении и, как Эккариус говорит, «не дал себе самому говорить». Никто его не понял. Слышны были лишь несколько общих замечаний о Шульце-Деличе, при которых Фогт сорвался со своего места и сжал оба кулака, и о казаках. Это было истинным счастьем. Его речь считали значительной потому, что ее *не* поняли. Он поэтому играет некоторую роль как в «Times», так и в французской прессе. Но вот неприятная сторона этого дела. Этот дурак хочет напечатать свою речь по-немецки, по-английски и по-русски и во *французском оригинале.* Последний лежит предо мной. Он послал его мне с тем, чтобы Лафарг его просмотрел. За исключением нескольких общих замечаний, подсказанных мной, этот оригинал представляет собой не только *безвкусную* белиберду, но часто чистейшую бессмыслицу.

Из письма К. Маркса Ф. Энгельсу, 4 октября 1867 г. Сочинения, т. XXIII, стр. 450—451.

Я боюсь, что *Боркгейм, сам того не желая,* готовится сыграть со мною злую шутку. Он печатает свою «Речь в Женеве» [54] на четырех языках: французском, немецком, английском и русском. Кроме того, он снабдил ее причудливым и безвкусно переполненным цитатами предисловием. Между нами — и в интересах партии — я должен сказать Вам всю правду. Боркгейм — дельный человек, и даже остроумный. Но когда он берет в руки перо,— увы! — у него нет ни такта, ни вкуса. К тому же у него нет необходимого образования. Он похож на дикаря, который думает, что украшает свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками. Банальности и комичные фразы попадаются у него на каждом шагу. Почти каждая фраза невольно наряжается у него в дурацкий колпак. Если бы он не был так безгранично тщеславен, я мог бы не допустить появления этого издания и объяснить ему, что, к счастью для него, в Женеве его *не поняли,* а поняли только некоторые остроты из его речи. С другой стороны, я обязан ему за его помощь в деле Фогта и считаю его своим личным другом. В его речи есть некоторые фразы, в которых он излагает мои взгляды прямо в юмористическом виде. Для моих врагов (Фогт в «Neue Züri-

cher Zeitung» намекнул уже, что в сущности *я* — тайный автор этой речи) будет чрезвычайно выгодно, вместо того, чтобы критиковать мою книгу, сделать меня ответственным за г-на *Боркгейма,* за его глупости и за его личные выходки. Если что-нибудь подобное произойдет, Вам необходимо будет через Варнебольда и др. поместить в доступных Вам газетах коротенькие статейки, раскрыть в них эту тактику и, не обижая нигде Боркгейма, сказать все-таки прямо, что только с недобросовестной целью или при абсолютно некритическом подходе можно отожествлять столь различные вещи. Та странная и путаная форма, в которой наши взгляды преломляются в голове Боркгейма (когда он не говорит, а пишет), дает, конечно, вульгарной прессе весьма желанный повод для нападения и может даже послужить ей средством для того, чтобы причинить косвенный вред моей книге.

Из письма К Маркса Людвигу Кугельману, 11 октября 1867 г. Сочинения, т. XXV, стр 496—497.

ОРАТОРЫ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

ДЖОН РОССЕЛЬ

Обсуждение восточного вопроса в Нижней палате было глубоко интересным зрелищем. Лорд Россель открыл представление в тоне, вполне достойном его роли. Этот крошечный гном, считающийся последним отпрыском некогда могущественного рода вигов [55], говорил скучно, тихо, сухо, монотонно и плоско, не как министр, а как уголовный хроникер, смягчающий описываемые им ужасы тривиальной, будничной и деловой формой изложения. То, что он говорил, было не «защитительной речью», а исповедью. Единственной примиряющей чертой в его речи была именно ее жесткость, которая, казалось, намеренно скрывала болезненные впечатления, причинявшие страдание этому маленькому человеку. Даже неизбежная фраза о «независимости и неприкосновенности Оттоманской империи» [56] звучала как устаревшее воспоминание, вкравшееся по ошибке в надгробную речь над этой империей. О впечатлении от этой речи, которая претендовала на разрешение восточной смуты, можно лучше всего судить по тому, что в Париже упали все бумаги, как только телеграф передал ее буквальный текст.

К. Маркс, Турецкий вопрос в Нижней палате. Сочинения, т. IX, стр. 459.

Лорд Джон Россель, все достоинства которого могут быть сведены к одному — к сохранению рутины в парламентской тактике,— произнес свою речь не с трибуны спикера [57], как это принято в таких случаях, а с третьей, расположенной за министерскими креслами, скамьи, на которой восседают недовольные виги. Он говорил тихим, сиплым голосом, растягивая слова, как всегда с дурным английским произношением и оказываясь часто в антагонизме с английским синтаксисом. (Между прочим: не надо отождествлять речи, напечатанные в газетах, с речами, как они произносятся.) Обыкновенно ораторы прикрывают убогое содержание речи хорошим ее изложением.

У Росселя плохое содержание сопровождается еще худшим изложением. Та манера, с которой он говорил, являлась как бы извинением в том, *что* он говорил. И в самом деле, было в чем извиняться! В прошлый понедельник он еще не думал об отставке; но уже во вторник, как только Робек сообщил о своем намерении внести предложение, он счел ее неизбежной. Это напоминает того лакея, который ничего не имел против лжи, но у которого пробуждалась совесть, когда эта ложь раскрывалась.

К. Маркс, Кризис кабинета. Сочинения, т. X, стр. 262.

Вся жизнь лорда Джона Росселя была основана на фальшивых предлогах,— фальшивых предлогах в пользу парламентской реформы, фальшивых предлогах в пользу религиозной свободы, фальшивых предлогах в пользу свободы торговли. Его вера в достаточность фальшивых предлогов была настолько искренней, что он счел возможным сделаться на основании их не только британским государственным деятелем, но и поэтом, мыслителем и историком. Только с такой точки зрения можно объяснить существование такой дряни, как его трагедия «Дон-Карлос или преследование», или его «Опыт истории английского правительства и конституции от царствования Генриха VIII до нынешнего времени», или его «Мемуары о европейских событиях со времени Утрехтского мира». Эгоистической узости его ума каждый предмет представляется какой-то tabula rasa (чистой доской), на которой он волен начертать свое собственное имя. Его мнения никогда не зависели от реальности фактов, а, напротив, факты зависели в его глазах от того порядка, в котором он располагает свои обороты речи. Как оратор, он не оставил после себя ни одной достойной упоминания остроты, ни одного глубокомысленного изречения, ни одного правильного наблюдения, ни одного сильного описания, ни одной красивой мысли, ни одного живого намека, ни одной юмористической сценки, ни одного искреннего чувства. *«Самая скромная посредственность»,*— как признает Робек в своей истории министерства реформ,— вот что поразило удивлением его слушателей даже в тот момент, когда он совершил величайший акт своей общественной жизни — внес в палату общин свой пресловутый билль о парламентской реформе. Он обладает своеобразной манерой связывать свою сухую, вялую, монотонную аукционоподобную речь с ученическими иллюстрациями из истории и какой-то торжественной тарабарщиной на тему о «красотах конституции», «всеобщих свободах страны», «циви-

лизации» и «прогрессе». В настоящий жар он впадает только или в состоянии личного раздражения, или выбитый своими противниками из лицемерно занятой им позиции надменности и самодовольства и доведенный до состояния явного душевного расстройства. В Англии все согласились объяснять его бесчисленные неудачи какой-то инстинктивной стремительностью. На самом же деле и эта стремительность является фальшивым предлогом. Она сводится к неизбежному сплетению уловок и крайних средств, рассчитанных только на данный момент без внимания к неблагоприятной конъюнктуре последующего момента. Россель лишен инстинкта, он всегда рассчитывает, но его расчет, такой же маленький, как и он сам, всегда — только для ближайшего часа. В результате этого — постоянные колебания и увертки, внезапные забегания вперед, позорные отступления, вызывающие слова, благоразумно проглоченные, гордые обязательства, с позором взятые обратно, и, когда все это не помогает,— слезы и всхлипывания, цель которых разжалобить мир. Вот почему вся его жизнь может быть рассматриваема либо как систематический подлог, либо как непрерывная ошибка.

К. Маркс, Лорд Джон Россель. Сочинения, т. X, стр. 498.

ВИЛЬЯМ ГЛАДСТОН

Гладстоновская манера красноречия ни разу не находила себе более совершенного, исчерпывающего выражения, чем в речи, произнесенной им в четверг вечером [58]. Отполированная гладкость, пустая глубина, елейность не без ядовитой примеси, бархатная лапа не без когтей, схоластические оттенки и оттеночки, questiones [вопросы] и questionculae [вопросики], весь арсенал пробабилизма с его казуистической совестью и бессовестными оговорками, его не вызывающими сомнения мотивами и мотивированным сомнением, смиренная претензия на превосходство, добродетельная интрига, ограниченная оговорками простота, Византия и Ливерпуль. Речь Гладстона вращалась гораздо меньше вокруг вопроса о войне и мире между Англией и Россией, чем вокруг рассмотрения вопроса о том, каким образом Гладстон, еще недавно член ведущего войну министерства, стал теперь Гладстоном, сторонником партии мира во что бы то ни стало. Он анализировал, он исследовал во всех направлениях границы своей собственной совести, и из характерной скромности проявил желание, чтобы британская

империя двигалась в рамках гладстоновской совести. Его речь поэтому отличалась дипломатически-психологической окраской, которая если и вносила элемент совести в дипломатию, то еще в большей степени — элемент дипломатии в совесть.

К. Маркс, Предложение Дизраэли. Сочинения, т. X, стр. 429—430

...Как личность, Гладстон, освободившийся теперь от прежней клики, возбужденный гневом и, бесспорно, крупнейший оратор новой палаты, вероятно, будет играть в ней более выдающуюся роль, чем когда-либо раньше. Во время своего длительного парламентского поединка Гладстон и Дизраэли, как иногда бывает в жарких схватках, от времени до времени бросали свое собственное оружие, чтобы подхватить оружие своего противника. До некоторой степени Гладстон присвоил себе полемическую язвительность Дизраэли, а Дизраэли перенял напыщенную елейность Гладстона, едва ли выиграв от такого обмена.

К. Маркс, Персия и Китай. Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 196.

ГЕНРИ ПАЛЬМЕРСТОН

Если он не для всякого дела хорош как государственный деятель, то как актер он годится для любой роли. Комический и героический стиль, пафос и фамильярный тон, трагедия и фарс — для всего этого он одинаково хорошо подходит; впрочем, больше всего его чувствам соответствует фарс. Он не первоклассный оратор, но совершенный полемист. Он обладает удивительной памятью, большим опытом, тончайшим тактом, никогда не изменяющим ему присутствием духа, благородной гибкостью; он лучший знаток всех парламентских трюков, интриг, партий и деятелей, так что умеет подходить к самым трудным вопросам в высшей степени элегантно, с приятной небрежностью, спекулируя при этом на предрассудках и впечатлительности своей публики. Его циническая дерзость защищает его от всякого неожиданного нападения, его эгоистичная ловкость предохраняет его от всякой измены самому себе; его большая фривольность, его полное равнодушие, его аристократическое презрение к опасности не дают ему сделаться страстным. Своим тонким остроумием он умеет всем нравиться. И так как он при всех обстоятельствах сохраняет спокойствие, то его го-

рячие противники остаются в дураках. Если он и не владеет каким-нибудь предметом, то все же умеет им играть. И если ему недостает общих точек зрения, зато он обладает никогда ему не изменяющим искусством сооружать целые хитросплетения из элегантных общих мест.

К. Маркс, Лорд Пальмерстон. Сочинения, т. IX, стр. 487—488.

Если Гладстон вводит в заблуждение видимостью глубины, то *Пальмерстон* обманывает кажущейся поверхностностью. Свою действительную цель он умеет искусно скрыть эффектными, кое-как склеенными фразами и ничего не говорящими уступками общественному мнению момента. Его кабинетская речь уже восемь дней лежит перед публикой. Ежедневная и еженедельная пресса провентилировала ее, проработала, прокритиковала. Его враги говорят, что, после многомесячного разговора на языке старика Эбердина, он счел снова уместным в течение вечера поговорить на языке старого Пальмерстона. Они говорят: благородный лорд ручается за самого себя. Но кто же поручится за благородного лорда? Они называют его речь ловким фокусом, поскольку ему удалось избежать всякого определенного объяснения по поводу своей политики и принять столь эластичную воздушную форму, что нет никакой возможности где-либо за него ухватиться. Напротив, его друзья без всяких колебаний признают музыкой тот ветер, который он пустил в ход риторикой своего органного концерта. Он сразу правильно оценил ситуацию, в которой должен был предстать перед палатой и страной. «Кого я имею перед собою? На одной стороне находятся те, которые полагают, что мы были недостаточно энергичны в ведении войны, а на другой стороне те, которые пытаются довести страну до позорных условий мира; на одной стороне находятся люди, которые упрекают нас, что мы втянулись в бесполезные и парализующие войну переговоры с Австрией, а на другой — те, которые думают, что мы в этих переговорах пошли недостаточно далеко и расстроили их путем чрезмерных требований». Так он сам занял позицию золотой середины. Нападки сторонников войны он отразил указанием на сторонников мира, а сторонников мира — ссылкой на сторонников войны. Выступление против безусловных сторонников мира дало ему повод для хорошо рассчитанных извержений патриотического жара, торжественных заверений в неизменной энергии и всех тех хвастливых слов, которыми он часто надувал *«дураков»*. Он польстил национальному самолюбию, пересчитав те громадные средства, которыми распола-

гает Англия — его единственный ответ на обвинение в неспособности управлять большими средствами. Благородный лорд,— сказал Дизраэли,— напоминает ему выскочку, который хочет выставить свое богатство перед любовницей: у меня есть дача, дом в городе, картинная галерея, прекрасный погреб. Так и Англия имеет Балтийский флот, флот на Черном море и ежегодный государственный доход в 80 миллионов фунтов стерлингов и т. д. Между тем под покровом дешевых риторических украшений, к которым свелась вся речь Пальмерстона, ему удалось мимоходом сделать *определенное заявление,* к которому он сможет вернуться позже при подходящем случае и провозгласить его как санкционированный палатой принцип его политики. Ни одна английская газета не *отметила* этого, но искусство пальмерстоновских речей всегда заключалось в том, чтобы скрывать их острие и вытравлять его из памяти слушателей ровным и мелководным потоком фразеологии.

К. Маркс, Предложение Дизраэли. Сочинения, т. X, стр. 434—436.

ДЕДЛИ СТЮАРТ

Лорд Дедли Стюарт разразился одной из своих обычных благодушных демократических декламаций, которые доставляли больше удовольствия оратору, чем слушателям. Если сжать эти напыщенные фразы, подобные мыльным пузырям, то в руках не останется ничего, даже воздуха, заставлявшего их раньше казаться чем-то. Дедли Стюарт повторил еще раз так часто повторяемые утверждения насчет реформ в Турции и большего свободомыслия оттоманского правительства по сравнению с русским в вопросах религии и торговли. Он справедливо указал, что не надо хвастаться миром, пока несчастные жители Дунайских княжеств еще подвергаются ужасам войны. Европа должна защитить жителей этих провинций от ужасных угнетений, жертвой которых они сейчас являются. Рядом ссылок на факты из парламентской истории он доказал, что члены палаты имеют право произносить речи, даже когда переговоры еще в ходу. Словом, он ничего не забыл из того, что хорошо известно каждому верному и постоянному читателю «Daily News». В его речи было два «острия»: хотя объяснения благородного лорда (Дж. Росселя) были не очень полны, так как он не сказал палате ничего такого, чего бы она не знала и до него, но, к сожалению, из того, о чем он умолчал, можно сделать заключение, *«что благородный лорд совершил что-то,*

чего он должен стыдиться». Граф Эбердин сказал, «что мир сохранялся в течение тридцати лет к великой пользе для свободы и благоденствия Европы, однако он (Дедли Стюарт) отрицает, чтобы мир оказался благодетельным для свободы Европы. Как обстояло дело, спрашивает он, с Польшей? С Италией? С Венгрией? И в особенности с Германией?» Увлеченный потоком своего собственного красноречия — роковой дар для подобных ораторов третьего разряда,— демократический лорд никак не мог закончить, пока от деспотов континента не перешел к собственной монархине, «царящей в сердцах своих подданных».

К. Маркс, Турецкий вопрос в Нижней палате. Сочинения, т. IX, стр. 465—466.

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

Трехчасовая речь, которую произнес вчера вечером в «мертвой палате» [59] Дизраэли, скорее выигрывает, нежели проигрывает, когда ее не слушаешь, а читаешь ее в отчете. С некоторого времени Дизраэли усвоил ужасно торжественную манеру говорить; выработанная медлительность в дикции и бесстрастный формализм в методе — эти качества как бы они ни соответствовали его своеобразным представлениям о достоинстве, подобающем кандидату в министры, являются настоящей пыткой для его несчастной аудитории. Когда-то ему удавалось даже общим местам придавать заостренность эпиграммы. Теперь же он ухитряется даже эпиграммы хоронить под скучными условностями респектабельности. Оратор, который, подобно Дизраэли, умеет владеть вернее кинжалом, чем мечом, никогда не должен забывать слова Вольтера: «Все манеры хороши, за исключением скучной».

Помимо этих технических особенностей, характеризующих нынешнюю манеру красноречия Дизраэли, он, со времени прихода Пальмерстона к власти, стал тщательно удалять из своих парламентских выступлений все, что может иметь актуальный интерес. Его речи не предназначены к тому, чтобы обосновывать и развивать его предложения, но его предложения предназначены к тому, чтобы подготовлять аудиторию к его речам. Их можно назвать самоотрицающимися предложениями, поскольку они построены так, чтобы в случае их принятия не обидеть противника, а в случае их отклонения не повредить автору. Фактически они рассчитаны не на то, чтобы их принимать или отклонять, а на то, чтобы просто оставлять их на бумаге и переходить к другим делам. Они не относятся ни к

кислотам, ни к щелочам; они нейтральны по природе. Не речь является толчком к действию, а лицемерие действия дает повод для речи. Возможно, это и есть действительно классическая и окончательная форма парламентского красноречия; но в таком случае эта окончательная форма парламентского красноречия не должна отказаться разделить участь всех окончательных форм парламентаризма, а именно: попасть в категорию вредоносных вещей. Как сказал Аристотель, действие есть закон, управляющий драмой. То же самое и в политическом красноречии. Речь Дизраэли о восстании в Индии [60] могла бы быть опубликована в числе брошюр Общества распространения полезных знаний, она могла бы быть произнесена в технической школе или представлена в Берлинскую академию как сочинение на премию. Это любопытное безразличие его речи в отношении места, времени и повода, по которому она произносится, доказывает, что она не подходила ни к месту, ни к времени, ни к поводу. Глава об упадке Римской империи представляет увлекательное чтение в книгах Монтескье или Гиббона, но она будет звучать колоссальной нелепостью, если вложить ее в уста римского сенатора, специальной обязанностью которого было воспрепятствовать этому упадку. Правда, в наших современных парламентах достойную и интересную роль можно вообразить для какого-либо независимого оратора, который, отчаявшись в возможности повлиять на ход событий, ограничился бы позицией иронического нейтралитета. Такую роль с большим или меньшим успехом играл покойный Гарнье Пажес — не Гарнье Пажес Временного правительства, а Гарнье Пажес палаты депутатов Луи-Филиппа; но г. Дизраэли, признанный лидер устарелой партии, должен бы даже успех в этом направлении рассматривать как величайшее фиаско. Восстание индийской армии, несомненно, давало великолепный повод для ораторского выступления. Но, не говоря уже о тоскливой манере, с какой он трактовал эту тему, в чем состояла сущность предложения, ради которого он произнес свою речь? Предложения-то как раз и не было. Он делал вид, что жаждет познакомиться с двумя официальными документами, однако в существовании одного он не был уверен, а относительно другого он был убежден, что он не имеет непосредственного отношения к его предмету. Таким образом, его речь и его предложение не имели никаких точек соприкосновения, за исключением той, что предложение возвещало речь без предмета, а самый предмет, который выдвигался, не стоил речи.

К. Маркс, Индийский вопрос. Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 221—222.

ОРАТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ШВЕЙЦАРИИ

Каковы люди, такова и дискуссия. Одни только «романцы», да и то не все, говорят вполне культурным языком, соблюдая риторические формы. Бернцы, которые из всех жителей немецкой Швейцарии больше всего заимствовали романские нравы, ближе всего подходят к ним. У них можно еще заметить некоторый темперамент. Цюрихцы, эти сыны швейцарских Афин, говорят с солидностью и внушительностью, составляющими нечто среднее между языком профессора и цехового мастера, но всегда «интеллигентно»! Офицеры говорят с торжественной медлительностью, не особенно умело и содержательно, но зато так решительно, как будто за ними стоит их батальон в полной боевой готовности. Наконец, основная масса этого собрания выставляет ораторов более или менее благомыслящих, осторожных, тщательно взвешивающих все доводы и все же в конце концов всегда отстаивающих свои кантональные интересы; почти все они говорят очень нескладно, часто руководствуясь своими собственными грамматическими правилами. Когда дело касается обсуждения расходов, то инициатива большей частью исходит от них, в особенности от представителей старых кантонов. Кантон Ури уже приобрел в этом отношении вполне заслуженную репутацию в обоих советах.

Дискуссия поэтому в общем бледна, спокойна, посредственна. В Национальном совете очень мало талантливых ораторов, которые могли бы иметь успех и в более крупном собрании; я знаю только двух таких — Лувини и Дюфура, и, пожалуй, еще Эйтеля. Правда, я еще не слышал некоторых депутатов, пользующихся бо́льшим влиянием; но ни их успехи в собрании, ни газетные отчеты об их речах не дают основания ожидать многого. Только Нёйхаус, говорят, блестящий оратор. Впрочем, как могут развиться ораторские способности в собраниях, представляющих в лучшем случае несколько сот тысяч человек и вынужденных заниматься самыми ничтожными местными вопросами! Блаженной памяти Союзный сейм был скорее дипломатическим, нежели законодательным собранием; на его

примере можно было учиться тому, как давать запутанные инструкции и находить выход из положения, но не тому, как увлечь и повести за собой собрание. Речи депутатов Национального совета ограничиваются поэтому в большинстве случаев мотивированным голосованием, причем каждый оратор излагает сущность дела, заставляющую его голосовать за или против, и поэтому без всякого смущения повторяет то, что до тошноты повторялось уже предыдущими ораторами. Особенно речи представителей большинства отличаются такой патриархальной непосредственностью. И раз уж кто-нибудь из этих господ получил слово, он, разумеется, пользуется случаем, чтобы поболтать и высказать свое мнение также и по поводу всех инцидентов, имевших место в течение дискуссии, хотя с ними давно уже покончено. Среди этой непринужденной болтовни простаков несколько главных ораторов с трудом пытаются удержать нить прений, и после окончания заседания признаешься, что едва ли слыхивал что-нибудь более скучное. Мещанство, придающее некоторую оригинальность physique * собрания, так как оно редко встречается в столь классической форме, au moral ** так же плоско и скучно здесь, как и повсюду: мало темперамента, а об остроумии не может быть и речи. Один только Лувини говорит с захватывающей, страстной силой; Дюфур — единственный, импонирующий чисто французской ясностью и точностью речи. Фрей от кантона Базель являет образец юмористического стиля, к которому иногда довольно успешно прибегает и полковник Бернольд. Жителям французской Швейцарии совершенно несвойственно остроумие французов. С тех пор, как существуют Альпы и Юра, на их склонах не было изобретено ни одного сколько-нибудь сносного каламбура, не было подано ни одной быстрой и меткой реплики. Житель французской Швейцарии не только sérieux ***, он grave ****.

...Речь Пьода отличается такой же мягкостью и эмоциональностью, как и его внешность. Так как он в совершенстве владеет французским языком и говорит без всякого акцента, я принял его сначала за жителя французской Швейцарии и был весьма удивлен, когда узнал, что он итальянец. Однако когда он перешел к упрекам, направленным по адресу тессинцев, когда он в противовес этим упрекам нарисовал картину поведения швейцарских войск, которые вели себя в Тессине почти как во вражеской стране, когда он начал горячиться, он проявил если не страстность, то все же живое, чисто итальянское

* — внешнему виду.— *Ред.*
** — в духовном отношении.— *Ред.*
*** — серьезен.— *Ред.*
**** — суров.— *Ред.*

красноречие, прибегая то к античным формам, то к своеобразному современному, иногда преувеличенному ораторскому пафосу. К чести его надо признать, что в этом отношении он сумел соблюсти меру, и эти места его речи были очень эффектны. Но в целом все его выступление было слишком длинно и слишком эмоционально. Жители немецкой Швейцарии обладают aes triplex * Горация, и все красивые сентенции, все благородные чувства доброго Пьода отскочили от их широкой и твердой груди, не произведя никакого впечатления.

После него на трибуну поднялся г-н доктор Альфред Эшер из Цюриха...

Г-н Эшер... очень бегло и хорошо говорит по-немецки, насколько это вообще доступно уроженцу швейцарских Афин; он изрекает аттические идиомы с дорическим акцентом, но без грамматических ошибок, на что способен далеко не всякий депутат Национального совета от немецкой Швейцарии; говорит он с ужасающей торжественностью, как и все швейцарцы. Если бы г-ну Эшеру было 70 лет, то он не мог бы выражаться более торжественно, нежели в своей речи два дня тому назад, а между тем он один из самых молодых депутатов этого собрания. Кроме того, он обладает еще одним не свойственным швейцарцам качеством. Каждый житель немецкой Швейцарии имеет для всех своих речей, при всех обстоятельствах, в течение всей своей жизни только один жест. Г-н доктор Керн, например, протягивает правую руку в сторону, подняв ее под прямым углом; точно такой же жест и у офицеров, с той лишь разницей, что они держат руку прямо перед собой, не протягивая ее в сторону; г-н Таннер из Аарау после каждого третьего слова отвешивает поклон; г-н Фуррер делает такие же поклоны то прямо, то в пол-оборота направо и налево; словом, если собрать всех депутатов Национального совета, говорящих на немецком языке, то получится довольно полный телеграфный код. Жест г-на Эшера состоит в том, что он протягивает руку прямо перед собой и проделывает ею движение, в точности напоминающее движение рычага насоса...

Цюрихскую торжественность сменила итальянская страстность: после г-на доктора Эшера — полковник Лувини...

Лувини возражал со всей страстностью старого солдата и тессинца, который является швейцарцем в силу случайности, а итальянцем — по натуре...

Но подлинное изумление испытываешь лишь тогда, когда слушаешь речь Дюфура. Этот старый офицер инженерных войск, который в течение всей своей жизни занимался лишь организацией артиллерийских училищ, составлением регламен-

* — тройной медной броней (Гораций. «Оды»).— *Ред.*

тов и инспектированием батарей, который никогда не вмешивался в парламентские дебаты, никогда не выступал публично, говорит с поразительной уверенностью, легкостью, изяществом, точностью и ясностью и не имеет себе равных в швейцарском Национальном совете. Эта maiden-speech * Дюфура по тессинскому вопросу по своей форме и содержанию произвела бы огромнейшее впечатление во французской палате; она во всех отношениях значительно превосходит трехчасовую речь Кавеньяка **, принесшую ему славу первого парижского адвоката,— насколько можно судить по тексту этой речи, опубликованному в «Moniteur». Что же касается красоты языка, то она вдвойне заслуживает восхищения, когда это касается женевца. Национальный язык Женевы — это кальвинистски реформированный французский язык с его протяжным, грубым произношением, бедный, монотонный, бесцветный. Но Дюфур говорил не на языке женевцев, а на настоящем, чистейшем французском языке. К тому же его взгляды были так по-солдатски благородны, в *лучшем* смысле этого слова, что по сравнению с ними еще ярче выступала профессиональная зависть, соперничество и мелочная кантональная ограниченность немецко-швейцарских офицеров.

...Дюфур поразил все собрание как своим ораторским талантом и простотой своего выступления, так и приведенными им вескими аргументами; затем, заявив, что он поддерживает предложение Пьода, он вернулся под общие аплодисменты на свое место. Мне никогда не приходилось слышать аплодисментов во время дискуссии в Национальном совете. Это решило дело; после выступления Дюфура говорить было больше не о чем, и предложение Пьода было принято.

Ф. Энгельс, Национальный совет. Сочинения, т. 6, изд. 2, стр. 93—95, 96—97, 98, 103—104.

* — первая парламентская речь.— *Ред.*
** — Годфруа Кавеньяка.— *Ред.*

ДРУГИЕ ОРАТОРЫ

ЛЮДВИГ КОШУТ

Как Альберони в первую половину XVIII века называли «колоссальным кардиналом», так Кошута можно назвать «колоссальным *Лангеншварцем*». По существу он — импровизатор, получающий свои впечатления каждый раз от слушающей его аудитории, а не творец, навязывающий миру свои идеи. Как Блонден танцует на своем канате, так Кошут — на своем языке. Оторванный от атмосферы своего народа, он неизбежно должен был выродиться в виртуоза и впасть в пороки виртуозов. Характеризующая импровизатора неосновательность мышления неизбежно находит свое отражение в двусмысленных поступках. Если Кошут был некогда эоловой арфой [61], на которой шумно играл народный ураган, то теперь он только дионисово ухо [62], передающее шопоты в таинственных покоях Пале-Рояля и Тюильри [63].

К Маркс, Господин Фогт. Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 442.

ВЕНДЕЛЬ ФИЛИППС

Митинг в Бостоне прошел блестяще, несмотря на плохо организованное оповещение; было около 1 500 человек, из них треть — немцы. Первым говорил Суинтон, американский коммунист, посетивший нас прошлым летом (он — владелец большой нью-йоркской газеты), затем Фриче и, наконец, Вендель Филиппс, известный противник рабства, который сделал больше чем кто-либо, за исключением Джона Брауна, для уничтожения рабства и проведения [гражданской] войны; это лучший оратор Америки, а возможно — и всего мира. Он выразил благодарность немцам за то, что в 1861 г. члены немецких гимнастических обществ во всех крупных городах грудью защищали его от американской черни и сохранили для Союза город

Сен-Луи. Вот, для примера, выдержка из его речи:«Находясь так далеко от поля битвы, я не решаюсь критиковать приемы борьбы. Я смотрю на Россию, лежащую за 4 000 миль отсюда, и вижу, какое тяжелое бремя гнетет ее народ. Но я надеюсь, что найдется сила, которая сбросит это бремя. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли среди присутствующих хоть один американец, который это осудит? Если найдется, то пусть он взглянет (указывает на висящий на стене портрет) на Джо Уоррена, погибшего при Бенкерс Хилле». Это было сказано 7 марта, а 13-го бомба сделала то, чего не смог сделать кинжал [64].

Из письма Ф. Энгельса А. Бебелю, 30 марта 1881 г. Сочинения, т. XXVII, стр. 123—124.

ФРИДРИХ КРУММАХЕР

Круммахер бесспорно обладает выдающимся ораторским, а также и поэтическим дарованием; его проповеди никогда не бывают скучными, переход от одной мысли к другой — уверенный и естественный; он силен преимущественно в антитезах и в изображении мрачных картин — описание преисподней у него всегда отличается новизной и смелостью, сколько бы раз он ни возвращался к этой теме. С другой стороны, он слишком часто прибегает к библейской фразеологии и присущим ей образам, которые, несмотря на их, по большей части, остроумное применение, в конце концов неизбежно повторяются; вперемежку с ними — какая-нибудь в высшей степени прозаическая картина из обыденной жизни или рассказ о его собственной судьбе и самых незначительных его переживаниях. Все это он тащит на кафедру, к месту или не к месту; недавно он в двух проповедях потчевал своих набожных слушателей рассказом о своей поездке в Вюртемберг и Швейцарию; в них он говорил о четырех своих победоносных диспутах с Паулюсом в Гейдельберге и Штраусом в Тюбингене, правда, совершенно иначе, чем отзывается об этом в одном письме Штраус.— Его декламация местами очень хороша, и его сильная, убедительная жестикуляция часто вполне уместна, но временами поразительно манерна и безвкусна. Тогда он мечется по кафедре, наклоняется во все стороны, стучит по ней кулаком, топает ногами, как боевой конь копытом, и к тому же так кричит, что стекла звенят и люди на улице шарахаются с испугу. Тогда уж и слушатели начинают рыдать; сначала плачут молодые девицы, затем

врывается душераздирающее сопрано старых женщин, и эту какофонию завершают своими стонами расслабленные пьяные пиетисты, которых его слова пронизали бы до мозга костей, если бы у них еще был мозг в костях; и сквозь этот рев раздается могучий голос Круммахера, который возглашает перед всем собранием бесчисленные проклятия, осуждающие грешников, или рисует дьявольские сцены.

Ф. Энгельс, Письма из Вупперталя. Сочинения, т. 1, изд. 2, стр. 460—461.

ФИЛИПП МАРГЕЙНЕКЕ

Плотная, крепкая фигура, серьезный решительный лик мыслителя, высокое чело, обрамленное волосами, поседевшими в тяжелой мыслительной работе; в манере изложения — благородная сдержанность, ни следа ученого педанта, уткнувшего нос в тетрадку, по которой читает, ни следа искусственно-театральной жестикуляции; юношески прямая осанка, взор, внимательно устремленный на аудиторию; само изложение спокойное, полное достоинства, медленное, но неизъяснимо плавное, безыскусственное, но неисчерпаемое в глубоких мыслях, которые спешат одна за другою и все усиливаются по убедительности. Маргейнеке импонирует на кафедре своею уверенностью, непоколебимой твердостью и достоинством, но в то же время и свободомыслием, которое светится из всего его существа.

Ф. Энгельс, Дневник вольнослушателя. Сочинения, т. II, стр. 230.

V.

В. И. ЛЕНИН О МАСТЕРСТВЕ ПРОПАГАНДИСТА И АГИТАТОРА

В настоящий раздел вошли высказывания В. И. Ленина о задачах и мастерстве пропагандиста и агитатора. По этим высказываниям читатель сумеет составить себе представление, как Ленин понимал задачи оратора. В. И. Ленин решительно выступал против фразерства и политической трескотни, он требовал от большевистского оратора правдивости, ясности, доступности, убедительности речи, призывал тесно связывать пропаганду и агитацию с жизнью. В. И. Ленин подчеркивал необходимость подходить к народу терпеливо и осторожно, уметь учитывать особенности аудитории.

Отрывки из работ В. И. Ленина приводятся в хронологическом порядке по 4-му изданию его Сочинений.

Желающим полнее познакомиться с ленинскими мыслями о литературном языке, о пропаганде и агитации вообще можно рекомендовать обратиться к соответствующим сборникам.

ИЗ СТАТЬИ «ПОПЯТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ»

...Агитация среди низших слоев рабочих должна предоставлять, конечно, наибольший простор личным особенностям агитатора и особенностям места, профессии и проч. «Не надо смешивать тактику и агитацию» — говорит Каутский в книге против Бернштейна.— «Способ агитации должен приспособляться к индивидуальным и местным условиям. В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление благодаря своему одушевлению, другой — благодаря своему едкому сарказму, третий — благодаря уменью приводить массу примеров и пр. Сообразуясь с агитатором, агитация должна сообразоваться также и с публикой. Агитатор должен говорить так, чтобы его понимали; он должен исходить из того, чтò хорошо известно слушателям. Все это разумеется само собой и применимо не к одной только агитации среди крестьян. С извозчиками надо говорить иначе, чем с матросами, с матросами иначе, чем с наборщиками. *Агитация* должна быть *индивидуализирована,* но наша *тактика,* наша политическая *деятельность* должна быть *едина»* (S. * 2—3). Эти слова передового представителя социал-демократической теории содержат превосходную оценку агитации в общей деятельности партии. Эти слова показывают, как неосновательны опасения тех, кто думает, что образование революционной партии, ведущей политическую борьбу, помешает агитации, оттеснит ее на второй план или стеснит свободу агитаторов. Напротив, только организованная партия может широко вести агитацию, давать необходимое руководство (и материал) для агитаторов по всем экономическим и политическим вопросам, использовать каждый местный успех агитации для назидания всех русских рабочих, направлять агитаторов в такую среду или такие местности, где они могут действовать с наибольшим успехом. Только в организованной партии люди, об-

* Seiten — страницы.— *Ред.*

ладающие способностями агитаторов, будут в состоянии посвятить себя всецело этому делу,— к выигрышу и для агитации и для остальных сторон социал-демократической работы. Отсюда видно, что тот, кто за экономической борьбой забывает политическую агитацию и пропаганду, забывает необходимость организовать рабочее движение в борьбу политической партии, тот, помимо всего прочего, лишает себя даже возможности поставить прочно и успешно привлечение наиболее низких слоев пролетариата к рабочему делу.

1899. Сочинения, т. 4, стр. 259—260.

ИЗ КНИГИ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

...Пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример,— скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п.— и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею:* идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом *печатным,* агитатор — *живым* словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Геда — агитаторами.

1902. Сочинения, т. 5, стр. 380.

ИЗ ПИСЬМА А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

2.VIII.05 г.

...Недостает ораторов на своих собраниях. Некому влить дух бодр, поставить вопрос принципиально, уметь поднять над женевским болотом повыше, в область интересов и вопросов посерьезнее. И все дело страдает. В политической борьбе остановка есть смерть... У нас сил *невозможно* мало. Вас. Вас. не знаю, когда будет писать, а как оратор и политический центр он ниже всякой критики, скорее сам распускает нытье, чем встряхнуть людей и дать им педагогической нахлобучки. Шварц в отсутствии: пишет он оттуда усердно и хорошо, даже как будто лучше, чем здесь, но только пишет. А лично воздействовать на людей и уметь направлять публику и собрания он редко в состоянии даже тогда, когда в Женеве... Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим.

Сочинения, т. 34, стр. 277—278.

ИЗ БРОШЮРЫ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ»

...С.-д. должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений. Надо уметь без фраз, без восклицаний, с фактами и цифрами в руках *растолковать* вопросы социализма и вопросы теперешней русской революции.

1906. Сочинения, т. 11, стр. 262—263.

ИЗ СТАТЬИ «К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ

«ВМЕСТЕ ДЕЛАЛИ»»

Фамильярный тон — переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие — вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т. е. от Столыпиных), «а с врагами» (т. е., должно быть, и с правой реакцией и с левой... как бы это помягче сказать?.. «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесповоротно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений — оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с *делами* тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцовать». Латинская пословица говорит: littera scripta manent — написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадет в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное зна-

чение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения г-на Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что *слова* представителя партии к.-д. расходятся с *делами* этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

1911. Сочинения, т. 17, стр. 177—178.

ИЗ СТАТЬИ «О ЛОЗУНГАХ И О ПОСТАНОВКЕ ДУМСКОЙ И ВНЕДУМСКОЙ С.-Д. РАБОТЫ»

О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

1911. Сочинения, т. 17, стр. 304.

ИЗ СТАТЬИ «О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАЗЕ»

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции.

Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,— почвы под ними нет,— вот суть революционной фразы.

1918. Сочинения, т. 27, стр. 1.

ИЗ СТАТЬИ «О ЧЕСОТКЕ»

Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые.

Простые, ясные, понятные, очевидные любому представителю трудящейся массы, кажущиеся бесспорными истины извращаются теми, кто заболел рассматриваемой разновидностью чесотки. Нередко это извращение происходит из самых лучших, благороднейших, возвышенных побуждений, «просто» в силу непереваренности известных теоретических истин или детски-аляповатого, ученически-рабского повторения их не к месту (не понимают люди, как говорится, «что к чему»), но от этого чесотка не перестает быть скверной чесоткой.

1918. Сочинения, т. 27, стр. 17.

ИЗ БРОШЮРЫ «ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ. ПО ПОВОДУ «КОММУНИСТИЧЕСКИХ СУББОТНИКОВ»)»

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

1919. Сочинения, т. 29, стр. 386.

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ,
Т. Е. ПРИ СЛУШАНИИ РЕЧЕЙ НА СОБРАНИЯХ)

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

1919—1920. Сочинения, т. 30, стр. 274.

ИЗ ДОКЛАДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА, СДЕЛАННОГО НА IX СЪЕЗДЕ РКП(б)

29 марта 1920 г.

...Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя.

Сочинения, т. 30, стр. 426—427.

ИЗ ТЕЗИСОВ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ ВТОРОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

...К массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы.

1920. Сочинения, т. 31, стр 168.

ИЗ РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3 ноября 1920 г.

...Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь.

Вот те задачи, которые должны преследовать каждый агитатор и пропагандист, работающий вне школьных рамок, и этих задач он не должен выпускать из виду. При решении их встречается масса практических трудностей, и вы должны помочь коммунизму и стать представителями и руководителями не только партийных кружков, но и всей государственной власти, которая находится у рабочего класса.

Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы.

Я хотел бы в итоге остановиться еще на одном: может быть, слово Главполитпросвет неправильно понимается. Постольку, поскольку здесь упоминается понятие политический, здесь политика есть самое главное.

Но как понимать политику? Если понимать политику в смысле старом, то можно впасть в большую и тяжелую ошибку. Политика — это борьба между классами, политика — это отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии. Но в нашей борьбе выделяются

две стороны дела: с одной стороны, задача разрушить наследие буржуазного строя, разрушить попытки раздавить Советскую власть, повторяемые всей буржуазией. До сих пор эта задача более всего занимала наше внимание и мешала перейти к другой задаче — задаче строительства. Политика в представлении буржуазного миросозерцания была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А, между тем, это не так, политика должна быть делом народа, делом пролетариата. И вот тут нам необходимо подчеркнуть, что мы $^9/_{10}$ времени в нашей работе заняты борьбой с буржуазией. Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства. Всякий шаг, приближающий нас к победе над белогвардейцами, переносит постепенно центр тяжести борьбы к политике экономики. Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Эта наша главнейшая задача, и если бы кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался бы отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы решить, как лучше использовать эти пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных,— вот какова наша политика. И на этом должна быть построена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война нам даст возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут будет играть все возрастающую, громадную роль агитация и пропаганда.

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку.

Вот как мы улучшим хозяйство и сделаем его более солидным, более общественным, увеличим производство, улучшим хлебный вопрос, более правильно распределим произведенные продукты, увеличим добычу угля и восстановим промышленность без капитализма и без капиталистического духа.

В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выровнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства. И если мы терпели в нашей войне самые жестокие поражения от наших врагов, то мы зато учились на этих поражениях и достигли полной победы. И теперь в каждом поражении мы должны черпать знания, мы должны помнить, что надо учить рабочих и крестьян на примере проделанной работы. Указывать на то, что у нас плохо, чтобы в дальнейшем этого избежать.

На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего нашего экономического хозяйства. Мы добьемся всего, что надо, преодолеем все препятствия, которые нам остались от старого строя и которые сразу откинуть нельзя, надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда, надо связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни, в первую голову. Это должно быть главным и основным в работе каждого агитатора-пропагандиста, и когда он себе это усвоит, тогда успех его работы будет обеспечен.

1920. Сочинения, т. 31, стр. 345—348.

ИЗ ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ НА VIII ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

..Я прочту только итоговые цифры, да и то с округлением, потому что цифры читать и особенно слушать трудно.

1920. Сочинения, т. 31, стр. 475.

VI.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА О МАСТЕРСТВЕ АГИТАТОРА И ПРОПАГАНДИСТА

Собранные в разделе высказывания об ораторском искусстве приводятся по следующим источникам:

М. И. Калинин, Статьи и речи 1919—1935, Партиздат, 1936; О коммунистическом воспитании, «Молодая гвардия», 1956; О вопросах социалистической культуры, Госполитиздат, 1938; Советы агитатору, Госполитиздат, 1957.

Е. М. Ярославский, Советы агитаторам, Госполитиздат, 1942.

С. М. Киров, Избранные статьи и речи 1912—1934, Госполитиздат, 1939; Избранные статьи и речи (1912—1934), Госполитиздат, 1957.

М. И. Калинин

ИЗ РЕЧИ НА ВЫПУСКЕ СТУДЕНТОВ СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

30 мая 1926 г.

...Никогда не следует перед массами кичиться своей культурностью. *Никогда.* В этом отношении масса очень чутка. С массой можно говорить только тогда, когда говоришь открыто, прямо, подразумевая, что это одинаково с вами здравомыслящие люди, могущие так же умно решить вопрос, как сам докладчик и автор.

Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, что если хочешь владеть массами, то нужно гореть; если ты вышел к аудитории и сам не волнуешься, тебе самому хочется спать, несомненно, и аудитория будет отвечать твоему настроению. Прямо вам скажу, нет ничего более чувствительного, самый чувствительный барометр — это аудитория. Вы можете самым заплетающимся языком говорить с трибуны, но, если вы волнуетесь, если вопросы, которые вы подняли, имеют значение, если вы на трибуне решаете вопрос, масса будет увлечена вместе с вами. О чем это говорит? Это говорит о том, что для того, чтобы вести за собой массу, надо вместе с массой гореть.

«О вопросах социалистической культуры», стр. 96—97.

ИЗ РЕЧИ НА XV МОСКОВСКОЙ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

12 января 1927 г.

Товарищи, я принадлежу к таким ораторам, что боюсь, чтобы со мной не случился такой казус, о котором мне только что рассказал т. Полонский. Он сообщил, что на одном собрании председатель собрания через определенный промежуток времени обращался к аудитории с просьбой встать. Все вста-

вали. И это периодически повторялось во время всего заседания. Инструктор, приехавший на собрание, удивился этому странному обычаю и спросил председателя, почему это делается. А он отвечает: «Для того, чтобы товарищи крепко не засыпали». (Смех.) Тов. Седой с самоуверенностью говорит: «Это не у нас». Но все-таки я считаю, что, если бы я из пяти часов на часик заснул, я не считал бы это большим преступлением. Во всяком случае я предупредил т. Баумана, что если аудитория будет очень спокойна, чтобы он как-нибудь этот прием применил. (Смех.)

Так вот, товарищи, я поставил бы так вопрос: уж больно мы стали строги, и ораторские речи у нас, скажу, уж очень правильны; я бы сказал: слишком трезвы и не настраивают на веселый лад аудиторию. А ораторское искусство — это, товарищи, самое трудное искусство, и большевики, работающие в массовых организациях, должны обладать этим искусством. Не обладая этим искусством, усыпить аудиторию ничего не стоит. Можно сказать, что из десяти ораторов девять ораторов великолепно усыпляют аудиторию и только один может более или менее поддержать ее настроение, чтобы она не засыпала. Агитатор-пропагандист должен уметь так выступать, чтобы аудитория жила. И вот, когда говорят, что разъяснено все с полной яркостью и всесторонне и ничего не осталось продумывать, если таковы были речи ваших докладчиков, тогда эти речи — негодные речи. Что за речь, которая не возбуждает новых недоуменных вопросов? Что за речь, с которой все согласились, подписали свое имя и завтра забыли ее? Речь агитатора-пропагандиста должна возбудить аудиторию, должна поднять тысячу новых вопросов, недоуменных вопросов. Я не сомневаюсь, что есть еще такие доклады и что такие доклады были и здесь, на конференции. Вопросы, которые подняты докладчиками, наталкивают на новые вопросы, которые не мог один докладчик решить. Он только поставил вопросы, а их еще нужно разрешать.

Среди нас нет ни одного, кто бы не делал ни одного доклада, а порой и не усыплял бы публику, а между тем это самый опасный наш грех. Вы что же думаете: пролетарий фабрики и завода, который в большинстве состоит в московской организации,— он не хочет жить нормальной обывательской жизнью? А что такое нормальная обывательская жизнь? Поменьше ходить по обязанности на формальные собрания. А если пришел на собрание, так свободно выйти с собрания; если оратор тебе не нравится, то посвистать ему. Как же иначе? (Смех.) Если нравится оратор, то аплодировать ему, крикнуть на собрании что-нибудь и т. д. Что это, с нашей общепринятой точки зрения, эти приемы не обывательско-

партийные? Как вы думаете, товарищи, надо за эти приемы крыть, душить, давить? (*Седой:* «Не надо».)

Вот в том-то и дело. Мы под обывательщиной подразумеваем мелкобуржуазную обывательщину, которая желает провести время в кино и повесить в своей комнате занавесочки. Это уже мелкобуржуазные и среднебуржуазные предрассудки, которые заложены большей частью в западноевропейской мелкой и средней буржуазии и частью в верхушке рабочего класса. Наш рабочий класс еще не заразился этими мелкобуржуазными предрассудками,— мы материально хуже живем. Так вот я и говорю: может быть я не прав, но до меня доходят сведения, что у нас огромное количество партийных обязательных собраний. Может быть это неверно, но мне говорили, что каждый мало-мальски активный рядовой работник имеет 7—8 собраний в неделю. Теперь ответьте мне на вопрос: если человек участвует в 7—8 собраниях в неделю, разве он не подходит к ним формально? Вполне понятно, для того чтобы сохранить свой живой ум и живое сердце, не превратиться в «заседателя» всякого рода собраний и комиссий, он должен будет 80% этих собраний отбросить.

Я так приспособился: на те заседания, где разбираются вопросы, по которым я не собираюсь выступать, а думаю голосовать, полагаясь на авторитетность того или иного товарища, я не хожу и сберегаю свои силы для тех вопросов, в разрешении которых собираюсь принять участие. Сведения о чрезмерной нагрузке я имею не по официальной линии. Надо вам сказать, что я к официальной линии отношусь очень осторожно, потому что она, так сказать, стоит ко мне фасадом, а вы, вероятно, знаете, что всякий убогий домик с фасада выглядит прилично, и поэтому нужно всегда заглянуть на задворки. Эти сведения о загрузке у меня задворочные, я это говорю прямо, но иногда эти задворочные сведения даются от искреннего сердца. Ко всему этому, мне кажется, главная задача — это разгрузить товарищей, потому что органически люди не могут проводить 7—8 собраний в неделю.

...Политграмота должна быть одним из самых увлекательных предметов... Нужно к преподаванию политграмоты допускать только таких лекторов, которые умеют говорить на настоящем русском языке, и ни в коем случае нельзя руководителю политграмоты выступать с пасторской манерой. Хорошую мысль ничего не стоит убить пасторским подходом.

В первую голову надо в занятиях использовать юмор, второе — сарказм и в исключительных случаях — пафос. Для этого нужно быть очень талантливым, без этого вы усыпите аудиторию.

Мы создали огромное количество по существу каких-то формальных начетчиков, которые читают по книжке, а политграмоту никогда нельзя преподавать по книжке. Лектор должен прочесть 10—15 книжек и рассказать их по-своему,— так рассказать, как только он один может. Здесь должен быть индивидуальный подход и тогда публика не будет спать... Ошибочно думать, что самое главное — это чтобы лектор сумел преподать суть вопроса и не обращал внимания на форму преподавания. Я могу вам говорить самые умные речи, но если они будут скучно изложены, то вы их не воспримете.

Наша задача, чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облекаем наши выступления. Чтобы овладеть формой, надо учиться великолепному русскому языку. Ни один агитатор, ни один оратор не будет ни агитатором, ни оратором, ни пропагандистом, если он русский язык изучает только по газетам. По газетам русский язык не изучишь, а забудешь (смех), потому что вы сами знаете, как пишутся наши газетные статьи.

Форма — величайшая вещь. Вы возьмите художественные произведения, возьмите Гоголя, Щедрина, произведения которых созданы десятки лет назад в других условиях, в другом мире. Мы так далеко шагнули вперед от той эпохи. Возьмите рядовых писателей той эпохи,— они скучны, вы не будете их читать, а когда возьмете произведения первоклассных мастеров, то вы с увлечением будете их читать. А что вас увлекает? Форма.

Те сетования, которые наблюдаются среди наших партийцев на тяжелую обязанность участия в 7—8 собраниях в неделю, вполне резонны. Жалуются на скуку, которая царит на этих собраниях. Эта скука в значительной мере зависит от того, что мы увлекательные и интересные вопросы подаем и предметы преподаем очень сухо, большей частью в назидательном тоне,— вот так, как я говорю остаток своей речи. А между тем самый неудачный метод преподавания — это назидательный метод, а самый лучший метод — метод простого рассказа. Если к простому рассказу еще прибавить немного юмора, то аудитория великолепно воспримет.

«Статьи и речи 1919—1935», стр. 202—205.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ОРГОТДЕЛА ВЦИК

(1931 год)

...Чем значительный слой коммунистов страдает? Основное это то, что они мыслят формулами, они стремятся говорить словами из резолюций съезда, ЦК или по меньше мере МК. Это схоластика, а не марксизм. Между прочим, когда человек в своих речах употребляет готовые формулы и говорит уже готовыми формулами, конечно, это гораздо легче, потому что тут тебя ни в каком уклоне не обвинят, потому что, в случае чего, он скажет: позвольте, это слова из такой-то резолюции. Марксист должен не формулой мыслить... Тот, кто говорит готовыми формулами, тот не думает, а просто их заучивает. Между тем марксизм заучивать нельзя, его можно продумать, изучать. Поэтому и нам в наших речах нужно избегать готовых формул. В докладах их можно применять для подкрепления, но в разговоре нужно избегать. Когда я слушаю такого докладчика, то я решаю, что этот человек просто не думает. Гораздо легче говорить готовыми формулами. Такой человек не сегодня, так завтра от марксизма отойдет. Марксизм должен исходить из конкретной обстановки. Когда человек принимает какие-либо мероприятия, то он должен так ставить дело, он должен так сказать: такая-то и такая-то обстановка, такое-то и такое-то обстоятельство я учел, и это вызывает меня на такие-то меры. Это будет марксистский подход, а если просто сказать: борись с «правым» и «левым» уклонами, примиренчеством,— то это, по существу, ничего не сказать. Это уже приелось. И когда просто говорят о переделке работы Советов, то это также уже приелось, нужно говорить о том, как переделывать, как перестраивать работу Советов. Я вам не хочу сейчас открывать Америки, пусть каждый своей головой поработает.

«Советы агитатору», стр. 82—83.

ИЗ БЕСЕДЫ СО СТУДЕНТАМИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

28 мая 1938 г.

Я хотел обратить ваше внимание вот на что. Товарищ начинает свою речь с того, что он пастух. И это не он один. Почти все так начинают. Это очень трафаретный прием. Если это говорит колхозник, то это понятно. А от студента, грамот-

ного человека, руководящего работника не требуется — кто он был, а нужно знать, кто он сейчас. А кто он был, так эта стадия давно прошла и ее пережевывание ничего не дает, потому что великолепные бюрократы выходят из пастухов и из сыновей кулаков получаются хорошие работники. Это, конечно, не исключает общую оценку, что если брать в средних величинах в общей прослойке, то среди потомков кулаков мы найдем больше врагов, чем среди потомков середняков или потомков пастухов. Но вот сейчас вам совсем не следовало начинать с этого.

От такого трафарета нужно отойтч. И здесь вы так выступили и на собраниях так скажете. Вы ученые люди, у вас должен быть развит вкус, вкус деликатного. Я не хочу вас обидеть. Но когда слышишь, что человек говорит, что он пастух или сын пастуха, то этим он выказывает внутреннюю гордость, такую же, как тогда, когда прежде говорили: я дворянин. Поэтому тыкать этим не следует. Когда вас об этом спросят, тогда вы скажете: я такой-то, мое происхождение такое-то... Эта гордость имела значение в начале революции, это имеет значение, когда об этом говорит колхозник или рабочий, который только что поднимается. Но когда уже человек поднялся на сравнительно высокую ступень знания, тогда тут нечем гордиться. Никто не спросит у знаменитого ученого Павлова, сын ли он пастуха или графа. И для Горького важно не то, что он сын баранщика, а что он великий писатель. А начало такого выступления, как было у вас, очень трафаретно. Если вы так выступите на собрании, то публика, почувствовав трафарет, невнимательно отнесется и к последующим вашим словам...

Речь надо начинать прямо с существа дела или с чего-либо интересного, что привлечет внимание. Разве вы не замечали, что если начать трафаретно, то внимание слушателей не концентрируется, а если начать с чего-либо необыкновенного, то внимание сразу приковывается? Надо отучаться от этого трафаретного начала. Кичливость происхождением — это, до известной степени, уже архаично. Это еще было понятно в первые годы революции, а теперь, когда мы 20 лет уже сами хозяева, нам эта кичливость не нужна. Класс, который идет впереди и сам твердо верит в себя, в этом не нуждается... Все сейчас знают, что пастухи, пролетарии, бывшие бедняки у нас сейчас хозяева нашей земли, так нам нечего об этом говорить. Вот если начнется какой-нибудь спор и кто-либо скажет: «Ну, я вот рабочего происхождения» и т. п., тогда вы можете ему тоже ткнуть: «Что же, что ты рабочий, я и сам сын пастуха...»

«О коммунистическом воспитании», стр. 113—114.

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ УЧИТЕЛЕЙ-ОТЛИЧНИКОВ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ШКОЛ, СОЗВАННОМ РЕДАКЦИЕЙ «УЧИТЕЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ»

28 декабря 1938 г.

Почему вы, когда рассказываете, то стремитесь говорить готовыми формулами? Вы же учителя, вы русский язык знаете. А знаете, что значит говорить готовой фразой? Это значит, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык. Готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают. Вы опасаетесь, что если по-своему скажете, это будет не столь красиво. Ошибаетесь. Она лучше будет слушаться, ее доходчивость больше.

У вас в действительной жизни — большая связь с крестьянством, с населением. Но когда вы рассказываете о ней, то эта связь выглядит, как какая-то «техническая» связь: столько-то собраний устроили, столько-то бесед провели. Как будто вы не о жизни говорите, а о «технике» сношений между крестьянством и учительством. А ведь вы не только на собраниях и во время бесед встречаетесь с людьми. Надо говорить о *содержании* ваших сношений с населением.

Эти сношения имеют и политическую и психологическую и другие стороны, которые проявляются в нормальной человеческой жизни. Но в вашем изложении нет этой тесной, органической связи. Может быть, я стал слишком стар и потому не могу ее уловить. Но ни одного звука я не слышал, в чем у вас трудности, что и где вас жмет. Вы только повторяете готовые фразы. Это формализирует речь. Каждый должен стремиться говорить своим языком, языком, какой ему мать дала. Самый лучший язык — материнский язык, поверьте моей совести. Мы говорим: учитель, учитель, великое дело быть учителем. И это правильно. Но что же будет, если учитель станет преподносить людям только готовые формулы?

Вы вот, последний из говоривших товарищей, работаете в деревне, как будто довольны своим положением; вы рисовали дело так, что очень хорошо теперь живете. Но вот, мне кажется, если прочесть стенограмму вашей речи, то люди будут мало верить тому, что вы говорили. И не потому, что это неправильно, не потому. Во-первых, скажут, что товарищ немного себя хвалит. Проскальзывает: я то-то и то-то сделала. Как только почувствуют люди, что кто-нибудь себя немного хвалит и выдвигает, так настораживаются. Я вам скажу прямо: у вас было много красивых слов, а души не чувствовалось. В ваших словах не чувствовалось души. Этим я вовсе не хочу

сказать, что у вас души нет. Ничего подобного. Я хочу сказать только вот что: то внутреннее состояние, которое у вас действительно есть, вы стремитесь выразить ходячими формулами. Внутренние же чувства живой человек изливает обыкновенно своим, простым словом, не прибегая к готовым формулировкам. Поэтому когда грамотный человек прочтет вашу стенограмму, то он подумает — искусственность. Искусственность. Нет естественного внутреннего состояния. Много слов, горячих слов, слов, говорящих о том, что удовлетворены работой, увлекаетесь этой работой, а слова неубедительны, потому что они не собственной обработки, а готовые. Поняли? Скажите, вру я или нет? Искусственно ведь у вас получается? (С места: «Правильно».)

Вот представьте себе, что с таким изложением, с таким докладом перед народом выйдут и будут говорить. Как вы думаете, что получится? Вас послушают и уйдут, даже вопроса не задавши, а если зададут, то мало.

Поэтому первое, что требуется от учителя, это собственный, матерью данный стиль речи. Изучай грамматику, чтобы речь была правильна, но говори естественным, обыкновенным языком.

Я должен сказать, что учительская работа — одна из самых трудных работ. Мне даже кажется, что учителем надо родиться. Я говорю об учителе в подлинном смысле этого слова. Иные люди много знают. Я знаю много людей, которые великолепно владеют предметом, а если назначить такого человека учителем, он не сумеет хорошо свой предмет изложить. Надо не только знать предмет, но и уметь изложить его так, чтобы он хорошо воспринимался слушателями.

Так вот, я и думаю, что перво-наперво надо, чтобы язык был нормальным. Ребят не приучайте к трафарету, к готовым формулам,— это у них «проскакивает» мимо ушей.

Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее. Надо, чтобы слово было уместно и своевременно сказано, чтобы оно само выходило. А тут получается, что человек механически говорит. Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль.

Нужно избегать говорить готовыми формулировками, когда человек берет памятью, а не прорабатывает мозгами. Язык, на котором вы общаетесь с населением, делайте простым, своим, применяя естественный стиль. Если стиль неестественный, то получается отталкивающий привкус. Многие из вас, наверно, помнят (а, пожалуй, и нет) старых женщин-начетчиц, которые по монастырям ходили. Их много было в нашей стране до революции. Если одну из них послушаешь, то вторая точно

так же бубнит: «Господь, матерь божия сподобила видеть святой лик». Нельзя на них походить. Язык наш богат, и вы его не коверкайте, не портите и ребят приучайте к этому. Как ребят приучить к этому? Требуйте, чтобы они сначала думали, а потом говорили, но не говорили, а потом думали. В этом основа.

«О коммунистическом воспитании», стр. 138—140.

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ УЧАЩИХСЯ ВОСЬМЫХ, ДЕВЯТЫХ И ДЕСЯТЫХ КЛАССОВ ПОЛНЫХ СРЕДНИХ ШКОЛ БАУМАНСКОГО РАЙОНА ГОРОДА МОСКВЫ

7 апреля 1940 г.

С этой трибуны сегодня выступали отличники учебы. Я должен сказать вам, товарищи отличники, что вы говорите хорошо, красиво, но — простите за откровенность — совсем неоригинально. Конечно, такая откровенность обидна для вас, но я говорю это не для того, чтобы обидеть вас, а для того, чтобы вы поняли самое главное, что необходимо в учебе. Речь ваша построена грамотно, придраться в ней абсолютно не к чему. Со всех точек зрения это гладкая речь. Вашу речь можно и в ученическую стенную газету поместить. Редактор за нее не получит выговора. Но такая речь никого не взбудоражит, она ничего не даст ни уму, ни сердцу. Ведь вы же молодежь. У вас даже обыденная речь приобретает волнующую форму. А лучше всего доходит речь, которая задевает за живое, вызывает одобрение или возражение. Это первый признак того, что оратор имеет какую-то самостоятельную живую мысль.

Но, товарищи, это дело наживное. Вы еще молоды, у вас все впереди. Потому-то я так смело и говорю вам, что ваша речь совсем неоригинальна. Если бы вам было по пятьдесят лет, то я бы вам этого не сказал из опасения, что вы никогда оригинально не будете говорить. У вас еще вся жизнь впереди, и вы будете говорить оригинально. В этом я не сомневаюсь. Но пока что вы стремитесь говорить не своими, а чужими, уже

готовыми фразами. В ваших выступлениях не пробивается собственная, живая мысль. Ваша речь — это свет луны, который не греет.

Из всех вас, пожалуй, только один последний оратор, товарищ Кариб, говорил своим языком. По ходу его речи видно было, что он обдумывает свои фразы, что у него есть какая-то своя мысль. А это и есть самое важное.

Предположим, к вам пришел человек из комитета комсомольской организации. Он так навострился говорить, что может произнести речь когда угодно и по любому вопросу. Его речь течет непрерывно, гладко и красиво, как большая река в живописных берегах. Но эта речь красива только по внешности, а самого главного, то есть души, в ней нет. Это пустоцвет. И такой оратор ничего не даст, потому что он не думает над своими фразами. Такой оратор не захватывает внутренним содержанием своей речи. Слушающие его речь могут только сказать: ах, как красиво говорит. И больше ничего.

Предположим теперь, что к вам пришел не такой «златоуст», а просто вдумчивый человек. Речь его не блещет красотами и даже часто обрывается. Видно, что он думает и говорит, говорит и думает. Когда он останавливается, обдумывая свои фразы, то заставляет думать вместе с собою и всю аудиторию, которая следит за ним, следит за ходом его мысли. Слушающие речь такого оратора могут сказать: он выдвинул определенную мысль. На эту мысль они реагируют: соглашаются или отвергают, спорят или одобряют, негодуют или приветствуют.

Вот к такому примерно оратору приближается товарищ Кариб. Принципы и метод такого оратора надо всем вам усвоить, чтобы вы думали, чтобы сами строили свои фразы, а не говорили готовыми, заранее построенными формулами. Тогда, в частности, будет видно, знаете вы или не знаете русский язык.

Вот здесь выступали восьмиклассники, девятиклассники и десятиклассники, да притом еще отличники учебы. Говоря теоретически, то есть исходя из учебных программ, они должны хорошо знать русский язык и правильно выражаться по-русски. Но, к сожалению, я не могу сказать — знают они или не знают русский язык, потому что они ничего не сказали своего, потому что они говорили готовыми фразами, по трафарету. Вот когда говорил товарищ Кариб, то он сам строил свои фразы. А когда человек сам строит свою фразу, то можно видеть — знает он или не знает русский язык, научила его школа или не научила излагать свои мысли. Вот этого пути, то есть пути товарища Кариба, и должны придерживаться советские школьники, если они действительно хотят работать

серьезно, если они не смотрят на школу, как на данное богом наказание.

Это я говорю вам неспроста. В самом деле, бывает так, что некоторые смотрят на школу, на учебу, как на что-то принудительное и обременительное, как на чистилище, которое надо пройти, чтобы попасть в «рай». Если вы смотрите не так, если вы считаете, что учеба — это счастливая возможность, которую необходимо использовать до конца, чтобы получить образование и расширить кругозор, тогда надо самим строить свою речь. Это в одинаковой степени относится и к вашим сочинениям, и к решениям разных математических задач, и к упражнениям по черчению и рисованию, и т. д. и т. п.

Допустим, что вы пишете сочинение и при этом часто прибегаете к «услугам» более успевающих учеников или просто «сдираете» со шпаргалки. Это, товарищи, гиблое дело; так вы никогда и ничему не научитесь. Лучше написать хуже, но обязательно самому. Пусть вам при этом придется тысячу раз переделать и переписать то, что вы сочините сами, но вы не страшитесь этого и не щадите своих сил; это приучит вас к самостоятельной работе, в этом-то и выражается самостоятельность.

Или взять, например, доклады. У нас много разных докладчиков. Бывают такие докладчики, которые могут говорить по два, три и даже пять часов, отделываясь общими местами и бросая крикливые лозунги, чтобы люди через каждые 15—20 минут аплодировали. Это не трудно. Это легче всего. Для такого доклада не требуется большого ума. А вот сделать доклад с меньшим количеством слов, да еще таких слов, которые обдуманно подберет сам докладчик,— пусть будет даже коряво,— это куда труднее.

Здесь вы собрали отличников учебы. Конечно, когда собираются лучшие ученики, то с ними легко договориться, что надо сделать для того, чтобы не было отстающих. Но было бы не плохо собрать отстающих учеников и с ними поговорить, почему они отстают и что надо сделать для того, чтобы они не отставали.

Сегодня я не думал выступать. По совести сказать, я ожидал, что здесь будет горячий бой, что вы расскажете, что плохо в школе, чего не хватает. Между тем ваше собрание превратилось в торжественный митинг. Но где много торжественности. там нередко мало содержательности.

«О коммунистическом воспитании», стр. 148—151.

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ ЦК ВЛКСМ С СЕКРЕТАРЯМИ ОБКОМОВ ВЛКСМ ПО РАБОТЕ СРЕДИ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ И ПИОНЕРОВ

8 мая 1940 г.

Товарищи, я не хотел выступать, но товарищ Михайлов говорит, что так не выйдет. Что же сказать вам в связи с настоящим совещанием? Мне кажется, что в ваших докладах не хватает многих очень существенных элементов.

Вы секретари обкомов ВЛКСМ по работе среди школьной молодежи и пионеров. Мне хотелось бы уразуметь, что это значит. Я боюсь назвать себя старым человеком, но все-таки я около того и поэтому оперирую старыми сравнениями. Какое место можно было бы найти для вас в старом министерстве просвещения? Я искал, искал и ничего не нашел даже приблизительно подходящего.

Надо думать, что ваша задача, основная задача — это политическое проникновение в школу, в учительскую среду, с тем чтобы помочь партии и советской власти в коммунистическом воспитании советских детей. Вот здесь выступали многие товарищи и делали доклады о своей работе. Чувствуется, что на данное совещание собрались люди культурные, люди с образованием. Я могу отметить, что доклады вы делаете хорошо. Наиболее блистательный доклад сделала секретарь ЦК комсомола Белоруссии. Но я думаю, что она могла бы сделать иной доклад, если бы не опасалась самостоятельности. По существу ее доклад не отличался от других докладов. В смысле содержания все ваши доклады одинаковы. Почему они одинаковы? Потому что они носят, так сказать, организационно-административно-дисциплинарный характер. Все вы говорили здесь в плане надзора и в тоне власти. Это первый крупный недостаток.

Довольно-таки показательно, что ни один из вас не остановился на методике преподавания, ни один человек не обмолвился об общем культурном уровне советского учительства и в особенности комсомольцев-учителей, которые должны быть ведущими фигурами в школе. Я спрашиваю вас: встречали ли вы среди комсомольцев-учителей таких ведущих людей в педагогике или в какой-нибудь другой области школьной работы? Если встречали, то об этом надо было сказать. А если не встречали, то это позор для вас. Ведь такие люди наверняка есть в нашей школе, не может быть, чтобы их не было. Это очень важный вопрос. Между тем он как будто и не стоит в поле ва-

шего зрения. Так как вы упустили этот вопрос, это значит, что вы еще не совсем уразумели свою роль.

Быть секретарем комсомольской организации по работе среди школьной молодежи и пионеров — это значит быть образцом для сотен и тысяч учителей. Ведь вы сами говорили здесь, что у нас не менее 30 процентов учителей в комсомольском возрасте. Ну, а если они берут с вас пример, то, вероятно, они делают такие же организационно-административно-дисциплинарные доклады. К сожалению, никто из вас не рассказал, как живут и работают учителя-комсомольцы. Это второй крупный недостаток.

Далее. Если вы стремитесь навести порядок и дисциплину в школе,— а к этому необходимо стремиться,— то это требует прежде всего поднятия авторитета учителя. Я не беру отдельных случаев, когда встречаются учителя, которые не имеют авторитета либо потому, что слабо знают свой предмет, либо потому, что при хорошем знании своего предмета не умеют его преподавать, либо потому, что вообще работают ни шатко, ни валко. Я беру те случаи, когда имеются налицо объективные и субъективные условия для роста авторитета учителей, и спрашиваю вас: что вы сделали для поднятия и укрепления этого авторитета? К сожалению, вы совсем не остановились на этом вопросе, вы даже не рассказали, поднимается ли вообще или не поднимается авторитет учителей, а если поднимается, то как это обеспечивается, какими путями достигается. Это третий крупный недостаток.

Далее. Я считаю, что секретари комитетов комсомола по работе среди школьной молодежи и пионеров должны быть очень культурными людьми. Этим я вовсе не хочу сказать, что вы должны быть узкими специалистами-педагогами. Нет, не о том идет речь. Пожалуй, если вы будете узкими специалистами-педагогами, то можете кое-что даже напортить в своей работе. Вы должны быть высококультурными людьми в смысле общей эрудиции, то есть вы должны быть основательно знакомы с общими и специальными трудами по основным вопросам школьного дела, по основным отраслям науки, искусства и техники, вы должны хорошо знать художественную литературу и т. п., потому что вы являетесь образцом для учителей-комсомольцев. Вы должны быть высококультурными в смысле умения правильно держаться с учителями, в смысле умения обращаться с людьми вообще, в смысле такта. Если вы овладеете этими элементами культуры, то вы легче и скорее узнаете духовные запросы и интересы советского учительства, вы без труда узнаете, что люди читают, какие произведения больше всего любят, как относятся к литературе вообще, и, наконец, вам легче будет узнать настроение учительства и школьников.

Только тогда вы станете действительными помощниками партии и советской власти в коммунистическом воспитании школьников. К сожалению, об этом вы тоже ничего не говорили. Это четвертый крупный недостаток.

Мне кажется, что вам надо делать свои доклады совершенно по-другому. Судя по многим данным и, в частности, по тому, что вы не лишены дара красноречия, это вполне в ваших силах. Правда, для этого надо будет серьезно поработать, многое продумать, ибо здесь будет подстерегать вас опасность, здесь могут быть срывы, ошибки. Но комсомольцам не к лицу бояться трудностей и пасовать перед опасностями. В ваших выступлениях должны бить ключом творческая мысль и инициатива. Конечно, когда это необходимо, то надо иметь и организационно-административно-дисциплинарный уклон в докладе, но все же его следует наполнять политическим содержанием и стремиться к тому, чтобы из доклада выпирали те культурные ценности, которые растут и развиваются среди учащихся, среди учителей.

«О коммунистическом воспитании», стр. 156—159

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДА МОСКВЫ

21 апреля 1942 г.

...Что требуется от секретаря партийной организации, чтобы он имел действительное влияние на массы, чтобы массы к нему прислушивались, чтобы они ему верили? Само собой разумеется, что партийный руководитель, пропагандист, агитатор должен быть человеком идейным, глубоко преданным Коммунистической партии, должен хотя бы в общих чертах знать историю нашей партии и понимать задачи, которые наша партия ставит перед рабочим классом, народом. Партийный руководитель, пропагандист по уровню своего политического развития должен быть во всяком случае не ниже других, ему не мешает иметь и определенную общекультурную подготовку. Как же подходить партийному работнику к массам?

Первое. Как мне представляется на основании собственного многолетнего опыта, требуется, чтобы партийный руководитель не был гордецом, зазнайкой. Если вы в разговоре с рабочими или рядовыми партийцами хоть каким-нибудь жестом, интонацией голоса, незначительной, случайной, казалось бы, фразой

дадите понять, что вы считаете себя умнее их, больше знаете, то вы пропали. Рабочий и вообще рядовой человек не любит людей, которые себя высоко ставят, и прислушиваться к ним не будет, а в подходящий момент и крепко им об этом напомнит...

Итак, мы пришли к тому, что агитатор должен быть скромным; особенно этим качеством должен обладать партийный работник, имеющий, так сказать, партийно-административную власть, секретарь партийной организации. Если он хочет пользоваться любовью рабочих, он должен воспитать в себе качество скромности, не зазнаваться. Верно я говорю? (Голоса: «Правильно, правильно!») Кто хочет быть руководителем, должен за собой следить.

Второе. Не годится, когда пропагандист, руководитель в общении с массами пропитан духом поучения. Вы, наверное, и сами замечали, что когда оратор только и знает, что говорит: нужно то-то да то-то, мы должны да мы обязаны,— как-то неприятно даже становится и слушать такого оратора. Когда я пишу статью и по ходу мысли следует сказать, что «надо сделать», мне самому как-то претит это, и я стараюсь заменить такую формулировку. Совсем другое дело, когда свою мысль, обращение, призыв ты выражаешь путем рассуждения, анализа, путем доказательства необходимости того или иного мероприятия. Можно ведь обратиться к аудитории, как бы советуясь с ней: «Как вы думаете, если так сделать», «Мне кажется, что так разрешить вопрос было бы лучше», «Я бы поступил в данном случае таким-то образом». Тогда это будет и воспринято иначе.

Мы говорим в данном случае о выступлениях на узких собраниях, на производственных совещаниях, при проведении бесед. Разумеется, на тысячных митингах форма выступления будет иной: там каждая фраза должна быть короткой, строго очерчена, там трудно прибегать к форме собеседования. В вашей же повседневной работе чаще всего требуется вызвать на обсуждение, на разговор самих рабочих, и тут такая форма — «Как думаете, как вам кажется» — будет более приемлема. Весьма ценно раскачать людей, вызвать их на обмен мнениями, чтобы они высказывались. Тогда собрание пройдет оживленно, рабочие будут охотно говорить и польза от такого собрания будет бесспорная. А то ведь иногда бывает, как раньше на молитве. Оратор сам по себе, аудитория сама по себе; отсидели положенное время — и разошлись.

Не бойтесь отступать от плана своего выступления или собеседования. Говорите о производстве или о войне, а подвернулся другой вопрос, на который народ откликнулся,— ничего, мимо проходить не надо. Раз людей расшевелили и они от-

кликнулись, то уж дальше все слушать будут, и намеченные вопросы сумеете обсудить.

Самое же главное — никогда не увиливайте от постановки острых вопросов, к чему некоторые ораторы частенько прибегают. Ни в каком случае к этому не прибегайте, не уклоняйтесь от ответа, не смазывайте поставленных вопросов. Если не можете тут же ответить на тот или иной вопрос, прямо и скажите: «Вопрос интересный и важный, я бы на него с удовольствием ответил, но сейчас к нему не подготовлен, он мной не продуман, затрудняюсь, как на него ответить. Я выясню, посоветуюсь с товарищами и тогда вам отвечу. А может быть, из вас найдется кто-нибудь, кто может этот вопрос разъяснить?» Это будет совершенно другое дело. А у нас любят иногда обходить злободневные вопросы или разъяснять их так, что люди ничего не поймут и прямого, правдивого ответа не получат.

Партийному руководителю следует быть абсолютно честным в отношении других людей. Секретарь парторганизации — это партийное око. Не знаю, вполне ли вы это сознаете. Поэтому всякие личные симпатии и антипатии по отношению к людям должны быть отведены в сторону. Если есть люди, которым вы по тем или иным причинам не совсем симпатизируете, то вы должны это так глубоко спрятать в себе, чтобы никто об этом и не догадался. Плохо будет, если заметят, что вы не беспристрастны в своих отношениях к людям.

Бывает ведь иногда так, что середнячок все помалкивает да держится в сторонке, но работает хорошо, а другой и неважно работает, но часто ходит в партком, фабзавком, в комсомольскую организацию, всегда на виду — и его выдвигают. Это не годится. Если секретарь парткома хочет иметь авторитет, он должен быть чист в глазах масс. Это не значит, что он не может иметь более близких, личных отношений с определенными людьми. Нет, конечно. Но в своих общественных отношениях он должен быть беспристрастен ко всем людям. Он должен поставить себя так: «Ты мой дружок, это очень хорошо, но если ты небрежно относишься к работе, погуливаешь, увиливаешь от производственных заданий, то я с тебя спрошу больше, чем с другого, и сильней взгрею». Вот как должен подходить к людям секретарь партийной организации.

Во всем надо поступать так, чтобы люди, окружающие тебя, чувствовали твою искренность и честность. Лицемерие от масс никак не скроешь, и поэтому изо всех сил избегайте этого. Массы не обманешь, и если люди заметят, что человек лицемерит, ему никогда больше не будут верить.

Вот если эти качества мы будем в себе воспитывать, то легче тогда будет и работать.

А теперь поставим вопрос, каким образом надо подходить к партийно-массовой работе, как проводить ее, как ставить перед массами те или иные вопросы. Все вопросы надо ставить по-партийному, подходить ко всему партийно.

Вот проводится подписка на заем. Ясно, что на месячный оклад в настоящее время все подпишутся. И я как агитатор прямо и сказал бы рабочим: «Теперь на заем в размере месячного заработка люди подпишутся даже и с невысокой зарплатой. Вы же знаете, какое положение переживает сейчас наше государство. У нас большая армия, огромные расходы, государству нужны деньги, их нужно откуда-то брать. Или идти на инфляцию или нужно помочь государству и дать деньги в виде займов. Только так можно вести войну, другого выхода нет». На это могут сказать: «Но нам-то жить тяжело».— «Потому и тяжело, потому и хлеб продается по карточкам, что война. А если бы было много хлеба, много тканей, одежды, обуви и прочих товаров, то мы не стали бы и заем проводить, а просто открыли бы магазины, наполнили бы их товарами и деньги бы потекли. Потому заем и проводится, что не хватает денег, потребительских товаров, что производятся снаряды, вооружение, что товары идут на нужды армии, войны».

Товаров мало не только у нас, их нет и в других странах, в особенности в фашистских или ограбленных немецкими фашистами странах. И вот тут-то и следует развить положение, что мы в этом меньше всего повинны, что на нас напали; следует разъяснить империалистическую сущность войны гитлеровской Германии. Можно прямо спросить рабочих: «Что же, вы хотите, чтобы нас побили?» Но я знаю, что вы боитесь даже произнести это слово. А я бы не один раз переспросил того, кто плохо подписывается: «Что же ты хочешь, чтобы нас побили?» Тут одно из двух: или нас побьют или нужно пожаться. Возьмите пример с ленинградцев: какие они трудности переносят и как они героически держатся. Так надо ставить вопросы перед трудящимися, это будет партийная постановка.

На одном большом заводе, выступая перед рабочими, я прямо так и сказал, что государство от нас требует, чтобы мы поменьше потребляли и побольше производили; резко поставил вопрос и объяснил, что не потому мы этого хотим, чтобы рабочие, служащие у нас недоедали, а только потому, что товаров у нас сейчас меньше, нужды фронта больше, а враг нажимает. Не бойтесь резко ставить вопрос, лишь бы это было правильно, по-партийному.

Если на заводе знают, что вы не любите лицемерить, не увиливаете, не зазнаетесь, то ваши слова дойдут до сознания каждого. Иначе вам не поверят и скажут: «Знаем тебя, нам-то

ты советуешь, а сам думаешь другое и поступаешь не так, как говоришь». В лицо, может быть, этого и не скажут, но потихоньку, конечно, говорить станут.

«О коммунистическом воспитании», стр. 256—261.

ИЗ РЕЧИ НА СОВЕЩАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ ОБКОМОВ КОМСОМОЛА ПО ПРОПАГАНДЕ

28 сентября 1942 г.

Каждый исторический момент требует своей особой формы агитации и пропаганды. Несомненно, что в настоящее время у нас формы агитации не могут быть такими же, какими они были, предположим, два года тому назад. И это естественно. Если мы придем сейчас в массы с такими же формами агитации и пропаганды, как прежде, то они окажутся малодейственными, они не создадут у населения того впечатления, какое производили до войны. Например, если бы мы пришли на колхозное собрание какого-либо большого села и там выступили бы с речью, пересыпанной веселыми вставками, анекдотами, или напыщенной, то два года тому назад эту речь, может быть, и встретили бы с удовольствием, посмеялись бы, поаплодировали, народ остался бы и доволен. А можно ли сейчас выступить с такой речью? Конечно, нельзя. Сейчас народ переживает большие невзгоды; много людей, которые потеряли близких им лиц; население сейчас выполняет огромную и очень тяжелую работу, а удовлетворение его потребностей сильно ограничено. Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее. Следовательно, агитация и пропаганда должны соответствовать сложившейся обстановке и настроению людей.

Но какие же должны быть формы агитации и пропаганды и где их искать руководителям комсомола по агитации и пропаганде? Где их искать, на каких примерах следует учиться?

Надо сказать, что наша пресса не богата еще новыми формами агитации и пропаганды; она начинает только все более и более выявлять их. А где же больше учиться, как не у прессы, где выступают наиболее квалифицированные люди? Разумеется, самым лучшим материалом для агитаторов сейчас являются военные корреспонденции. Это естественно: ведь сейчас нет жизни вне войны. У населения нет переживаний, не связанных в той или иной мере с войной, с ее успехами и неудачами. В связи с этим и вы, руководители пропаганды

среди молодежи, свое главное вдохновение в агитации и пропаганде должны черпать и из этих источников.

Есть ли такая возможность, имеются ли образцы для использования в агитационной работе?

Я считаю, что есть, хотя их и немного. Но с каждым днем в прессе появляется все больше зрелых статей, из которых уже можно черпать материал, можно до известной степени подражать им, учиться на них. Разумеется, когда я говорю — подражать, то речь идет не о механическом подражании: это мало действенный способ, а подражать нужно с известной переработкой, применительно к местным условиям, к данной категории населения, к характеру той аудитории, перед которой вам приходится выступать.

Я считаю статьи Тихонова и Симонова хорошими, например, военными корреспонденциями; в военных изданиях есть материал агитаторам. Вот вы все хотите приехать в Москву и получить тут помощь и указания, как агитировать. Но ведь трудно указать это, да и как можно передать, показать формы агитации? Каждый человек по-своему строит ее. Я считаю, что главный источник, где можно учиться агитации и пропаганде,— пресса...

В агитации и пропаганде следует всячески избегать шумихи. Теперь не то время, чтобы аудитории можно было преподносить шумливые речи, риторику и поучительную дидактику. Это сейчас мало воспринимается. Если прийти сейчас на рабочее собрание или на собрание колхозников и начать произносить высокопарные речи, поучать, то могут сказать: «Что это вы нас поучаете?» Теперь нужно толково и терпеливо разъяснять людям то, что происходит в жизни, правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях.

Если вы будете выступать с агитационно-пропагандистскими речами без выкриков, без риторики, без наставлений и поучительности,— я понимаю, конечно, что это трудновато бывает,— то, несомненно, ваша агитация и пропаганда будут иметь более действенный характер...

Я хотел бы вам посоветовать в агитации и пропаганде избегать употребления вычурных слов. У нас любят иногда к этому прибегать. Например, в прессе часто встречается выражение «сверхметкий стрелок». Некоторые люди, вполне владеющие русским языком, задавали мне вопрос: «Скажите, как же он стреляет, что он сверх цели, что ли, стреляет?» Конечно, такой вопрос звучал ядовито. Кто-то употребил это вычурное выражение, и оно пошло гулять по газетам. Но это слово не выражает определенного смысла. Ведь если охотнику, который очень метко бьет дичь, сказать, что он сверхметкий стрелок, то он на это только рассмеется. В самом деле, что

может означать такая «сверхметкость»? Что данный человек выполняет что-то сверх плана, сверх 100 процентов? Имейте в виду, что при этом теряется мерило меткости. Это выражение неправильно как с точки зрения русского языка, так и по существу. К тому же оно и просто вредит делу. Почему? А вот почему. Предположим, сверхметкий стрелок дает 100 процентов попадания, ведь сверх 100 процентов попадания дать нельзя, тогда, значит, человек, имеющий 80 или 90 процентов попадания, будет метким стрелком, при 70 процентах — хорошим, при 60 процентах — удовлетворительным. Вот к чему это приводит. А все это происходит оттого, что люди не придают значения смыслу слов, и употребление таких слов, как «сверхметкий», показывает лишь стремление к вычурности, а в результате приводит к бессмысленности. Агитаторы и пропагандисты должны избегать надуманных слов — они ни к чему.

Нередко в газетных заметках можно встретиться с хвастовством. Недавно я прочел в газете описание одного боевого эпизода, в котором говорится, как командир роты лейтенант такой-то провел наступление в соответствии с возможностями роты и взял населенный пункт. Рассказав о всех стадиях боя, корреспондент добавляет, что лейтенант взял данный населенный пункт по-суворовски. Можно ли в данном случае так сказать? Можно, конечно, но все же термин «по-суворовски» нужно применять очень осторожно. Если мы будем применять этот термин к каждому относительно небольшому боевому действию взвода, роты, то этим мы снижаем его значение. Выходит, что действия Суворова — великого полководца, прославившегося в ряде блестяще проведенных военных кампаний,— корреспондент приравнивает к важному, но относительно ограниченному по своим масштабам боевому действию. Мы должны лейтенантов поднимать до Суворова, а тут вдруг за одно удачное действие сразу окрестить — «по-суворовски». Получается как будто бы хлесткое выражение: ах, по-суворовски, кажется и коротко и хорошо, а слушателя вряд ли вы этим удовлетворите. Надо, чтобы слова были действенными, чтобы выражения, оценка поступков человека были поскромнее, чтобы люди, которым вы их говорите, чувствовали, что слова сказаны не под настроением, а продуманно слово за словом.

Я хочу обратить ваше внимание еще на одно выражение, которое довольно часто употребляется в корреспонденциях. Поскольку это выражение встречается почти каждодневно, оно может крепко запасть в память, а между тем оно также не совсем правильно и кое-кого путает. Корреспонденты сообщают: данная часть не отступила ни на шаг. Раз так сказали, два сказали, и пошло. И в то же время читают корреспонденцию с фронта, в которой говорится, что часть осталась на

своих позициях, и думают: тут не сказано, что не отступили ни на шаг, а может быть они все же отступили. (Смех.) Так вот, товарищи, когда говоришь или пишешь, особенно когда пишешь, надо думать не только о том, как сам понимаешь то или иное событие, а и о том, как его воспримут другие. В то же время призыв «ни шагу назад» имеет большой смысл, так как именно опасен первый шаг отступления, за которым неумолимо идет дальнейший отход.

К слову нельзя относиться небрежно. Небрежность в выражениях будет только мешать влиянию агитаторов и пропагандистов.

«Советы агитатору», стр. 40—41, 46, 47—49.

ИЗ БЕСЕДЫ С АГИТАТОРАМИ-ФРОНТОВИКАМИ

28 апреля 1943 г.

Каждый агитатор стремится проводить задушевные беседы. Что же такое задушевность? Я знаю, что часто агитаторы идут к бойцам с преднамеренной целью — поговорить с ними по душам. И вот уж одно то, что агитатор заранее ставит перед собой такую цель, делает беседу незадушевной. А если бы агитатор зашел к бойцам чайку попить, затеял с ними разговор о том, о сем, а затем затронул какой-нибудь интересующий их вопрос, вот тогда беседа приняла бы действительно непринужденный характер.

Другой пример. Если человек провинился и вы отечески пожурили его, прочитали нотацию, а потом сказали: «Ну, ладно, об этом я никому не скажу, но имей в виду, что если провинишься еще, то я уже скрыть не могу»,— вот это тоже будет задушевность. Когда же человек приходит со специальной целью поговорить задушевно, это почти никогда не удается.

Говоря о непринужденной беседе, я имею в виду, что люди ничем не связаны, спрашивают вас обо всем, что их интересует, и не чувствуют, что агитатор пришел к ним с определенной целью. Известно, что у агитаторов есть много заданий по специальной тематике, и их тоже нужно выполнять. Но в непринужденной беседе, о которой мы говорим, тема всплывает как бы непроизвольно.

Надо стремиться к тому, чтобы вызвать людей на обмен мнениями, натолкнуть их на спор, с тем чтобы вы были вроде судьи, устанавливали, кто из них прав.

Непринужденность не означает, что беседу не надо направлять. Направлять надо, но делать это следует так, чтобы люди не чувствовали, что вы пришли к ним с определенным заданием.

Сама форма беседы зависит от обстановки. Если аудитория большая, то беседа может принять форму лекции или митинга. Если вы пришли в блиндаж, можете построить беседу в виде ответов на вопросы. Если же хотите, чтобы у бойцов по какому-либо вопросу осталось более цельное впечатление, можете ограничить себя только этим вопросом и предупредить слушателей, что разговаривать с ними будете только на эту тему, а о других вопросах поговорите потом.

Хочу обратить ваше внимание на то, что агитатор должен опасаться выставлять себя более знающим, более умным, чем окружающая его масса. У меня многолетний опыт пропагандиста и агитатора, и я знаю, что если люди хоть чуть-чуть заметят, что агитатор гордится, считает себя умнее их, то такой агитатор пропал, не будет к нему доверия. С красноармейцами вам надо разговаривать, как с людьми, которые все понимают. А если кто-нибудь из них скажет, что он не понимает чего-либо, то вы всегда ему можете возразить: «Что ты прикидываешься, разве у тебя вместо головы кочан капусты? Я вижу, что ты все понимаешь не хуже меня. а просто хитришь». Нельзя относиться к людям пренебрежительно. Пусть про бойца говорят: «Он тумак, ничего не знает», а вы скажите: «Знаем мы этих тумаков, посмотрите-ка, еще какой боец из него выйдет. Вы-то уже побыли на фронте, научились, ну и он таким же будет» Вот если вы будете так подходить к людям, то они к вам будут относиться с уважением...

Агитатору нужно быть правдивым. Не рисуйте бойцам розовых картинок, показывайте действительность такой, какой она есть, не бойтесь показывать трудности, ведь вы имеете дело со взрослыми, понимающими людьми.

Самое трудное в агитационной работе — научиться говорить как следует. На первый взгляд кажется: что тут мудреного, ведь человек с двух лет начинает говорить! На самом деле это большое и трудное дело. В чем же тут трудность?

Агитатор должен передать свою мысль ярко, чтобы она произвела впечатление, и именно такое, какое хочет агитатор. В то же время вы должны изложить мысль коротко, потому что у вас мало времени. Мысль должна быть ясной для слушателей и понятной каждому из них. Все это очень трудно.

Языку надо учиться у классиков. Возьмите Тургенева. Где вы найдете такое, как у него, описание внешности героев его произведений? Пусть предложат каждому из вас описать хотя бы свою жену. Найдете вы для этого нужные слова? Не каждый это сумеет сделать, хотя знает близкого человека очень хорошо. Напишут общие слова. Но ведь от агитатора требуется большее: нужно, чтобы описание получилось у него красочным.

Язык для агитатора — это все. Вы разговариваете с бойцами об известных им вещах. Следовательно, вы только тогда заинтересуете их, если расскажете об этих вещах хорошо и ярко. Я не употребляю слово «красиво», потому что у нас часто увлекаются фразами, думая, что это очень хорошо, а на самом деле очень скверно сыпать трафаретными фразами. Я знаю агитаторов, которые могут говорить часа по три, но после их выступлений у слушателей в голове ничего не остается, кроме отдельных выкриков, потому что мыслей в выступлениях не было. А пред вами бойцы — простые люди, которые прошли с боями тысячи километров, видели много тяжелого, так что им общие да еще пышные фразы — нож к горлу. Им надо, чтобы агитатор ясно и коротко излагал определенные мысли. Причем хорошие мысли никогда не мешает повторить. Ничего, если вам, например, скажут: «Что это ты все про окапывание заладил?» А вы на это ответьте: «До тех пор буду вам говорить об этом, пока вы окопы не научитесь рыть; жалко мне ваших голов, если они зря погибнут».

Агитатор должен быть развитым человеком. Ему надо много читать и много над собой работать. Я бы сказал, что все свободное время агитатор должен уделять чтению...

Готовиться к беседам нужно всегда, даже если агитатор хорошо образован, начитан и знаком с военным делом. Ведь наши знания все-таки ограничены, и поэтому каждый раз надо основательно готовиться, используя свои знания с максимальной пользой. Поэтому я за то, чтобы почаще проводить тематические беседы, так как они дают больше знаний и дисциплинируют людей. Но когда почувствуешь, что тематика приелась, что хочется поговорить попросту, тогда идите к бойцам чайку попить и беседуйте с ними по душам, непринужденно. Но даже и к непринужденной беседе нужно быть подготовленным, потому что во время нее вам могут задать целый ряд вопросов. Не увиливайте от ответов и не старайтесь обойти заданный вопрос. Но и не бойтесь, если на какой-нибудь вопрос не сможете ответить. Прямо скажите: «Не знаю, поищу ответ в книгах: если найду, скажу вам».

«О коммунистическом воспитании», стр. 287—290.

ИЗ РЕЧИ НА СОБРАНИИ СЛУШАТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ЦК ВКП(б)

31 августа 1945 г.

Нам следует стремиться к тому, чтобы наши студенты сами умели формулировать свои мысли, чтобы они оперировали самостоятельно своим умственным багажом, а не цитировали только по книжкам и ни в коем случае не были, как выражался Плеханов, «опрокинутыми библиотеками».

Опыт меня научил тому, что у заурядных студентов формулировки обычно более книжные, чем у более даровитых студентов. И я считаю, что это вполне естественно, потому что последние стремятся понять и творить. Одно то, что они творят, что они стремятся выразить марксистские мысли своим языком,— это большое достоинство, и их надо к этому толкать. (Аплодисменты.)

Из чего я исхожу? Почему мы так за это ратуем? Да по той простой причине, что нам нужны не такие люди, которые знают только букву марксизма, которые только для экзамена зазубрили его формулы, а люди, овладевшие марксистским методом и умеющие применять его в практической жизни.

Ведь марксизм — это метод научного подхода к общественным явлениям. Знание марксизма-ленинизма необходимо работникам всех отраслей государственной, хозяйственной и культурной деятельности. Разве инженеру не важно, чтобы он, наряду с хорошим знанием своей технической специальности, был вооружен теорией научного социализма? Ведь тогда к каждому явлению он будет подходить сознательно, правильно. Марксистская наука дает возможность понимать не только отдельные явления, но и целые формации человеческого общества.

Маркс на основе своей доктрины дал блестящий анализ капиталистического общества. Если бы Маркс изложил только суть своего учения, а не дал анализа капиталистического общества, то как вы думаете — заняла бы его теория то действительно высокое положение в социальной науке, какое она сейчас занимает? Так вот, если Маркс не ограничился одной доктриной, а на ее основе раскрыл суть целой формации, то и каждый профессор при изложении основ марксизма-ленинизма должен давать соответствующий анализ тех общественных явлений, тех процессов, которые сейчас происходят в нашем обществе. Тогда его преподавание увлечет людей. Если профессор будет давать анализ социальных явлений, то это будет уже творческим преподаванием.

Я тоже был преподавателем... преподавателем марксизма в подпольном кружке. И вот иногда рассказываешь что-либо и сам чувствуешь, что до народа не особенно доходит. Тогда я стал прибегать к такому методу: минут 15 занимаемся теорией, а потом уже беседуем по душам, разбирая отдельные явления конкретной действительности. И, представьте, люди легко усваивали то, о чем я им рассказывал. Но если бы я занимался весь час тем, что излагал бы им одни формулы, то у нас бы ничего не получилось. Итак, вы видите, сколь необходимо для пропагандистов прибегать к тем или иным мерам для оживления занятий и лучшего понимания слушателями прочитанного. Тем более должны делать это преподаватели наших вузов.

В этом состоит творческое преподавание.

Но так преподавать, конечно, очень трудно, потому что к каждой лекции обязательно приходится готовиться, чтобы подобрать и продумать подходящий материал. Зато такое преподавание обеспечивает глубокое усвоение слушателями основ марксизма-ленинизма, закрепляя это усвоение анализом конкретных событий, конкретных фактов. А когда преподавание проводится абстрактно, то оно не дает таких результатов, засушивает предмет и даже отбивает у людей охоту заниматься им, ибо оно не расцвечено конкретными фактами.

«О коммунистическом воспитании», стр. 371—373.

Е. М. Ярославский

О СТИЛЕ, ФОРМЕ И ЯЗЫКЕ АГИТАЦИИ

Позволю себе, обобщая большой опыт агитаторов нашей партии, дать несколько советов в помощь нашим агитаторам.

Прежде всего — о чистоте речи, чистоте языка.

Тщательно следи за своей речью. Старайся говорить короче, проще. Избегай, по возможности, иностранных слов. Ленин пишет: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?..

Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит «сердиться», «дуться»...

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

Надобно ли приводить многочисленные другие примеры злоупотребления иностранными словами в речах ораторов или в статьях? Вовсе нет надобности говорить «ситуация» вместо «обстановка», «комбинация» вместо «сочетание», «функционирует» вместо «действует», «доминирует» вместо «господствует», «индифферентный» вместо «безразличный», «создавшаяся конъюнктура» вместо «создавшееся положение» и т. д. и т. п. Наши газеты часто портят этими словами язык, а ораторы перенимают этот вредный газетный жаргон.

Русский язык богат формами, образами, сравнениями, он звучен и певуч...

Великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов в книге «Русская грамматика» — эта книга положила начало современному русскому языку — писал:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким —

с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка... Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи...»

Надо помнить, однако, что семья народов СССР — большая семья, в которой каждый народ имеет право на самостоятельную культуру. Говоря о значении русского языка, надо помнить, что и другие народы СССР имеют свой богатый язык, имеющий историю, имеющий свои особенности стиля, формы произношения речи, что каждый язык имеет свои достоинства. Нельзя забывать также и то, что речь оратора дойдет до сознания и сердца слушателя кратчайшим путем, если она сказана на родном языке слушателя. Поэтому *очень важно поставить хорошо агитацию на языке того народа, среди которого живешь, к которому обращаешься.* Редкс, когда даже самый лучший перевод речи вполне соответствует сказанному на другом языке.

* *
*

Известен совет Некрасова поэтам:

Не будь многословен. «Во многоглаголании несть спасения»: в излишнем многословии нет ничего хорошего.

Стих, как монету, чекань,
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно·
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Этот совет относится полностью и к агитатору. Он также должен чеканить свое слово строго, отчетливо, честно.

* *
*

Многие не сразу могут отделаться от дурной привычки и кстати и некстати вставляют в свою речь «любимые» ими лишние словечки, вроде: «так сказать», «значит», «дескать», «то есть», «конечно», «понятно», «видите ли», «собственно говоря», «следовательно», «понимаете ли» и т. п. Это производит отвратительное впечатление, надоедает, затрудняет пони-

мание. От этого агитатору надо освободиться и можно освободиться, если он постоянно будет следить за своей речью, работать не только над содержанием, но и над формой речи.

* *
*

Не спеши, не будь тороплив в речи. Не все понимают быструю речь. Иной оратор, как горох, сыплет слова, не уследишь за его речью. Конечно, и длинные паузы между отдельными фразами или словами утомляют слушателя, делают его речь скучной, утомительной.

Научись говорить без бумажки. Если тебе надо сделать большой доклад, прочесть лекцию, можно и написать доклад, написать свою речь. Многие знаменитые ораторы древности, как Демосфен, Цицерон, целиком записывали свои речи. Но произносили их устно, не по написанному. Можно составить подробный или, лучше, краткий конспект речи. Можно только отметить несколькими строками главные вопросы, о которых надо сказать. Можно на отдельных листочках выписать цифры или необходимую для речи цитату, выдержку из документа, статьи, книги. Но при всех условиях надо стараться обращаться к слушателю с живым словом, а не читать подряд написанное. Нет ничего утомительнее для слушателя, если оратор, не глядя на слушателей, читает, как пономарь, по написанному. Там, где речь должна зажечь слушателей, чтение зачастую оставляет их равнодушными, сонными. А если еще речь длинная, то слушатели начинают с тоской думать: «Много ли еще осталось оратору читать, скоро ли он кончит?» В другой раз им уже не захочется слушать такое чтение.

Иной оратор уткнется в бумажку, конспект или написанную речь, а на слушателя даже не взглянет, избегает глядеть в глаза слушателю. Это очень вредная привычка. Из такого оратора никогда хорошего агитатора не получится. У такого оратора никогда не установится «тесного контакта», взаимного понимания с аудиторией. А без этого нет успешной агитации.

* *
*

Хороший агитатор *творит* свое слово во время речи. Он живет вместе с аудиторией. От него ждут искреннего, правдивого ответа на волнующие людей вопросы. Надо научиться отвечать на вопросы, не уклоняться от ответа. Если не можешь почему-либо ответить, так и скажи. Если тебе нужно самому узнать какие-либо данные для ответа, отложи ответ.

Но если ты вместо правдивого ответа, поставленного тебе прямо, уклонишься или ответишь неискренне, чтобы «отде-

латься» от ответа, слушатели легко почувствуют твою несостоятельность, неуверенность и потеряют доверие к твоей речи.

Речь оратора часто рождается здесь же на собрании. Опытный агитатор не нуждается в том, чтобы запасти для нее каждое слово заранее. «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово»,— писал Н. В. Гоголь. Живой и бойкий оратор за словом в карман не полезет.

* *
*

Избегай множества цифр. Цифра должна стрелять, попадать в точку. Ограничивайся, если необходимо подкрепить высказанную мысль, одной-двумя-тремя цифрами. В обстоятельном докладе, в лекции иногда необходимо обосновать, доказать то или иное положение не только отдельной цифрой, но и таблицами цифр. В агитаторской же речи множество цифр, трудно запоминаемых слушателем, оглушает его. А еще хуже, если приведешь цифру неточную. Среди слушателей всегда может найтись товарищ, точно помнящий другую цифру по этому вопросу и уже опубликованную в печати. Поэтому агитатор должен не только заучить в точности цифру, которую он приводит на память, но записать у себя эту цифру с указанием, откуда он ее взял.

То же самое относится к географическим названиям и к именам людей, участников событий. Иной оратор, чтобы «блеснуть ученостью», перечисляет множество географических названий, исторических событий и лиц. Хорошо, если он не переврет ни названий, ни исторических дат, ни имен, что нередко бывает. А если начнет перевирать, то это сразу вызовет к нему недоверие. Если оратор приводит название географического пункта, он должен сам знать по карте, где этот пункт находится. Хуже нет, если оратор на просьбу указать, где находится этот пункт на карте, окажется беспомощным, будет метаться, пыхтеть, краснеть.

* *
*

О *жесте,* о подвижности оратора нельзя, мне кажется, дать совет, применимый ко всем, обязательный для всех. Иной *от природы* подвижен. Жест оратора, *естественно,* дополняет его мысль, чувство, переживание. Иной же оратор *вырабатывает* выразительный жест. Некоторые ораторы считали выразительный жест важнейшей частью речи. Так знаменитый оратор древности Демосфен однажды ответил на вопрос, что нужно для хорошего оратора: «Жесты, жесты и жесты!»

Интересно, что царь Петр I, составляя «Духовный регламент» — нечто вроде устава для православной церкви,— посвятил особый раздел правилам для проповедников. Вот что он советует им: «Не надобно проповеднику шататися вельми (очень), будто веслом гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упиратися, подскакивать, смеятися, да не надобно и рыдать: но хотя бы и возмутися дух, надобно елико можно унимать слезы. Вся бо сия лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущают». (Цитирую по подлинному изданию, имеющемуся в библиотеке имени Ленина.)

Очень сильным оратором, усвоившим приемы французских парламентских ораторов, был Г. В. Плеханов. Но его великолепные ораторские приемы и жесты часто обдавали слушателя холодом, не трогали, не волновали. Наоборот, Ленин, избегавший всяких искусственных ораторских, «парламентских» приемов, приковывал к себе, зажигал, волновал, заставлял думать, звал к действию. Художники запечатлели страстный жест Владимира Ильича — поднятую вперед руку. Кто слышал хоть раз в жизни полную огня речь С. М. Кирова, тот никогда не забудет игры вдохновенного лица этого виднейшего народного трибуна, тот не забудет энергичный жест «Мироныча»,— иногда поднятые страстно обе руки его, словно этим движением Киров поднимал аудиторию, звал ее, вел вперед к победе.

Но смешон был бы в большинстве агитатор, если бы он пытался *подражать* жестам знаменитых ораторов. Даже очень искусные артисты на сцене, пытающиеся, например, воспроизвести характерные для Ленина жесты, кажутся иногда в этом смешными.

Театральность, надуманность, искусственность такого жеста у оратора аудитория обязательно *почувствует*. Это не значит, что у других ораторов нельзя учиться. Следите сами за другими ораторами внимательно. Учитесь у них не только хорошим формам и приемам речи, методу агитации, но старайтесь избегать всего, что вам не нравится в их манерах, что производит неприятное впечатление на других.

Лучше быть сдержанным в жестах, чем показаться крикливым. Известный психолог Бэн утверждает, что обнаружение своих чувств оратором есть мощное средство увлекать других; но часто *вид того, как оратор сдерживает свои чувства, скорее воспламеняет аудиторию.*

* *
*

Агитатор должен научиться *владеть своим голосом.* Это значит: надо рассчитать свои голосовые средства так, чтобы внимание аудитории не ослабевало до конца, чтобы слышно

было во всех концах помещения. Особенно трудно рассчитать голос на открытом воздухе на большом собрании. Но вовсе не обязательно, как это делают чаще всего неопытные ораторы, начинать с самой высокой ноты. Наверняка можно сказать, что через 2—3 минуты, самое большее через 10 минут, у такого оратора голос либо сорвется, либо он начнет говорить все тише и тише, и задние ряды слушателей будут кричать: «Громче, не слышно!»

Наоборот, надо уметь найти такой тон, чтобы потом можно было поднять голос, особенно к концу, когда настроение аудитории поднято. Умелый оратор *говорит с аудиторией:* он то поднимает голос, то понижает его. Оратор, однотонно «отчитывающий» свою речь, так же утомляет аудиторию, оставляет ее равнодушной, как и оратор, заглушающий речь криками или злоупотребляющий излишне частыми обращениями к слушателям: «Това-а-ари-щи!» Достаточно во время короткой речи агитатора один-два раза обратиться с этим словом к слушателям. Причем это слово, такое значительное, должно быть сказано так, чтобы сразу заставить аудиторию слушать: не крикливо, но вместе с тем звучно; не торопливо, но твердо, с чувством, даже властно. Сколько значения можно вложить в одно только это слово!

* *
*

Хорошо, если оратор, учитывая состав аудитории, обратится к ней так, что каждый почувствует, что и к нему обращена речь. Разве не переживал *каждый из нас* глубокое волнение, когда слушал по радио первые же слова первомайского приказа товарища Сталина? «Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда, братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск, временно подпавшие под иго немецких угнетателей!»

Каждый из нас с первых же слов призыва товарища Сталина чувствовал, что и к нему, к его сознанию, к его долгу советского гражданина обращен первомайский приказ.

* *
*

О *цитатах* из книг, статей, документов. Цитату надо иметь записанной *кратко, но точно,* на отдельном листочке или карточке. Прибегать к цитате, особенно в краткой агитационной речи, надо только в крайности. Лучше, если это можно, избегать цитат. Изобилие цитат нередко ослабляет, а не усиливает речь.

Цитаты — выдержки из книги, статьи, документа, удачное, сильное стихотворение, остроумно сказанное слово — должны делать речь убедительней, острей, ярче.

* *
*

Избегай в своей речи ненужных сокращений советских слов. Эти сокращения часто бывают многим непонятны, неблагозвучно засоряют речь, звучат, как иностранные слова. Слушатель постесняется спросить тебя, что значат эти слова, если ты вместо слов «художественный руководитель» скажешь «худрук», вместо «школьный работник» — «шкраб».

Старайся говорить короткими фразами. Избегай длинных периодов речи. Чересчур длинная фраза нередко запутывает не только слушателя, теряющего основную мысль, но и самого оратора уводит в сторону от существа речи.

* *
*

Иногда полезно для оживления речи, для заострения внимания слушателя, для пробуждения в нем чувства ответственности, активности обратиться к слушателям в форме вопроса: «Разве вы, товарищи, не чувствуете, какая острая, какая грозная опасность нависла над нашей страной? Разве вы все сделали для того, чтобы отодвинуть, ликвидировать эту опасность? Разве каждый из нас не несет ответственность перед родиной, перед партией, перед всем народом, перед историей за последствия сегодняшних боев? Разве мы исчерпали все средства для нанесения сокрушительного удара врагу?»

«Советы агитаторам», стр. 16—22.

С. М. Киров

УМЕТЬ СОЧЕТАТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕОРИЮ С ПРАКТИКОЙ

В старое время, несмотря на то, что наша партия тогда насчитывала в своих рядах очень ограниченное количество членов, мы были связаны железной внутрипартийной дисциплиной, которую теперь оппозиция попрала самым безжалостным образом. Но не она, эта железная дисциплина, была «виновницей» того исторического значения, которое имела наша Коммунистическая партия, а «виной» было то, что каждый член партии эти основы рабочего марксистского мировоззрения знал достаточно полно. Этим объясняется особая настойчивость и особая твердость, характерная для жизни и деятельности нашей партии. Тогда каждый член партии и партия в целом особенно остро чувствовали — я не могу подобрать другого выражения — огромную моральную правоту своего дела, каждый знал, что у него действительно под ногами совершенно твердая, надежная почва, соскользнуть с которой никоим образом нельзя.

И это же, товарищи, послужило главным основанием того, что наша партия, окруженная в то время самыми разнообразными течениями, о чем вы все прекрасно знаете, которые численно и в смысле своего общественного веса, если можно так выразиться, превосходили нашу партию, все-таки сумела отстоять свои позиции и сумела совершить то великое дело, которое мы сейчас продолжаем.

Все это в конечном счете, в значительной степени должно объясняться той огромной, твердой, марксистской подкованностью, без которой, конечно, то прошлое, славное прошлое нашей партии было бы невозможно.

Это, товарищи, азбука. Извините, что я вам ее напомню, но, к великому сожалению, я вынужден это сделать и вот почему. Я забегу немного вперед. Вы знаете, что мы сейчас переживаем очень серьезные внутрипартийные затруднения. Сплошь и рядом мы встречаем в своей среде таких товарищей, которые чувствуют себя плохо на тех позициях, вокруг которых развертывается борьба.

Объясняется это тем, что мы сплошь и рядом недостаточно подкованы в самых основных вопросах.

Мне приходилось часто, например, встречаться с товарищами, чрезвычайно тщательно занимающимися нашими современными, злободневными вопросами. И вся мучительность для них разрешения этих вопросов объясняется тем, что мы не от той, так сказать, печки танцуем.

Если взять задачи наших пропагандистов в старое время, то мы увидим, что пропагандист тогда изучал основы нашего марксистского мировоззрения для того, чтобы вербовать в нашу партию возможно большее количество рабочих, добиваться того, чтобы приобретать возможно большее влияние на беспартийную массу, чтобы в конце концов возможно успешнее разрешать вставшие перед нами тогда те или другие вопросы.

Теперь задача несколько сложнее. Мало того, что нам нужно подводить теоретический фундамент под нашу практическую работу, но самая наша практическая работа стала чрезвычайно сложна. Каждый шаг, каждый день существования члена нашей партии обязывает его не только изучать и знать, но и выполнять положительную работу. Однако какую бы область работы мы ни взяли, она без знаний будет хромать.

В то время, когда мы не стояли у власти, мы не были ответственны за все то, что нас окружало, но мы были ответственны за чистоту нашей партии, за чистоту ее принципов. Сейчас же марксистско-ленинскую теорию приходится вкладывать в практическую жизнь, на основе этой теории строить нашу практическую жизнь. Был бы смешон тот пропагандист, который занимался бы партийной учебой совершенно отвлеченно. В какой бы области учебы ни работал наш пропагандист, он неизбежно должен помнить, что он из своих слушателей готовит, что он сам в том или другом случае сделает, каким образом он должен приложить на практике свои знания.

Из доклада на общегородском собрании пропагандистов, 8 октября 1927 года, Ленинград.

«Избранные статьи и речи (1912—1934)», Госполитиздат, 1957, стр. 420—422.

ЗА ДЕЙСТВЕННОСТЬ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ

...Мы все очень внимательно относимся к лозунгу, скажем, рационализации производства. Мы должны всю нашу промышленную экономику перевернуть, что называется, и поставить на совершенно новые рельсы. Это каждый из нас, каждый из на-

ших товарищей в кружке, в ячейке знает. Но вот, если спросить по совести — много ли у нас таких товарищей, которые думают и знают, как все это в конечном счете сделать? Мы знаем, что будут у нас новые машины, новая техника, разные конвейеры такие, что даже Форду не снилось. Все это у нас проработано, проштудировано, прошло через газеты и т. д. Когда мы переходили из одной ступени в другую, все это мы к экзамену приготовили, все это мы знаем. Но вот как это должно быть в действительности, с какого конца и как это дело начнется, то здесь, если спросить по совести, многие в нашей миллионной партии этого дела непосредственно не разбирают. Конечно, лозунг рационализации мы все одобряем. Но как это дело начать, как это будет происходить в действительности — об этом не так-то очень многие думали. Да простят мне товарищи профессиональные пропагандисты, если взять их, то, например, у них, наверное, язык заболел, сколько раз они говорили об этой рационализации, а сами-то они думали об этом, хотя бы не для того, чтобы Америку для партии открыть, но вот так, для себя? В большинстве случаев нет. Его дело «пропагандировать» эту мысль, а там уже кто-то должен обо всем остальном подумать. Такая специализация ни к чему, потому что мы с вами — пропагандисты-агитаторы, марксисты-ленинцы, а не католические или другие попы. Если бы это нужно было для спасения души, тогда «распропагандировал» — и ладно. Но весь смысл и все значение нашей пропаганды заключается в том, что мы должны не только распропагандировать, но, распропагандировав, научить человека делать то-то и то-то. Мы партия действия — вот в чем секрет. Это в значительной мере осложняет дело. Было бы это еще, пожалуй, проще, если бы мы не были партией массовой, партией рабочего класса. Мы часто говорим о том, что Владимир Ильич был великий человек. А в чем его главное величие? Его главное величие заключалось в том, что он умел понять, почувствовать, впитать в себя огромную энергию, которая имеется в нашем рабочем классе. Вот в чем его главное величие. Были в истории человечества гениальные люди, но это были люди, так сказать, не имеющие непосредственной точки опоры, они не имели таких корней в могучей глыбе, которая называется рабочим классом, как Владимир Ильич. Он никогда не был один, никогда за всю свою жизнь, а всегда был с миллионами трудящихся. Это ему и давало ту колоссальную, несокрушимую силу, которая не знала никаких препятствий на своем пути. Быть всегда с массами — это, товарищи, самое ценное и самое святое в нашей партии, а если это так, то нужно всю работу строить таким образом, чтобы не было той кривобокой специализации, о которой я вам говорил. Возьмите любую

отрасль работы и те очередные задачи, которые стоят перед нами. Чем ближе мы к ним присмотримся, тем с бо́льшим вниманием должны возвратиться к тому, что называется нашим партийным просвещением. Я беру *партийное просвещение* в широком смысле этого слова.

Из доклада на общегородском собрании пропагандистов 8 октября 1927 года, Ленинград.

«Статьи и речи (1912—1934)», Госполитиздат, 1957, стр. 426—427.

ПРОТИВ ФОРМАЛИЗМА В ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЕ

...Я думаю, что там (в деревне.— *Ред.*) мы должны проявлять особую гибкость в постановке массовой политической работы. Мне казалось, что нужно было бы подойти к этому примерно так. На большой молотилке молотит человек 50. Перерыв. Не потому, что молотилка сломалась, а обеденный перерыв. Поели, а затем нужно взять газету. Убили, например, короля (королей осталось теперь не так много), прочитать об этом — будут слушать. Будет это интересно или нет? Будет. Будет интересно и для колхозников и для единоличников. А начав с этого, можно рассказать и побольше: и что такое фашизм, и как мы боремся за мир, и кто нам в этом мешает. И так рассказать, что каждый крестьянин этим заинтересуется, и то, чего он раньше не понимал, поймет. Можно об этом рассказать по газетам,— и уверяю вас, что этот перерыв будет использован как следует. Можно наладить простое чтение о разных агрономических вещах, но чтобы это не было ни с того, ни с сего, а было, что называется, к случаю. Потому что иначе может получиться так, как это часто у нас бывает,— у человека неполадки в работе, ему никто не посоветует, как быть, а говорят: «Давайте потолкуем насчет МЮДа», а там все «юноши» за 60 лет. И вот такой «юноша» думает: «Да провались ты со своим МЮДом подальше». Я веду это к тому, что нам нужно уметь сочетать теорию с знанием практики жизни.

... Нам надо добиться того, чтобы каждый член партии умел объяснить беспартийным политику партии и ее решения. В повседневной жизни накопляется много вопросов, и ответ на них иной раз бывает трудно получить. Ведь у нас иногда практика такая: прочтет человек, что мы вступили в Лигу наций, заинтересуется этим, кое-что захочет выяснить; придет он на кружок, а спросить не может, так как кружок по заранее установленной программе идет,— ты спросишь про Лигу наций, а там обсуж-

дается вопрос о перестройке профсоюзов, и никто с тобой о Лиге наций говорить не станет. То же самое и в партийный день. Ведь большей частью повестки партийного дня мы даем из Смольного. Я думаю, что от этой практики нужно отказаться, чтобы парткомы и парторганизаторы больше ставили и лучше подготовляли свои местные вопросы.

Большим бичом партийного воспитания и просвещения является формализм и в школах и вне школы.

Простым житейским делом, толковым разъяснением иной раз можно сделать больше, чем мы достигаем якобы «высококвалифицированной» учебой. А мы часто обманываем себя. Вот наши пропагандисты. Я некоторых видал. Другой из них ничему не научит, ничему не может научить, так как он сам ничего не знает, он кое-что прочитал, а что касается жизни и как к ней теорию применить, он сам не знает. Это факт. И чтобы это дело повернуть, надо поближе к жизни поставить партийную, марксистско-ленинскую учебу.

Из речи на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) 10 октября 1934 года.

«Избранные статьи и речи 1912—1934», стр. 689—690, 691.

* *
*

Возьмем такой простой вопрос, как докладчики. Несчастные мы, докладчики. Утром говорят тебе: после шабаша, в $4^{1}/_{2}$ часа, прочитай доклад. Ну, если о международном положении, то мы всегда к вашим услугам. Тут можно всегда то, другое, пятое, десятое склеить. А если дадут тебе другой вопрос, к которому ты не подготовлен? Плетет-плетет докладчик, выслушает его собрание, примет постановление: просим этого докладчика в следующий раз не присылать. (Смех.) И ведь докладчик-то вовсе не плохой, а просто не подготовился. Пора нам кончать вести работу таким образом.

Из доклада о работе Ленинградского губкома ВКП(б) 27 января 1927 года.

«Избранные статьи и речи (1912—1934)», Госполитиздат, 1957, стр. 402.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К. МАРКС и В. И. ЛЕНИН КАК ОРАТОРЫ

(Из воспоминаний современников)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

«Воспоминания о Марксе и Энгельсе», Госполитиздат, 1956.

«Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, Госполитиздат, 1957.

Ф. Меринг, Карл Маркс. История его жизни, Госполитиздат, 1957.

Н. К. Крупская, Ленин как пропагандист и агитатор, Госполитиздат, 1957.

А. В. Луначарский, Ленин и литературоведение, М. 1934.

И. В. Сталин, Сочинения, т. 6.

М. Горький, Собрание сочинений, т. 17, Гихл, 1952.

В. Либкнехт

МАРКС — УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Мавр [65], будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь «студентику» щекотливый вопрос, он тут же на нем доказывал всю ничтожность наших университетов и нашего академического образования.

Но он и воспитывал, воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком и в более широком, что он был моим учителем. И это относилось ко всем областям. О политической экономии я уж не говорю — в папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Союзе коммунистов я скажу ниже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груды книг «Дон Кихота» и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании — он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку.

Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма

он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской трибуны») написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты»,— на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский язык, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не удалось осуществить. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память,— а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей,— тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже нетрудно.

В 1850 и 1851 годах Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «Капитале».

В переполненном зале Коммунистического просветительного рабочего общества, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилл-стрит,— в том же зале, где полтора года тому назад был принят «Коммунистический Манифест»,— Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярым противником вульгаризации, то есть фальсификации, опошления и выхолащивания науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обусловливает ясную форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более или менее пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. Затем он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение.

Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции еще в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя.

Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы,— между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистическое просветительное общество проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, Общество сузилось и приняло несколько сектантский характер,— старые сторонники Вейтлинга и Кабе снова подняли голову, и Маркс отстранился от этого Общества.

Пуризм Маркса в вопросах языка и стиля доходил иной раз до педантичности. Мой верхнегессенский диалект, который от меня — или от которого я — упорно не хотел отвязаться, стоил мне бесчисленных выговоров. Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя учителем по отношению к нам, «молодежи».

Это проявлялось, конечно, и в другом виде. Он был очень требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы.

Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия бесплодны, то и дружбе приходил конец. Мы почитали за честь быть под его «муштрой». Никогда мои свидания с ним не проходили без того, чтобы я не выучился чему-нибудь...

В те времена лишь ничтожное меньшинство даже внутри рабочего класса доросло до социализма, а среди самих социалистов социалисты в духе научной теории Маркса, в духе «Коммунистического Манифеста», были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для революционного движения 1848 года с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, популярность были для Маркса доказательством, что человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой были гордые слова Данте: «Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»)

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к «Капиталу»! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам, укусам комаров и клопов, и как

часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторон, терзаемый заботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной тиши оттачивал оружие, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразерами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами,— как часто он в уединении своего бедного, истинно пролетарского кабинета подбадривал себя словами великого флорентинца, черпая в них свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из «Тысячи и одной ночи», потерявшему победу и награду за нее только потому, что он стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя,— Маркс шел вперед, устремив взор к сияющей впереди цели...

Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К краснобаям он испытывал омерзение — и горе тому, кто в его присутствии отделывался фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. «Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль»,— внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной, могучей работы великого ума.

В то время, как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начнется!» — мы, «серная банда», «бандиты», «подонки человечества», сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не мешало нам идти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома,— если у кого вообще существовал дом или домашний очаг.

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились.

Я долгое время занимался историей английских тред-юнионов. Каждый день он меня спрашивал, много ли я успел, и в конце концов он только тогда оставил меня в покое, когда

я прочел довольно длинную лекцию перед большим кругом слушателей. Он был на этой лекции. Похвал мне не пришлось от него услышать, но он меня и не раскритиковал; а так как хвалить не было в его обычае и он большей частью хвалил только из сострадания, то я скоро утешился. Когда же он вступил со мной в спор по поводу одного моего положения, я принял это за косвенную похвалу.

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к самокритике, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки.

«Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 92—96.

Ф. Меринг

ВЫСТУПЛЕНИЯ МАРКСА В БРЮССЕЛЕ

Союз коммунистов[66] считал своей задачей прежде всего основание просветительных кружков для немецких рабочих, чтобы иметь возможность вести открытую пропаганду, а также пополнять и расширять свой состав наиболее подходящими членами этих кружков.

Организация кружков была всюду одинаковая. Один день в неделю назначался для дискуссий, другой — для развлечений (пение, декламация и т. д.). Всюду устраивались библиотеки и по возможности классы для преподавания рабочим элементарных знаний.

По этому образцу организовано было и Немецкое рабочее общество, основанное в конце августа * в Брюсселе; вскоре оно насчитывало уже около ста членов. Председателями были избраны Мозес Гесс и Валлау, секретарем — Вильгельм Вольф. Общество собиралось вечерами по средам и воскресеньям. По средам обсуждались важные вопросы, касавшиеся интересов пролетариата, а по воскресеньям Вольф давал обыкновенно еженедельный обзор политических событий и вскоре проявил особое умение освещать события. После его выступления следовали развлечения, в которых принимали участие и женщины.

27 сентября это общество устроило международный банкет, чтобы показать, что рабочие разных стран питают братские чувства друг к другу. В то время для политической пропаганды чаще всего пользовались формой банкетов, чтобы на общественных собраниях избежать вмешательства полиции. Банкет 27 сентября имел, кроме того, еще и особого рода причину и цель. Его устроили Борнштедт и другие недовольные члены немецкой колонии, для того чтобы, как писал присутствовавший на нем Энгельс отсутствовавшему в то время Марксу, «свести нашу роль к второстепенной по сравнению с Эмбером и бельгийскими демократами и создать более импозантное

* 1847 г.— *Ред.*

и универсальное общество, чем наш несчастный Рабочий союз» *. Энгельс, однако, сумел вовремя пресечь эту интригу. Его даже избрали вместе с французом Эмбером одним из двух вице-председателей, хотя он и отказывался от этой чести ввиду своего «страшно молодого вида». Почетным председателем банкета избран был генерал Меллине, а действительное председательство поручено было адвокату Жотрану. Оба они были старые борцы, участники бельгийской революции 1830 г.

За банкетным столом собралось сто двадцать человек гостей — бельгийцев, немцев, швейцарцев, французов, поляков, итальянцев, а также один русский. После многих речей решено было основать в Бельгии «Демократическую ассоциацию» по образцу «Братских демократов» [67]. В члены подготовительной комиссии избран был и Энгельс. Но он вскоре после того уехал из Брюсселя и поэтому в письме к Жотрану предложил пригласить на его место Маркса, который, по словам Энгельса, несомненно и был бы выбран, если бы мог присутствовать на собрании 27 сентября. «Таким образом не г. Маркс заменит меня в комиссии, а скорее я заменил г. Маркса на собрании». И действительно, когда «Демократическая ассоциация» организовалась 7 и 15 ноября, то Эмбер и Маркс были избраны вице-президентами, а Меллине и Жотран были утверждены — первый почетным, а второй действительным президентом. Устав общества подписан был бельгийскими, немецкими, французскими, польскими демократами — в общем подписей было около шестидесяти. Из немцев рядом с Марксом подписались Мозес Гесс, Георг Веерт, два Вольфа, Стефан Борн и Борнштедт.

Первым большим собранием «Демократической ассоциации» было состоявшееся 29 ноября празднование годовщины польской революции. От имени немцев на празднестве выступил Стефан Борн, речь которого имела большой успех. Маркс же был официальным представителем Ассоциации на митинге, устроенном «Братскими демократами» в Лондоне в тот же день и по тому же поводу. Речь его была выдержана целиком в пролетарско-революционном тоне.

«Старая Польша, несомненно, погибла,— сказал он,— и мы меньше, чем кто бы то ни было, хотели бы ее восстановления. Но погибла не только старая Польша. Старая Германия, старая Франция, старая Англия — все старое общество отжило свой век. Но гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в старом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство» **. Маркс видел сигнал к освобождению всех угне-

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 70.— *Ред.*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, изд. 2, стр. 371—372.— *Ред.*

тенных народов в победе пролетариата над буржуазией, а тем решающим ударом, который приведет к победе всех угнетенных над их угнетателями, он считал победу английских пролетариев над английской буржуазией. Польшу нужно освободить не в Польше, а в Англии. Если бы чартисты победили своих внутренних врагов, то они разбили бы этим все старое общество.

В ответ на адрес, который им передал Маркс, «Братские демократы» взяли такой же тон: «Ваш представитель, наш друг и брат Маркс, расскажет вам, как восторженно встретили его появление и чтение вашего адреса. Все взоры сияли радостью, все уста приветствовали его, все руки братски протягивались к вашему представителю... Мы принимаем с чувством живейшей радости союз, который вы нам предлагаете. Наше общество существует уже два года, и девиз его — все люди братья. На нашем последнем празднестве годовщины основания общества мы предложили созвать демократический конгресс всех наций, и мы были очень рады, когда узнали, что и вы выступили публично с такого же рода предложениями. Заговор королей нужно побороть заговором народов... Мы убеждены, что для того, чтобы осуществить общее братство, нужно обращаться к действительному народу, к пролетариям, к людям, которые ежедневно проливают кровь и пот под гнетом современного общественного строя... Из хижин, с мансард или из подвалов, от плуга, с фабрики, от наковальни придут и уже идут по той же дороге носители братства и избранные спасители человечества». «Братские демократы» предложили, чтобы всеобщий конгресс демократов собрался в сентябре 1848 г. в Брюсселе, до некоторой степени как бы в противовес фритредеровскому[68] конгрессу, состоявшемуся там же в сентябре 1847 г.

Передача приветствия «Братским демократам» была, однако, не единственной целью поездки Маркса в Лондон. Непосредственно после митинга в честь Польши в том же помещении — в зале собрания лондонского Просветительного общества немецких рабочих, основанного в 1840 г. Шаппером, Бауэром и Моллем,— состоялся конгресс, созванный Союзом коммунистов для окончательного утверждения устава и обсуждения новой программы. Энгельс тоже присутствовал на этом конгрессе. По дороге из Парижа он встретился с Марксом в Остенде, и они вместе совершили поездку в Англию. После прений, длившихся не менее десяти дней, им обоим поручено было изложить принципы коммунизма в публичном манифесте.

Около середины декабря Маркс вернулся в Брюссель, а Энгельс — через Брюссель в Париж. Они, по-видимому, не

очень торопились выполнить возложенное на них поручение. Во всяком случае лондонский Центральный комитет направил 24 января 1848 г. очень настоятельное напоминание окружному комитету Союза в Брюсселе, предлагая оповестить гражданина Маркса, что против него примут более сильные меры, если манифест коммунистической партии, составление которого он взял на себя, не будет доставлен в Лондон до 1 февраля. Чем вызвано было промедление, теперь едва ли можно установить. Причина, быть может, заключалась в свойственной Марксу привычке делать всякую работу очень основательно, или же работе мешало то, что Маркс и Энгельс в это время жили в разных городах. Возможно, впрочем, что лондонцы стали выказывать нетерпение ввиду дошедших до них известий, что Маркс по-прежнему ревностно ведет свою пропаганду в Брюсселе.

9 января 1848 г. Маркс произнес в «Демократической ассоциации» речь о свободе торговли. Эту речь он собирался произнести уже на брюссельском конгрессе фритредеров, но тогда ему не удалось получить слово. В этой речи он доказывал и разоблачал обман фритредеров, которые говорят о «благе рабочих», утверждая, что оно является истинной пружиной их агитации. Но если свобода торговли служит определенно интересам капитала в ущерб рабочим, то Маркс все же поэтому, именно поэтому, признавал, что эта свобода отвечает принципам буржуазной экономии. Свобода торговли есть свобода капитала, который в целях своего полного раскрепощения смывает еще стесняющие его национальные преграды. Свобода торговли разрушает прежние национальности и обостряет до предела противоречия между буржуазией и пролетариатом. Этим она приближает социальную революцию, и в таком революционном смысле Маркс стоял за свободу торговли.

Вместе с тем он оговаривался против подозрения в защите охранительных пошлин, и его защита свободы торговли не противоречила признанию им немецких охранительных пошлин как «прогрессивного буржуазного мероприятия». Как и Энгельс, Маркс рассматривал весь вопрос о свободе торговли и охранительных пошлинах исключительно с революционной точки зрения. Немецкая буржуазия нуждается в охранительных пошлинах, как в орудии против абсолютизма и феодализма, как в средстве накопления сил для осуществления свободы торговли внутри страны, для создания крупной промышленности, которая в свою очередь неизбежно станет зависимой от мирового рынка, т. е. более или менее от свободы торговли. Речь Маркса очень понравилась в «Демократической ассоциации», и она решила напечатать ее за свой счет на французском и фламандском языках.

Еще большее значение, чем эта речь, имели лекции о наемном труде и капитале, которые Маркс читал в Немецком рабочем обществе. Маркс исходил из того, что заработная плата не есть участие рабочего в производимом им товаре, а является частью уже существующих товаров, на которую капиталист покупает определенную сумму производительного труда. Цена труда определяется, как цена всякого другого товара,— его издержками производства. Издержки производства простого труда сводятся к расходам на поддержание существования и на продолжение рода рабочего. Цена этих издержек составляет заработную плату, которая сообразно с колебаниями конкуренции, как цена всякого другого товара, стоит то выше, то ниже издержек производства, но в пределах этих колебаний сводится к минимуму платы за наемный труд.

Маркс переходит затем к выяснению вопроса о капитале. В ответ буржуазным экономистам, утверждавшим, что капитал есть накопленный труд, он говорит:

«Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом*. Выхваченная из этих отношений она так же не является капиталом, как золото само по себе не является *деньгами* или сахар — ценой сахара» *. Капитал является общественным производственным отношением, производственным отношением буржуазного общества. Сумма товаров, меновых стоимостей превращается в капитал благодаря тому, что она как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила одной части общества, сохраняется и умножается путем обмена на непосредственную живую рабочую силу. «Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости» **. Капитал и труд взаимно обусловливают и взаимно создают друг друга.

---

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. 1, 1955, стр. 63.— *Ред.*

** Там же, стр. 64—65.— *Ред.*

Если буржуазные экономисты выводят из этого, что интересы капиталиста и рабочего совпадают, то, конечно, верно, что рабочий гибнет, если капитал его не занимает, и капитал гибнет, если он не эксплуатирует рабочего. Чем быстрее увеличивается производительный капитал и чем сильнее расцветает промышленность, чем более обогащается буржуазия, тем больше рабочих нужно капиталисту и тем дороже продает себя рабочий. Необходимым условием для сносного положения рабочего является, таким образом, возможно более быстрый рост производительного капитала.

Маркс доказывал, что в данном случае заметный рост заработной платы предполагает еще более быстрый рост производительного капитала. Если капитал растет, то пусть поднимается заработная плата, но еще быстрее будет расти прибыль с капитала. Материальное положение рабочего, таким образом, улучшилось, но улучшилось за счет его общественного положения: общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, еще более расширилась. Когда говорят, что наиболее благоприятным условием для наемного труда является максимально быстрый рост капитала, то это означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, чуждое ему и повелевающее им богатство, тем благоприятнее становятся те условия, в которых ему разрешается продолжать работу для увеличения власти капитала и наслаждаться возможностью ковать для себя золотые цепи, чтобы буржуазия тащила его на них за собой.

Но рост капитала и повышение заработной платы, продолжает Маркс, вовсе не так неразрывно связаны между собой, как утверждают буржуазные экономисты. Неверно, что чем больше жиреет капитал, тем лучше он откармливает своего раба. Рост производительного капитала включает в себя накопление и концентрацию капиталов. Централизация их приводит ко все более увеличивающемуся разделению труда и применению машин. Большее разделение труда обесценивает специальное умение рабочего: работа, требовавшая особой ловкости и силы, теперь вытесняется такой, какую может выполнить всякий, и благодаря этому увеличивается конкуренция между рабочими.

Эта конкуренция усиливается еще и по мере того, как разделение труда дает возможность одному рабочему выполнять работу трех людей. К такому же результату приводят машины, и еще в гораздо большей степени. Рост производительного капитала заставляет промышленных капиталистов пускать в ход все более возрастающие средства производства; это ведет к разорению мелких промышленников и отбрасывает их в ряды пролетариата. Далее, так как процент на ссудный

капитал понижается пропорционально накоплению капиталов, то мелкие рантье, не имея более возможности жить на свою ренту, обращаются к промышленности и увеличивают число пролетариев.

Наконец, рост производительного капитала вынуждает его все больше производить для рынка, потребностей которого он не знает. Чем сильнее производство обгоняет потребности, тем более предложение старается создать спрос и тем более учащаются и усиливаются кризисы, эти промышленные землетрясения, при которых промышленный мир, чтобы уцелеть, приносит в жертву богам преисподней часть богатств, товаров и даже производительных сил. Капитал живет не только трудом: этот знатный и жестокий властелин тянет за собой в могилу трупы своих рабов, целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Маркс заключает: если быстро растет капитал, то несравненно быстрее растет и конкуренция между рабочими, т. е. тем значительнее уменьшается для рабочего класса возможность получения работы и средств к жизни. Но, несмотря на это, быстрый рост капитала является самым благоприятным условием для наемного труда.

К сожалению, сохранился только этот отрывок из тех лекций, которые Маркс читал немецким рабочим в Брюсселе. Но и этого достаточно, чтобы показать, как серьезно и с какой глубокой продуманностью он вел свою пропаганду.

«Карл Маркс. История его жизни», стр. 168—174.

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Поскольку стиль — это человек, Маркс и Энгельс очень различны и как писатели. Каждый из них был в своем роде мастером стиля и обладал талантом к языкам: оба владели многими языками и даже диалектами. Энгельс превосходил Маркса в этом отношении, но когда он писал на своем родном языке даже письма, не говоря уже о сочинениях для печати, он был очень осмотрителен и не вплетал в ткань своей речи ни одной иноземной ниточки, не впадая, однако, в причуды тевтонствующего пуризма [69]. Он писал легко и ясно, течение его речи было чисто и прозрачно до дна.

Маркс писал более небрежно и вместе с тем более тяжеловесно. В его юношеских письмах, как и в письмах молодого Гейне, сильно заметна еще борьба с языком, а в письмах зре-

лых лет, главным образом со времени переселения в Англию, он перемешивал немецкий с английским и французским языками. Да и в произведениях Маркса встречается больше иностранных слов, чем это неизбежно, а также немало английских и французских оборотов. Но вместе с тем он такой мастер немецкой речи, что при переводе на другой язык многое из тонкостей его стиля теряется. Когда Энгельс прочел главу из книги своего друга во французском переводе, над последней отделкой которого сам Маркс тщательно работал, он нашел, что вся сила и сочность, вся жизнь этой главы «пошли к черту». Гёте писал однажды г-же фон Штейн: «В области сравнений я могу поспорить с поговорками Санчо Панса». И точно так же Маркс в смысле поражающей образности языка мог бы поспорить с величайшими «мастерами сравнений» — Лессингом, Гёте, Гегелем. Он понял Лессинга, который говорил, что в совершенном изложении понятие и образ взаимосвязаны — как мужчина и женщина. За это на Маркса, как подобает, обрушивались университетские педанты, начиная с ветерана Вильгельма Рошера и до самого молодого приват-доцента, бросая ему поразительный упрек в том, что он излагает свои мысли якобы очень неопределенно, «сшивая их лоскутьями образов». Маркс исчерпывал трактуемые им вопросы лишь настолько, чтобы предоставить читателю простор для собственного плодотворного мышления. Речь его подобна игре волн над величественной глубиной моря.

Энгельс всегда признавал превосходство гения Маркса и считал себя лишь второй скрипкой в их общем деле. Все же он никогда не был только истолкователем и помощником Маркса; он — самостоятельный соратник Маркса, не подобный ему, но равный с ним по силе ума. О том, что Энгельс в начале их дружбы давал в одной существенной области знания больше, чем получал, свидетельствует сам Маркс в письме к Энгельсу двадцать лет спустя: «Ты знаешь,— писал он,— что, во-первых, все у меня приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам» *. Энгельс благодаря легкости своего вооружения двигался гораздо быстрее; взгляд его был достаточно проницателен, чтобы сразу проникнуть в суть какого-нибудь вопроса или положения, но не настолько глубок, чтобы сразу же обозреть всякие «но» и «однако», которыми осложнены все важные решения. Этот недостаток составляет большое преимущество для людей действия, и Маркс не принимал никаких политических решений, не посоветовавшись с Энгельсом, который всегда умел попасть в точку.

Но по этой же причине в теоретических вопросах, с кото-

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 193.— *Ред.*

рыми Маркс тоже постоянно обращался к Энгельсу, советы Энгельса были менее плодотворны, чем в политике. Тут Маркс шел всегда впереди своего друга. В особенности он оставался глух к совету, на котором Энгельс часто настаивал, убеждая Маркса скорее закончить свой главный научный труд. «Будь хоть раз менее добросовестен по отношению к своей собственной работе,— советовал Энгельс,— для этой паршивой публики она все еще слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет; слабые стороны, которые тебе бросаются в глаза, ослы и не заметят» *. В этих словах сказался подлинный Энгельс, как подлинный Маркс сказался в том, что он отверг совет друга.

«Карл Маркс. История его жизни», стр. 257—258.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 480.— *Ред.*

Н. К. Крупская

ЛЕНИН КАК ПРОПАГАНДИСТ И АГИТАТОР [70]

ЛЕНИН КАК ПРОПАГАНДИСТ

> Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя.
>
> *В. И. Ленин*

Промышленность в России стала развиваться позднее, чем в других капиталистических странах — в Англии, во Франции, Германии. Поэтому и рабочее движение у нас стало развиваться позднее — только в 90-х годах прошлого столетия приняло оно массовый характер. Международный пролетариат к этому времени уже имел богатый опыт борьбы, пережил уже ряд революций, в огне революционного движения выковались такие величайшие мыслители, как Маркс и Энгельс. Их учение освещало путь, которым должен идти пролетариат, они доказали, что буржуазный строй обречен на гибель, что пролетариат неизбежно должен победить, взять власть и по-новому перестроить всю жизнь, создать новое, коммунистическое общество.

Ознакомившись в молодости с учением Маркса, Ленин глубоко его продумал, понял, что это учение — руководство к действию для рабочего класса России, что оно поможет русским рабочим из темных, забитых, безгранично эксплуатируемых рабов стать сознательными, организованными борцами за социализм, что оно поможет рабочему классу России вырасти в мощную силу, поможет повести за собой всех трудящихся и положить конец всякой эксплуатации.

Учение Маркса помогло Ленину ясно увидеть, куда идет общественное развитие. Горячо был убежден Ленин в правильности взглядов Маркса и Энгельса, считал, что необходимо как можно лучше, как можно шире вооружить массы знанием учения Маркса, и пропаганде этого учения отдавал он все свои силы.

Пропаганда основ марксизма имела большой успех в рабочей массе. Наша пропаганда, говорил Ленин, имеет такой успех не потому, чтобы мы были уже такими искусными пропагандистами: она имеет успех потому, что то, что мы говорим,— правда.

Глубокая убежденность — вот что было характерной чертой Ленина как пропагандиста.

Ленин прекрасно изучил учение Маркса, по многу раз перечитывал каждое его произведение. Его работа о Марксе, написанная им в 1914 г. для Энциклопедического словаря Граната, снабженная богатой библиографией, как нельзя лучше говорит о всестороннем знании Лениным учения Маркса. Об этом красноречиво говорят и все другие произведения Ленина.

Глубокое знание предмета было второй характерной чертой Ленина как пропагандиста.

Но Ленин не только знал теорию марксизма, он умел брать ее во всех связях и опосредствованиях.

В начале рабочего движения, в 1894 г., он пишет книжку «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», где показывает, как теория Маркса должна быть применена в наших условиях, начиная с первых шагов рабочего движения. Это писалось тогда, когда большинство революционеров считало, что в русских условиях рабочий класс не сможет сыграть сколько-нибудь крупной роли.

В 1899 г. вышла книжка Ленина «Развитие капитализма в России», где он на массе фактического материала доказал, что и у нас в России развивается капитализм, несмотря на отсталость нашей страны.

В 1902 г. Ленин выпускает книжку «Что делать?», где показывает, какой должна быть в наших условиях партия рабочего класса, чтобы быть в состоянии повести рабочий класс по правильному пути.

В 1905 г. он пишет брошюру «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В 1907 г., когда ясно уже вырисовывалось поражение революции 1905 г., одною из причин которого была недостаточная смычка рабочего движения с крестьянским, Ленин пишет большую работу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», в которой на основе опыта этой революции он подчеркивает необходимость укрепления боевого союза рабочего класса с крестьянством.

И дальше — каждый узловой вопрос, связанный с рабочим движением, особенно тщательно разрабатывался Лениным, увязывался им с теорией Маркса. Все знают, какое громадное значение имела книга Ленина об империализме, написанная им в разгар мировой войны, и книга «Государство и револю-

ция», написанная накануне Октябрьской революции. Особенностью ленинских работ было то, что он теорию умел связывать с практикой, не отрывал ни одного практического вопроса от теории и каждый теоретический вопрос умел так тесно связать с переживаемым моментом, с живой действительностью, что теория становилась читателю близкой и понятной. И в своих научных работах и в своей устной и письменной пропаганде Ленин умел глубоко связывать теорию и практику *.

Таким образом, *особенностью Ленина как пропагандиста было также его уменье связывать теорию с живой действительностью, что делало теорию понятной и осмысливало окружающую действительность.*

Теорию и окружающую действительность Ленин изучал не просто потому, что это интересно. Освещая действительность светом марксистской теории, Ленин всегда стремился сделать из этого необходимые выводы, которые служили бы руководством к действию. Пропаганда Ленина всегда была тесно увязана с тем, что нужно делать в данную минуту. Делая в Швейцарии доклад после Февральской революции 1917 г. о Парижской Коммуне, Ильич не только рассказывал о том, как парижские рабочие в 1871 г. захватили власть, не только приводил оценку Марксом Парижской Коммуны,— он делал выводы о том, что должны делать русские рабочие, когда захватят власть. Всегда умел Ленин превратить теорию в руководство к действию.

---

* Вот как описывает метод ведения занятий Ленина-пропагандиста один из его слушателей — рабочий-революционер И. В. Бабушкин:

«Кружок составился из шести человек и седьмого — лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собой, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле — за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда, при удобном случае,— и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской» (см. «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина», Госполитиздат, 1955, стр. 44.— *Ред.*).

Итак, *особенностью Ленина как пропагандиста было уменье превращать теорию в руководство к действию.*

Несмотря на то, что Ленин обладал громадными знаниями, что у него был обширный опыт как у пропагандиста — он делал массу докладов, писал много пропагандистских статей,— он к каждому своему выступлению, к каждому докладу, к каждой лекции тщательно готовился. Сохранилось множество конспектов ленинских выступлений, докладов. Видно, как заботливо обдумывал Ленин каждое свое пропагандистское выступление. По этим конспектам мы видим, как содержательны были выступления Ленина, как умел он выпятить самое нужное, самое главное, иллюстрировать каждую мысль яркими примерами.

Тщательная подготовка к пропагандистским выступлениям присуща была Ленину как пропагандисту.

В своих пропагандистских выступлениях Ильич не обходил больных вопросов, не затушевывал их, напротив — ставил их со всей резкостью и конкретностью. Он не боялся резких слов, нарочно заострял вопрос; он не считал, что речь пропагандиста должна быть бесстрастна, уподобляться мирному журчанью ручейка; его речь была резка, грубовата часто, но зато врезалась в память, волновала, увлекала.

Ленин как пропагандист резко ставил вопросы и увлекал своей страстностью аудиторию.

Владимир Ильич всегда тщательно изучал массы, знал условия их труда, быт, конкретные вопросы, которые их волнуют. Выступая перед массами, он всегда ориентировался на аудиторию. Но он учитывал в самом процессе доклада, лекции, беседы, чт́о в данный момент особенно волнует данную аудиторию, чт́о ей непонятно, чт́о ей кажется особенно важным. По степени внимания, по вопросам, репликам, выступлениям Ильич всегда умел уловить настроение аудитории, умел пойти навстречу интересу аудитории, ответить на неясные вопросы, овладеть аудиторией.

Ленин-пропагандист умел овладеть аудиторией, установить с ней необходимое взаимопонимание.

И, наконец, необходимо отметить, какую силу пропаганде Ленина придавало его отношение к массе. Он подходил к рабочему, к крестьянину — бедняку и середняку, к красноармейцу не свысока, а как к товарищу, как к равному. Они были для него не «объекты пропаганды», а живые люди, много пережившие, над многим думавшие, требующие внимания к своим запросам. «Он говорит с нами всерьез»,— говорили про него рабочие и особенно ценили его простой, товарищеский подход. Аудитория видела, что вопросы, которые он объясняет, близки ему самому, волнуют его, и это больше всего убеждало аудиторию.

Уменье просто разъяснить свои мысли, товарищеский подход к обслуживаемой аудитории составляли силу ильичевской пропаганды, делали ее особо плодотворной, эффективной, как говорят теперь.

Между пропагандой, агитацией и организацией нет каменных стен. Умеющий заражать огнем своего энтузиазма аудиторию пропагандист является в то же время и агитатором. Пропагандист, умеющий превращать теорию в руководство к действию, несомненно, облегчает работу организатора.

В пропаганде Ленина сильны были нотки агитации, силен был организаторский момент, но это не ослабляло силы и значения этой пропаганды.

Будем учиться у Ильича-пропагандиста.

ЛЕНИН КАК АГИТАТОР

> Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку.
>
> *В. И. Ленин*

«Наше учение — не догма, а руководство к действию»,— говорили Маркс и Энгельс. Ленин часто повторял эти их слова. Вся его деятельность была направлена на то, чтобы не на словах, а на деле сделать марксизм руководством к действию широчайших масс рабочего класса.

Приехав в 1893 г. в Питер, он сразу же пошел в рабочие кружки и объяснял рабочим, как оценивал Маркс существующее положение вещей, как смотрел он на то, куда идет общественное развитие, какое значение придавал Маркс рабочему классу, его борьбе с классом капиталистов, почему считал, что победа рабочего класса неизбежна. Ленин старался говорить как можно проще, приводил примеры из жизни русских рабочих; он видел, что рабочие слушают с громадным интересом и хорошо усваивают основы учения Маркса, но в то же время он чувствовал, что мало только говорить — «нужно широко развернуть классовую борьбу», надо показать, *как* эту классовую борьбу развертывать, около каких вопросов ее организовывать. Задача заключалась в том, чтобы взять те факты, которые особенно волновали рабочую массу, осветить их и показать, *что* надо делать, чтобы устранить их, изменить их. Вначале, в 90-х годах, рабочих больше всего волновали вопросы длинного рабочего дня, штрафы, вычеты из заработной платы.

грубое обращение. И вот кружок Ленина пошел по такому пути: на отдельных фабриках приходивший к рабочим товарищ помогал им формулировать определенные требования к администрации, эти требования объяснялись и печатались в особых листках. Листки сплачивали рабочих, они дружно, единодушно поддерживали требования, выставленные в листках.

Агитация активизировала рабочую массу.

«В неразрывной связи с пропагандой стоит *агитация* среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс,— писал Ленин в 1897 г. в работе «Задачи русских социал-демократов».— Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата» *.

В 1906 г., говоря о том, как надо вести социал-демократическим уполномоченным и выборщикам агитацию среди крестьян, Ленин писал: «...недостаточно одного повторения слова «классовый» для того, чтобы доказать роль пролетариата, как авангарда в *современной* революции. Недостаточно изложить наше социалистическое учение и общую теорию марксизма, чтобы доказать передовую роль пролетариата. Для этого надо еще уметь показать *на деле* при разборе жгучих вопросов *современной* революции, что члены рабочей партии всех последовательнее, всех правильнее, всех решительнее, всех искуснее защищают интересы *этой* революции, интересы ее *полной* победы» **.

Агитация, по учению Ленина, связывает теорию с практикой. В этом ее сила.

Агитация сыграла очень крупную роль в деле экономической борьбы рабочих, научив их использовать стачку как метод борьбы с капиталистами, дав ряд завоеваний в деле улучшения положения рабочего класса.

Но успехи экономической борьбы вызвали среди социал-демократов целое направление «экономизма», выразившееся в

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 305.

** *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 261—262.

недооценке марксистской теории, в преклонении перед стихийностью, в стремлении ограничить задачи пролетариата лишь борьбой за улучшение своего экономического положения и отсюда в стремлении сузить политическую агитацию среди рабочих масс.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения,— писал Ленин, возражая экономистам, в 1902 г. в работе «Что делать?».— Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности» *.

Агитация — метод активизации масс, применяемый не только марксистами: у буржуазии издавна имелся громадный опыт по части агитации. Но агитация агитации рознь. Только «верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации» **,— говорил Ленин на II съезде партии.

Недооценка теории, умаление ее значения — «совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет»,— означает «усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих» ***. Таким образом, главное, чему придавал значение Ленин,— это *содержание* агитации.

Он боролся против того, чтобы агитация сводилась к одним призывам, а требовал, чтобы она была связана с разъяснительной работой.

Силу агитации Ленин видел в правильно поставленной разъяснительной работе, ясной и простой по форме. Надо «уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» ****,— писал Ленин в 1906 г. в статье «Социал-демократия и избирательные соглашения».

Конечно, это не значит, что Ленин отвергал пользу лозунгов. «Избирательную платформу социал-демократии очень часто бывает полезно, а иногда и необходимо, завершить выставлением краткого общего лозунга, пароля выборов, выдвигающего самые коренные вопросы ближайшей политической практики, дающего самый удобный, самый близкий повод и материал для развертывания всесторонней социалистической проповеди» *****,— писал Владимир Ильич в 1911 г. Никакой демагогии, игры на разжигании в массах дурных инстинктов, на

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 341. (Курсив Н. Крупской.— *Ред.)*
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 449.
*** *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 354.
**** *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 262.
***** *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 248.

их темноте, неосведомленности Ленин не допускал. Он говорил: «...я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса» *. Демагогия, ложные обещания всегда вызывали в Ленине негодование. Чего-чего, например, не обещали крестьянству эсеры.

Ленин *никогда* не обещал крестьянству ничего такого, во что сам глубоко не верил. Он не допускал в целях успеха никакого замалчивания наших социалистических целей, нашей строго классовой позиции. И масса чувствовала это и понимала, что он говорит с ней «всерьез» (выражение одного рабочего, вспоминавшего об агитационных выступлениях Ленина в 1917 г.).

Горячо выступал Ленин против экономистов, пытавшихся *сузить содержание агитации.* Еще в произведении «Задачи русских социал-демократов» (в 1897 г.) он писал: «Если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который не подлежал бы утилизации его для экономической агитации, то точно так же нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации. Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали. И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбой русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая» **.

«...Всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему» ***.

«Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это* угнетение падает на самые различные классы

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 432.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 308.
*** *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 314.

общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не *возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?» *

Политические обличения в то время брала на себя нелегальная газета «Искра», издававшаяся за границей. По замыслу Ильича, ее задача была стать коллективным пропагандистом, коллективным агитатором и коллективным организатором, помогать вливать активность рабочих масс в единое русло, выдвигать те вопросы, которые имели наиболее важное значение. «...Вся политическая жизнь,— писал в 1902 г. в работе «Что делать?» Ильич,— есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью...» **

Под руководством Ленина «Искра» умела выбирать самые важные вопросы, около которых развертывалась самая широкая агитация.

Правильно поставленная, охватывающая широкие рабочие массы политическая организация повышала и роль агитатора.

Агитатор — учил Ильич — это народный трибун, умеющий говорить с массой, зажигать ее огнем своего энтузиазма, брать выпуклые, говорящие факты. Речь такого народного трибуна находит отзыв в массах, подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Таким агитатором, таким народным трибуном был и сам Ленин.

Летом 1905 г. в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин отмечал, что «вся работа Российской социал-демократической рабочей партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листков и брошюр, содействии экономической борьбе и подхватывании ее лозунгов» ***.

---

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 371.
** Там же, стр. 469.
*** *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, стр. 86.

Но то, что агитация вошла уже в практику работы, отлилась в вполне определенные рамки, *не означает, что Ленин хоть на минуту допускал ее шаблонизацию.*

Он требовал уменья подходить по-разному к различным слоям населения. «О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» *,— писал Ильич в декабре 1911 г. Конечно, это не значит, что одним надо говорить одно, а другим — другое. Вопрос лишь в подходе.

Я помню, мы жили в эти годы в Париже и усиленно ходили по избирательным собраниям, причем Владимир Ильич особенно интересовался, как выступают социалисты на разного типа собраниях. Помню, мы слушали одного социалиста на рабочем собрании, а потом слушали его же на собрании интеллигенции, учителей по преимуществу. Докладчик говорил на втором собрании прямо обратное тому, что говорил на рабочем собрании. Он хотел получить побольше голосов на выборах. Я помню, как возмущался Владимир Ильич этим фактом: радикал перед рабочими, оппортунист перед интеллигенцией!

Чрезвычайно важным считал Ленин уменье расшифровывать общие лозунги на основе местного материала. «Надо стараться всячески использовать ЦО в местной агитации не только перепечаткой, но и *пересказом* в листках мыслей и лозунгов, *развитием* или видоизменением их сообразно местным условиям и проч. Это важно чрезвычайно для сотрудничества между нами и вами на деле, для обмена мнений, для поправок наших лозунгов, для ознакомления *массы* рабочих с тем, что у нас есть постоянный ЦО партии» **,— писал Ленин в 1905 г. от имени редакции «Пролетария» в газету «Рабочий».

О необходимости изучать массу, чтобы умело подходить к ней,— об этом твердил Ленин все время. Сам он неустанно изучал массу, умел слушать массу, умел понимать то, что она говорит, схватывать суть того, что старается высказать рабочий, крестьянин.

---

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 304.

** *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, стр. 263.

Говоря о диктатуре пролетариата, о том, как коммунистам надо готовиться к ней повсюду,— в «Тезисах об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала» (в июле 1920 г.) Ленин писал: «Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата должна быть начата повсеместно и немедленно посредством следующего, между прочим, приема». Сказав о необходимости образования коммунистических ячеек, Ленин продолжает: «...причем эти ячейки, тесно связанные между собой и с центром партии, обмениваясь своим опытом, осуществляя работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям общественной жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, должны систематически воспитывать такой разносторонней работой и самих себя, и партию, и класс, и массы». И далее: «...к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы» *.

Учиться подходить к массе — в этом видел Ильич подготовку партии к диктатуре пролетариата. Этому учился он сам всю жизнь с особым упорством.

Точно так же не допускал Ленин *никакой шаблонизации при выборе лозунгов,* вокруг которых велась агитация. Делу выбора лозунгов он придавал особое значение. Докладывая на собрании партийных работников в ноябре 1918 г. о мелкобуржуазных партиях, Владимир Ильич указывал на то, что «всякий лозунг получает способность затвердевать больше, чем нужно» **. Гибкости, уменью в области агитации на каждом этапе выбрать из цепи фактов именно то звено, за которое необходимо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, осветить всю сумму явлений,— этому Ильич придавал исключительное значение.

Когда я в самом начале 90-х годов попала в студенческий кружок, когда я еще не была марксисткой, товарищи по кружку дали мне прочесть «Исторические письма» Миртова (Лаврова). Они произвели на меня сильное впечатление. И вот несколько лет спустя, уже в шушенской ссылке, был у нас с Ильичем разговор на эту тему. Я очень «мягко» о них отзывалась. Ильич их критиковал с марксистской точки зрения. И вот

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 167, 168.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 203.

последним моим аргументом было: «разве не прав Лавров, когда говорит: «Знамя, революционное в один момент, может стать реакционным в следующий»?» Ильич согласился, что эта мысль правильная, но добавил, что это не делает правильной всю книжку в целом.

На протяжении всей деятельности партии ей приходилось, оставаясь верной своим основным принципам, постоянно менять лозунги в зависимости от изменившихся условий. А условия работы менялись все время.

Вот летом 1905 г. приходилось Ильичу писать в Россию о важности знакомить рабочих с тем, что где-то за границей существует ЦО (центральный орган партии), издававшийся нелегально в паре тысяч экземпляров, нелегально перевозившийся через границу, нелегально распространявшийся. Лишь отдельные экземпляры доходили до рабочих. Но уже через несколько месяцев в корне изменились условия. «*Теперь* самой широкой трибуной для нашего воздействия на пролетариат является *ежедневная* питерская газета (мы в состоянии будем поставить издание в 100 000 экземплярах и довести цену до 1 копейки за номер)» *,— писал Ленин Плеханову в конце октября 1905 г.

В декабре 1911 г. Ильич писал об огромном значении «Гос. думы, как агитационной трибуны» **. Это значение понимали также и либералы, кадеты, которые еще во II Государственной думе требовали все время, чтобы большевики покинули свою точку зрения на Думу, как на трибуну для агитации.

В зависимости от менявшихся условий, повторяю, менялись и лозунги.

В 1897 г. в брошюре «Задачи русских социал-демократов» Ленин писал, что не надо разбрасываться, надо все силы сосредоточить на работе среди городского пролетариата. Идти с агитацией в деревню значило бы в тот момент даром растрачивать силы. А в 1907 г. Ильич писал: «Надо удесятерить работу нашей агитации и организации среди крестьянства — и того, которое голодает в деревне, и того, которое послало на военную службу прошлой осенью своих сыновей, переживших великий год революции» ***.

Уменье по-марксистски подходить к оценке момента, брать события во всех связях и опосредствованиях, брать их в их развитии, определять, что в данный момент нужно рабочему классу для победы,— одним словом, диалектический, марксистский подход к оценке момента вооружил партию уменьем правильно выбирать лозунги, браться за надлежащее звено.

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 316.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 324.
*** *В. И. Ленин,* Соч., т. 12, стр. 96.

Ленин особенно много дал в деле анализа задач партии на каждом этапе. Правильный выбор лозунгов — это то, что увязывало теорию с практикой, что делало агитацию особенно успешной. Лозунг мира, лозунг о земле, выдвинутые большевиками перед Октябрем, были лозунгами, которые обеспечили победу рабочему классу, лозунгами, глубоко волновавшими всю крестьянскую и солдатскую массу. Лозунги, хотя бы и очень яркие, но которые не основаны на учете действительного положения вещей, Ленин называл революционной фразой.

Когда в 1918 г. встал вопрос о необходимости принять очень тяжелые условия мира с Германией и некоторые выступали против заключения мира и говорили о необходимости революционной войны, Ленин выступил против них в статье «О революционной фразе»:

«Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,— почвы под ними нет,— вот суть революционной фразы»,— писал Ленин. «Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями,— продолжает Ленин,— тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное *содержание* этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой» *.

«*Работа политической агитации никогда не пропадает даром,*— писал Ильич в 1908 г., в разгар реакции.— Успех ее измеряется не только тем, удалось ли нам сейчас же и сразу добиться большинства или согласия на координированное политическое выступление. Возможно, что мы этого не добьемся сразу: на то мы и организованная пролетарская партия, чтобы не смущаться временными неудачами, а упорно, неуклонно, выдержанно вести *свою работу* хотя бы при самых трудных условиях» **.

Жизнь показала, как прав был Ильич. В 1912 г. начался революционный подъем и ожили *традиции* 1905 г., они помогли рабочим провести в ответ на Ленские события грандиозную массовую забастовку. Рабочие сразу подняли, оживили эту традицию.

Революционную массовую забастовку Ленин называл пролетарским методом агитации.

---

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 1, 2—3.

** *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 195. (Курсив в начале цитаты Н. Крупской.— *Ред.*)

«Русская революция,— писал он в июне 1912 г.,— впервые развила в широких размерах этот пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс. И теперь пролетариат снова и еще более твердой рукой применяет этот метод. Никакая сила в мире не могла бы осуществить того, что осуществляет этим методом революционный авангард пролетариата. Громадная страна с 150-миллионным населением, разбросанным на гигантском пространстве, раздробленным, придавленным, бесправным, темным, отгороженным от «зловредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов,— эта страна *вся* приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих и крестьян приходят в прямое и косвенное соприкосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды *всякой* рабочей семьи, соединяют с этой непосредственной борьбой за насущные экономические нужды протест политический и борьбу с монархией. Ибо контрреволюция внесла в миллионы и десятки миллионов острую ненависть к монархии, зачатки понимания ее роли, а теперь лозунг передовых столичных рабочих — да здравствует демократическая республика! — тысячами каналов идет да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в «народ», «во глубину России»» *. Массы убеждаются фактами, верят не словам, а делам. Выступая на III съезде Советов, Ленин говорил: «Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. Вот что народ почувствовал, и вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, когда они рассказывают о том, что красногвардейцы направляют всю мощь против эксплуататоров,— эта агитация непобедима» **.

Во время гражданской войны агитация приняла необычайно широкий размах. Тогда были созданы при ВЦИК агитационные поезда и пароходы. Владимир Ильич уделял им много внимания, давал указания о подборе людей, о характере агитации, об учете проделанной работы.

Громадное значение, пропагандистское и агитационное, получили декреты Советской власти. Ленин писал: «...если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму. Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли боль-

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 88.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 420—421.

шую роль для пропаганды. Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь *мы пропагандируем работой.* Это — тоже проповедь, но это проповедь действием — только не в смысле единичных действий каких-нибудь выскочек, над чем мы много смеялись в эпоху анархистов и старого социализма. Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!». Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. *Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу.* Вот что важно» *.

Ильич ставил агитацию в тесную связь не только с пропагандой, но и с организацией. Агитация помогает массам организовываться — об этом говорил Ленин с самого начала,— сплачивает их, помогает дружно действовать. Громадное организующее значение имела агитация в моменты революции, не меньшее значение она имеет и в деле строительства социализма. Формы агитации меняются, но агитация продолжает иметь организующее значение, и именно *агитация делом, работой, примером.*

Владимир Ильич особое значение придавал *агитации примером.* В статье «Очередные задачи Советской власти», написанной в марте — апреле 1918 г., Ильич подчеркивал то агитационное значение, которое приобретает пример при Советской власти. «При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов дело меняется в корне и,— согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами,— сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма», т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции» **.

Придавая громадное значение агитации примером, Ильич придавал поэтому *громадное агитационное значение соцсоревнованию.*

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 185—186.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 231.

Когда гражданская война близилась к концу, Ильич подчеркивал необходимость перевести пропаганду и агитацию на новые рельсы, как можно теснее увязывая ее с задачами социалистического строительства и особенно с задачами хозяйственного строительства, с задачами планового хозяйства.

«Пропаганда старого типа,— говорил Ленин,— рассказывает, дает примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства... Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства... И на этом должна быть построена вся агитация и вся пропаганда...

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства» *.

От агитпоездов ВЦИК он требовал усилить экономическую и практическую часть работы поездов и пароходов включением в их политотделы агрономов, техников, отбором технической литературы, соответствующего содержания кинолент, требовал изготовления кинолент на сельскохозяйственные и промышленные темы, заказов соответствующих фильмов за границей.

От политпросветов он требовал широкой постановки производственной пропаганды, набрасывал тезисы по этому вопросу, требовал изучения форм производственной пропаганды и агитации за границей, особенно в Америке, опыта применения этих методов у нас. В связи с докладом ГОЭЛРО он требовал втягивания в работу по электрификации широчайших масс рабочих, придания всей агитации за единый план электрификации политического характера, требовал расширения политехнического кругозора рабочих, без которого нельзя понять сути планового хозяйства.

Страстно мечтал Ленин о том, чтобы превратить Страну Советов в своеобразный агитпункт, действующий примером, показом,— в факел, который светил бы пролетариату всего мира.

Печатается по тексту брошюры, изданной Госполитиздатом в 1957 г.

---

* *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 346, 347.

К. Цеткин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

Ленин берет слово [71]. Его доклад — мастерской образец его искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, неумолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией. Он кидает свои фразы, как неотесанные глыбы, и возводит из них одно законченное целое. Ленин не хочет ослепить, увлечь, он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, красивых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой вскрывает «то, что есть».

То как свистящие удары бича, то как сокрушающие удары меча обрушиваются рассуждения Ленина на голову тех, кто из «охоты за теорией» сделал себе своего рода спорт, кто не понимает того, что̀ именно обеспечивает нам победу.

— Только когда мы в процессе борьбы сумеем привлечь на нашу сторону большинство трудящихся масс, и не только большинство рабочих, но и большинство эксплуатируемых и угнетенных, только тогда мы действительно победим.

Каждый чувствовал — сейчас был дан решающий бой. Когда я, охваченная восторгом, пожимала ему руку, я не могла удержаться, чтобы не сказать ему:

«Послушайте, товарищ Ленин, у нас председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, так непритязательно, как вы. Он боялся бы казаться «недостаточно образованным». Я могу сравнить ваше искусство говорить только с одним: с великим искусством Толстого. У вас та же крупная, цельная, законченная линия, то же непреклонное чувство правды. В этом — красота. Может быть, это специфическая отличительная черта славянской натуры?»

— Этого я не знаю,— ответил Ленин.— Я знаю только, что, когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них...

«Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 470—471.

А. В. Луначарский

ИЗ КНИГИ «ЛЕНИН И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Ленин очень часто и чрезвычайно удачно иллюстрировал свои статьи и речи цитатами и образцами из различных писателей. Особенно охотно цитирует он Щедрина, но также Гоголя, Гончарова, Толстого, Тургенева, Помяловского, Короленко, Чехова, даже Андреева и, наконец, Маяковского.

Манеру Маяковского Ленин не любил. Ему вообще претила чрезмерная напряженность, неестественность всяких ультрасовременных изысков. Но стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», в котором с большим юмором высмеивалась страсть даже хороших большевиков к заседаниям, вызвало веселое настроение Ленина и использование этих острых строк для своих публицистических целей *.

Несомненно, если бы у Ленина было время ближе познакомиться с творчеством Маяковского, в особенности с творчеством последних лет, свидетелем которого он уже не был, он бы в общем положительно оценил этого крупнейшего союзника коммунизма в поэзии.

Скажем здесь несколько слов о глубочайшей простоте ленинской *манеры изложения,* простоте, неразрывно соединявшейся с убедительностью. Ленин с негодованием относился ко всякому сюсюканию с рабочими, к замене серьезного обсуждения вопроса «прибаутками или фразами» **. В речах и статьях Ильича рабочие всегда видели, что Ильич, как выразился один рабочий, говорит с ними «всерьез».

«Ленин и литературоведение», стр. 89—90.

---

* См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 197.
** *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 440.

И. В. Сталин

СИЛА ЛОГИКИ

ИЗ РЕЧИ НА ВЕЧЕРЕ КРЕМЛЕВСКИХ КУРСАНТОВ

28 января 1924 г.

Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции [72]: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление,— все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

Сочинения, т. 6, стр. 55.

М. Горький

В. И. ЛЕНИН

(ОТРЫВОК ИЗ ОЧЕРКА)

Не всегда важно — что говорят, но всегда важно, как говорят. Г. В. Плеханов в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, похожий на протестантского пастора, открывая съезд [73], говорил, как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и пауза между словами. Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь.

Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее, точно кнопку звонка,— можно было думать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— Х-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков, Г. В. поднял брови, и у него побледнела щека; я говорю: щека, потому что сидел сбоку кафедры и видел лица ораторов в профиль.

Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то — съеживаясь, как бы от холода, то — расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе, рабочие, рядом с ним и сзади его, тоже улыбались, а из конца зала кто-то угрюмо и громко спросил:

— А по ту сторону — какие сидят?

Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина приходится родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики — недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся — «все выдающиеся теоретики марксизма», сказал он.

— Вы — не марксисты,— пренебрежительно говорил он,— нет, вы не марксисты! — И толкал в воздух, направо, желтым кулаком. Кто-то из рабочих осведомился у него:

— А когда вы опять пойдете чай пить с либералами?

Не помню, выступал ли на первом заседании Мартов. Этот удивительно симпатичный человек говорил юношески пламенно, и казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий.

Он весь содрогался, качался, судорожно расстегивал воротник крахмальной рубашки, размахивал руками; обшлага, выскакивая из рукава пиджака, закрывали ему кисть руки, он высоко поднимал руку и тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место. Мне казалось, что Мартов не доказывает, а — упрашивает, умоляет: раскол необходимо изжить, партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на две, рабочий прежде всего нуждается в «свободах», надобно поддерживать душу. Иногда его первая речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое. В конце речи и как будто вне связи ее, все-таки «боевым» тоном, он все так же пламенно стал кричать против боевых дружин и вообще работы, направленной к подготовке вооруженного восстания. Хорошо помню, как на скамьях большевиков кто-то изумленно воскликнул:

— Вот те и раз!

А, кажется, М. П. Томский спросил:

— Может нам и руки обрубить, для того чтоб товарищ Мартов успокоился?

Повторяю: не уверен, что Мартов говорил на первом заседании, я упомянул о нем только для того, чтоб рассказать, *как* говорили.

После его речи рабочие, в помещении перед залом заседания, угрюмо беседовали:

— Вот вам и Мартов! А — «искрист» был!

— Линяют товарищи интеллигенты.

Красиво, страстно и резко говорила Роза Люксембург, отлично владея оружием иронии. Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как

и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией,— все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре,— точно произведение классического искусства: все есть и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

— Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою — силою, заключенной в нем.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для того, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи и, заикаясь, кричал:

— З-загово-орчики... в з-заговорчики играете! Б-бланкисты!

Одобрительно кивала головой Роза Люксембург; она очень хорошо сказала меньшевикам на одном из следующих заседаний:

— Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем.

Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Владимира Ильича. Незаметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие.

Было очень странно и обидно видеть, что вражду к нему возбуждает такая естественная мысль: только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди ее. У меня образовалось такое впечатление: каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже...

Собрание сочинений, т. 17, стр. 11—14.

А. А. Андреев

ЛЕНИН, КАКИМ ОН БЫЛ НА ТРИБУНЕ

Представляется необходимым высказать несколько замечаний о Ленине как ораторе, о стиле и характере его речей.

Взять хотя бы его доклады на IX, X, XI съездах, на конференциях партии и конгрессах Коминтерна. Он обычно говорил около часа и редко несколько больше. И все же, несмотря на краткость и сжатость его выступлений, каждый раз оставалось впечатление, что он сказал все, что нужно; все остальное, чего он касался лишь вскользь или совсем не касался, имело второстепенное значение. Это оттого, что он всегда говорил о главном, выбирал основное звено, на котором и нужно было сосредоточить все внимание. Речь его была цельная, как глыба, как слиток. Он ставил основную задачу, и все другие вопросы, которых он касался, находились в сцеплении, в прямой связи с главной темой выступления, одно положение — в тесной, неразрывной связи с другим.

Выступал он обычно или совсем без записи, или имея в руках лишь небольшую бумажку с наброском плана речи, с заметками и вопросами, о которых он хотел сказать. Вот Ленин выходит для доклада; у него с собой краткий конспект, да и то в ходе речи он в него очень редко заглядывает. Но видно по всему, что его доклад не экспромт, а результат большой предварительной работы мысли. Все основные положения он заранее продумывал, а аргументы в значительной мере у него рождались уже на трибуне. Обладая колоссальной памятью, огромным запасом знаний, будучи замечательным диалектиком, он поражал свободой и железной логикой своих выступлений, необыкновенной способностью всесторонне охватывать события и видеть далеко их развитие.

Стиль его выступлений не тезисный. Речь очень живая, острая, меткая и всегда глубоко принципиальна. Теоретические положения перемежаются с практическими соображениями и доводами. Его речь обычно пересыпана примерами, сравнениями, но не цифрами. Подтверждая свои доводы, он часто употребляет меткие словечки, ходовые народные поговорки;

в этом смысле, кажется, никто так не пользовался богатством русского языка, как Ленин.

Особенно он оживлялся во время полемики, если ему кто-либо попадал «на зубок». Идейных противников — оппортунистов, меньшевиков, эсеров и других — он буквально уничтожал логикой своих доводов, иронией, высмеивал метким, острым словом. В то же время в ходе полемики он высказывал, как бы походя, глубокие, гениальные мысли. Если Ленин считал какой-либо вопрос особенно важным, он не считался с повторением и в ходе речи по разным поводам возвращался к нему по нескольку раз.

Я думаю, каждый, читая произведения Ленина, испытывает большое удовлетворение. Но можно себе представить, какое чувство приходилось испытывать, слушая Ленина! Во время речи он весь жил и находился в движении. Говорил он обычно вне трибуны, она его стесняла. Вот он выходит на трибуну для доклада, но после первых же фраз ее покидает. Весь он устремился вперед; переходя с места на место, сопровождая речь живой жестикуляцией, то наклонясь, то откидываясь всем корпусом в зависимости от хода мысли, он старается крепче вложить в сознание слушателей свои доводы. Вся его фигура полна энергии и огромной внутренней силы.

Где бы Ленин ни выступал — на съезде или на митингах, он с первых же слов полностью захватывал, брал в плен аудиторию; все взоры, все внимание уже неотрывно и до конца сосредоточивались на Ленине. Тут действовали важность вопроса, прямота, сила правды, глубокая убежденность и страстность, звучавшие в первых же фразах речи, соединенные с огромным личным обаянием Ленина и доверием к нему.

Он был страшен для врагов своей невероятно разящей силой правды. Да и теперь слово Ленина приводит в трепет всех и всяческих врагов социализма. В то же время он был и остается необыкновенно близким, родным для простых людей всего мира.

Его речь по форме была всегда проста, но глубока по своему содержанию, связана с действительностью, с вопросами, волнующими миллионы людей, поэтому она сразу же доходила до сознания самого простого человека.

В его речах, так же как и в статьях, нет отвлеченных рассуждений или положений. Теоретические положения, высказываемые Лениным, всегда связаны с жизнью, он их сопровождает живыми примерами. В каждой его речи или статье есть что-то новое, оригинальное и даже ранее уже приводимая мысль повторяется в новой форме или в другой связи.

Он мог во время выступления не глядеть на свои записи, но не мог забыть свои часы, которые обыкновенно держал в

руке, часто поглядывая, не затянул ли он свою речь, и, если по его расчету время истекало, он начинал заметно торопиться.

Его речь не была равномерной: то он призывает, то беседует и рассуждает. Вот он говорит о нашей победе над всемирным капиталом в Октябре или в гражданской войне, о больших задачах социалистического строительства. Говорит он об этом с подъемом и пафосом. Но этот пафос не ораторского свойства, в нем нет и тени преувеличения. Ленин терпеть не мог фальши, фразерства или напускного пафоса. Пафос в его речах был действительным отражением великих побед пролетарской революции. Вместе с тем он всегда со всей прямотой говорил о наших недостатках и о трудностях, которые предстояло преодолеть в решении той или иной задачи.

Трудно подыскать точное определение для ленинских выступлений. Скорее всего это было похоже на порыв, призыв. Говорил ли он об успехах, недостатках, задачах, он всегда как бы звал вперед. После каждой речи Ленина люди испытывали какое-то необыкновенное удовлетворение, становилось как-то легко, светло и все ясно.

«Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 32—34.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Риторика — наука об ораторском искусстве. Ритор — оратор и учитель красноречия в древней Греции.— *17.*

[2] Стиль — в данном случае вид, тип речи, определяемый условиями, обстановкой и целью сообщения. Различные стили отличаются друг от друга по используемым в них языковым средствам или по степени их использования. Стиль речи может быть торжественным, шутливым, ироническим, полемическим и т. п. В более общем понимании стиль — это исторически обусловленное эстетическое единство содержания и многообразных сторон художественной формы, раскрывающее содержание произведения (книги, пьесы, речи и т. п.). (См. «Литературная энциклопедия», т. XI, Гихл, 1939.) — *17.*

[3] Аристотель имеет в виду свое произведение «Поэтика».— *17.*

[4] Метафора — оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле, на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения.— *18.*

[5] Эпитет — определение, прилагаемое к названию того или иного предмета.— *18.*

[6] «Вавилоняне» — одна из не дошедших до нас комедий Аристофана (см.).— *19.*

[7] Гомер.— *20.*

[8] В «Поэтике» Аристотель так расшифровывает этот пример: «Чаша так же относится к Дионису, как щит к Аресу, поэтому можно назвать чашу щитом Диониса, а щит — чашей Ареса». Дионис — бог вина, Арес — бог войны.— *20.*

[9] Аристотель здесь с некоторым пренебрежением ссылается на предписания обычных руководств по риторике.— *22.*

[10] Одним из условий красоты Аристотель считал законченность.— *23.*

[11] В античном мире под метром подразумевали стихотворную размерную речь, в отличие от ритма.— *23.*

[12] Ритм — звуковая организация речи при помощи чередования ударных и безударных слогов.— *23.*

[13] Так в античной метрике называли группу стоп, объединенных вокруг одной — с главным ударением, образующих таким образом высшую ритмическую единицу — колон.— *24.*

[14] Аристотель имеет в виду образ человека, по инерции падающего вперед, когда его останавливают при быстром беге.— *24.*

[15] Силлогизм — умозаключение.— *24.*

[16] Вероятно, в «Эпитафии» Горгия (см.).— *25.*

[17] Саламин — остров в Эгейском заливе. В 480 г. до н. э. возле этого острова произошло знаменитое морское сражение греков и персов, закончившееся победой греческого флота.— *25.*

[18] В основе этого выражения лежит пифагорейское представление о четырехугольнике как самой совершенной фигуре.— *26.*

[19] Стилистический прием, явное и намеренное преувеличение. Напр.: «Я говорил тебе тысячу раз».— *27.*

[20] Стилистическая фигура, накопление однородных элементов речи (сравнений, синонимов и т. д.) для усиления ее выразительности.— *28.*

[21] Городская площадь в древнем Риме. В каждом городе имелся форум, где сосредоточивалась общественная жизнь — *30.*

[22] Аттика — в древности область в Средней Греции с главным городом Афины. Аттический оратор, т. е. греческий оратор.— *31.*

[23] Устаревшие слова.— *32.*

[24] Фигуры — термин античной стилистики, обозначающий художественное осмысление и упорядочение изменений в синтаксическом строе связной речи.— *33.*

[25] Диалог «Об ораторе» написан Цицероном в виде якобы имевшей место беседы между виднейшими ораторами того времени. Приводимые здесь слова принадлежат Л. Лицинию Крассу (140—91 гг. до н. э.) — самому крупному оратору до Цицерона.— *34*

[26] Дифирамбом называлась сначала торжественная песнь в честь Вакха (Диониса), прославлявшая подвиги этого бога; из этих песен впоследствии возникла трагедия. С течением времени темы дифирамбов, составлявшихся уже поэтами, заимствовались из греческой мифологии; в них воспевались герои, которым, подобно Дионису, выпали на долю борьба и страдание.— *35.*

[27] Палестриты — ученики частных школ (палестр), где обучали физическим упражнениям.— *37.*

[28] Речь в защиту Т. Анния Милона, убийцы П. Клодия, была произнесена Цицероном 8 апреля 52 г. до н. э. при следующих обстоятельствах. Во время разбирательства дела на форуме и возле окружавших его храмов были расставлены войска. Лишь только Цицерон начал говорить, как толпа народа, приведенная в страх при виде солдат, прервала оратора яростным криком, он растерялся, и, таким образом, произнесенная речь уже не имела успеха.— *37.*

[29] Упомянутые Цицероном речи Эсхина и Демосфена принадлежат к лучшим произведениям ораторского искусства древней Греции. Произнесены они по так называемому делу о Ктесифонте, предложившем наградить Демосфена золотым венком за его гражданские заслуги. Политический противник Демосфена Эсхин опротестовал это предложение. Речь Эсхина против Ктесифонта по сути дела была направлена против Демосфена. После ее произнесения афиняне склонны были осудить Демосфена. Затем Демосфен великолепно произнес свою ставшую знаменитой «речь о венке». Эсхин не набрал за свое предложение и одной пятой голосов и вынужден был согласно закону отправиться в изгнание.— *38.*

[30] Термин античной метрики, означающий сочетание долгих и кратких слогов, закономерно повторяющихся в стихе — *43.*

[31] Термин школьной риторики, означающий совокупность приемов для развития предложенной темы.— *59.*

[32] Отрывок из серии статей, озаглавленных «Друг честных людей или Стародум». Статьи предназначались для предполагавшегося в 1788 г. издания сатирического журнала.— *63.*

[33] Претура, архонция, консульство — почетные государственные должности в древнем Риме.— *64.*

[34] Имеется в виду написанная О. И. Сенковским (см.) «Резолюция на челобитную *сего, оного, таковогo, коего...* по делу об изгнании оных без суда и следствия из русского языка». («Библиотека для чтения», январь, 1835.) — *65.*

[35] С Лединых яиц, т. е. с самого начала.— *67.*

[36] В мае 1848 г. во Франции временное правительство, возглавляемое Ламартином, сложило свои полномочия перед Учредительным собранием. В Учредительном собрании подавляющее большинство принадлежало буржуазным республиканцам.— *68.*

[37] «Пан Халявский» — роман выдающегося украинского писателя Г. Квитка-Основьяненко (1778—1843).— *72.*

[38] «Пчела» — древнерусский сборник изречений. «Измарагды» — древнерусские литературные сборники религиозно-нравственного содержания.— *80.*

[39] Статья впервые напечатана 24 января 1893 г. в газете «Новое время».

Чехов всегда очень интересовался ораторским искусством. «Мне кажется,— писал он Е. Линтваревой,— что из меня, если бы я не был косноязычен, выработался бы неплохой адвокат. Умею коротко говорить о длинных предметах» (23 ноября 1888 г.).— *87.*

[40] Статья впервые напечатана в газете «Правда» 18 марта 1934 г. Приводится с незначительным сокращением.— *89.*

[41] «Житие» Аввакума (1621—1682) написано им самим, представляет ценный исторический документ и литературный памятник XVII века.— *90.*

[42] Под этим заголовком приводятся отрывки из книги П. С. Пороховщикова «Искусство речи на суде», вышедшей в свет в 1910 г. под псевдонимом — П. Сергеич.— *97.*

[43] *Де Бетс, Герман.* Искусство говорить на суде. Пер. с франц. В. В. Быховского. М. 1896.— *101.*

[44] Гарпагон — персонаж комедии Мольера «Скупой». Скупой рыцарь — герой одноименного произведения Пушкина.— *114.*

[45] Элоквенция — красноречие.— *117.*

[46] «Советы лекторам» А. Ф. Кони впервые опубликованы в «Избранных произведениях», изданных Госюриздатом в 1956 г.— *120.*

[47] Речь идет о произведении Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».— *124.*

[48] По всей вероятности, это описка А. Ф. Кони. Цитируемые слова принадлежат Н. А. Некрасову (стихотворение «Подражание Шиллеру»).— *126.*

[49] Имеется в виду выступление В. Бракке 18 апреля 1877 г. о вторичном пересмотре избрания национал-либерала Вейгеля из Касселя.— *131.*

[50] Речь А. Бебеля от 18 апреля 1877 г. о промысловом уставе.— *131.*

[51] Культуркампф — распространенное в литературе название законов О. Бисмарка в Германии, направленных против католического духовенства; в 1880 г. почти все они были отменены.— *132.*

[52] Немецкий рабочий союз (Немецкое рабочее общество) в Брюсселе был основан Марксом и Энгельсом в августе 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих и пропаганды идей научного коммунизма. Лекции, прочитанные Марксом в этом обществе, были опубликованы в апреле 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung» под названием «Наемный труд и капитал».— *133, 220.*

[53] Франкфуртское национальное собрание — парламент, созванный для разрешения вопроса об объединении Германии. Собрание ничего не решило. Существовало в течение 1848—1849 гг.— *134.*

[54] Речь на Международном конгрессе мира в Женеве, в сентябре 1867 г.— *135.*

[55] Виги и тори — название английских политических партий. Преобразованы в середине XIX в.: первая — в либеральную, вторая — в консервативную партию.— *137.*

[56] Оттоманская империя, или Османская империя,— официальное название султанской Турции с XV в. Прекратила существование официально в 1922 г.— *137.*

[57] Спикер — председатель палаты общин в английском парламенте.— *137.*

[58] Речь Гладстона по поводу прекращения войны с Россией. Имеется в виду война 1853—1856 гг.— *139.*

[59] Ироническое название палаты общин английского парламента. Англичане называли ее так потому, что члены палаты обычно чрезвычайно равнодушно относились к выступлениям ораторов.— *143.*

[60] Речь Дизраэли о восстании в Индии (1857).— *144.*

[61] Эол — бог ветра (греч. миф).— *149.*

[62] Вид морских раковин, резонирующих шумы.— *149.*

[63] Пале-Рояль и Тюильри — королевские дворцы в Париже.— *149.*

[64] Имеется в виду покушение народовольцев на Александра II 1 (13) марта 1881 г.— *150.*

[65] Мавр — семейное прозвище К. Маркса (см.).— *215.*

[66] Союз коммунистов—первая международная революционно-пролетарская организация. Создан Марксом и Энгельсом в 1847 г. в Лондоне.—*220.*

[67] *Демократическая ассоциация,* основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании ассоциации сыграли Маркс и Энгельс. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем, на пост председателя был выдвинут бельгийский демократ Л. Жотран. Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из крупных центров международного демократического движения. В дни февральской буржуазной революции во Франции пролетарское крыло брюссельской Демократической ассоциации добивалось вооружения бельгийских рабочих и развертывания борьбы за демократическую республику. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами ассоциации бельгийские буржуазные демократы не сумели возглавить антимонархическое движение трудящихся масс. Деятельность Демократической ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и уже в 1849 г. фактически прекратилась.

«Братские демократы» — международное демократическое общество, основанное в Лондоне в 1845 г. представителями левого крыла чартизма и революционными эмигрантами (членами Союза справедливых и др.) с целью установления тесных связей между демократическим движением разных стран. Маркс и Энгельс приняли участие в подготовке собрания демократов различных наций 22 сентября 1845 г., на котором фактически было основано это общество. На самом собрании Маркс и Энгельс в связи с отъездом из Лондона не присутствовали. Они поддерживали постоянный контакт с обществом «Братские демократы», стремясь воспитать его членов — особенно пролетарское ядро общества, вошедшее в 1847 г. в Союз коммунистов,— в духе пролетарского интернационализма и научного коммунизма, а также оказать через общество идейное воздействие на чартизм. Теоретически незрелые взгляды членов общества подвергались критике со стороны Маркса и Энгельса.

После поражения чартистов в 1848 г. общество значительно ослабило свою деятельность и в 1853 г. окончательно распалось.— *221.*

[68] Фритредеры — сторонники свободы торговли.— *222.*

[69] Пуризм — течение в языкознании, стремящееся оградить язык от слов иностранного происхождения или от «простонародных» слов. Не имеет ничего общего с борьбой против засорения языка ненужными словами.— *226.*

[70] Брошюра Н. К. Крупской «Ленин как пропагандист и агитатор» выпущена Госполитиздатом отдельным изданием в 1957 г.— *229.*

[71] К. Цеткин рассказывает о выступлении В. И. Ленина в 1921 г. на III Всемирном конгрессе Коминтерна.— *245.*

[72] Таммерфорсская конференция, состоявшаяся в декабре 1905 г.— *247.*

[73] Речь идет о V (Лондонском) съезде РСДРП.— *248.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

III.

РУССКИЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЯТЕЛИ О КРАСНОРЕЧИИ

IV.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ОРАТОРАХ

V.

В. И. ЛЕНИН О МАСТЕРСТВЕ ПРОПАГАНДИСТА И АГИТАТОРА

VI.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА О МАСТЕРСТВЕ АГИТАТОРА И ПРОПАГАНДИСТА

Приложение

К. МАРКС и В. И. ЛЕНИН КАК ОРАТОРЫ

(Из воспоминаний современников)